

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ ЛИНГВОДИДАКТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ИРАНЕ)

М. Абдоллахи

Университет имени Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран

Рассматривается социокультурная роль лингводидактики в формировании представления о стране изучаемого иностранного языка. На примере преподавания русского языка гражданам Ирана показывается формирование представления о Российской Федерации. Для сбора информации использовался опрос, в котором приняли участие более 100 человек, из которых 50 % изучали русский язык (знали его) и 50 % не знали русского языка. Фокусной группой являлись иранские студенты.

Ключевые слова: *публичная дипломатия, язык, русский язык, персидский язык.*

В настоящее время общественное мнение в любой стране является важным элементом процесса принятия решений. Страны не могут, как раньше, действовать только на основе своих официальных отношений с другими странами в рамках традиционной дипломатии. Для продвижения своих планов государства нуждаются в средствах, при помощи которых они могли бы устанавливать контакт как с рядовыми гражданами, так и с элитами той или иной страны, чтобы воздействовать на эту страну через общественное мнение. Публичная дипломатия — относительно новое понятие, которое впервые было использовано в 1965 г. для обозначения процесса, посредством которого субъекты международных отношений достигают внешнеполитических целей, оказывая воздействие на иностранную общественность¹. Публичная дипломатия как дополнительный способ достижения внешнеполитических целей государства приобретает особую актуальность в связи с изменением геополитической картины мира под воздействием глобальных процессов, она занимается изучением и информированием зарубежной аудитории, а также установлением контактов с ней [2]. Ее популярность обусловлена несколькими взаимосвязанными причинами: глобализацией, увеличением количества «игроков» на международной арене и развитием коммуникационных технологий [1].

Эволюция понятия силы в международной политике привела к тому, что сегодня соответствующий термин больше не обозначает традиционную «жесткую силу». Сила стран измеряется не только по их экономическим и военным потенциалам, но и по возможности менять поведение других

стран. Эта возможность — «мягкая сила» — является важнейшим критерием силы любой страны. Для достижения такого рода влияния используются разные методы и средства.

По мнению исследователей, самые сильные в плане физических, военно-политических и экономических возможностей не всегда остаются самыми сильными, если они не могут превратить свою силу в право, сделать эту силу легитимной в глазах собственного гражданского общества и мирового сообщества. Иначе говоря, необходимо превращение жесткой силы в мягкую [5]. Мягкая сила есть плод и результат положительного имиджа, представления приемлемого лица, приобретения авторитета во внутреннем и международном сообществах, возможности оказания непрямого влияния на других при их общей удовлетворенности [8]. Таким образом можно сказать, что мягкая сила — привлекательная сила, которая не видна, хотя и ощущается, чувствуется [7]. По определению Найа, мягкая сила любой страны исходит из трех источников: культура (включая те ее части, которые интересны для граждан своей и чужих стран), политические ценности (когда мнение политика той или иной страны совпадает с внутренним и международным мнениями) и внешняя политика (когда сила воспринимается как легитимная и моральная) [цит. по: 4].

В Концепции внешней политики РФ от 12 февраля 2013 г. отмечается, что «важным направлением внешнеполитической деятельности Российской Федерации является доведение до широких кругов мировой общественности полной и точной информации о ее позициях по основным международным проблемам, о внешнеполитических инициативах и действиях Российской Федерации,

¹ Что такое общественная дипломатия? (<http://fletcher.tufts.edu/murrow/diplomacy>; дата обращения 12.12.2020).

о процессах и планах ее внутреннего социально-экономического развития, о достижениях российской культуры и науки». Также в данном документе сказано, что добиваться объективного восприятия в мире Россия будет через механизмы публичной дипломатии, используя возможности новых информационно-коммуникационных технологий¹.

Иран и Россия с учетом богатой истории в различных сферах, в том числе цивилизационной, культурной и религиозной, имеют огромный потенциал для развития своей культурной дипломатии не только в своих регионах, но и во всем мире.

Роль языка в публичной дипломатии

Язык считается одним из ключевых элементов в процессе развития мягкой силы. Он является инструментом общения и взаимопонимания различных народов. Без общего языка невозможно и сотрудничество в культурных сферах. Слова любого языка показывают богатство, культурный капитал и концептуально-метафорические сокровища каждого общества. Язык и культура тесно связаны, и каждый человек в обществе думает на своем языке, посредством этого языка.

К сожалению, в настоящее время в России немного людей, знающих фарси, а в Иране немного людей, которые знают русский. Многие проблемы в процессе развития двусторонних отношений, в том числе экономических и культурных, связаны с этим. Большинство россиян и иранцев получают информацию о России и Иране через западные источники. Большая часть негативных стереотипов, которые господствуют в социальных сетях Ирана и России относительно друг друга, возникли именно из-за этого. Можно сказать, граждане обеих стран подвергаются информационной атаке. В 2003 г. администрация президента В. В. Путина поручила провести опрос, в ходе которого американцы должны были назвать десять вещей, которые у них ассоциируются с Россией. Большинство ответов были следующими: коммунизм, КГБ, снег и мафия [6]. В Иране преобладают аналогичные стереотипы, так как в Иране тоже мало знают о России, и главным барьером является языковой. Развитие обучения русскому языку в Иране сегодня как никогда важно, и руководители обеих стран должны рассмотреть раз-

витие языка как значимый элемент укрепления публичной дипломатии.

Вице-президент Ирана Джахангири в своем интервью о важности развития персидского языка в мире сказал: персидский язык является важнейшим фактором нашей национальной идентичности, а его развитие считается важным компонентом публичной дипломатии Ирана². Россия так же, понимая значимость распространения русского языка как важного элемента публичной дипломатии, реализует комплекс мер по развитию русского языка. Так, в 2007 г. «в целях популяризации русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры», был создан фонд «Русский мир»³. При поддержке фонда в партнерстве с ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами 45 стран мира открыты и функционируют русские центры, в том числе в Тегеранском университете и Мешхедском университете имени Фирдоуси.

Иранская сторона прямо утверждает, что для дальнейшего развития двусторонних отношений во всех сферах необходимо развивать русский язык в Иране. Именно поэтому очень активно начался процесс изучения русского языка в вузах Ирана. В настоящее время русский язык изучается в шести тегеранских университетах, включая Мешхедский университет имени Фирдоуси, университеты Гилана и Мазандарана. В целом в Иране отсутствует официальная статистика по количеству владеющих русским языком, но, по оценочным данным, эта цифра может составлять до 4,5 тыс. чел. [3].

По утверждению иранской стороны, для сотрудничества с регионами России, включая Кавказ, также необходимо развитие обучения русскому языку. Иран имеет общие границы и общую историю с Кавказом. Важно в этой связи, что Иран не претендует на лидерство, на первом месте у него стоят прагматические интересы, а не ценностные установки, что подтверждают и российские эксперты⁴. Сегодня экстремизм и религиозный радикализм угрожают не только Кавказу, но и являются общей угрозой для Ирана и России. С учетом того факта, что у Ирана и России об-

²<http://www.farsnews.com/newstext.php?nn=13940728000623>

³<http://russkiymir.ru/fund/the-decree-of-the-president-of-the-russian-federation-on-creation-of-fund-russian-world.php#1>

⁴http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4757#top-content

¹http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F

материалов и публикации новых типов учебников русского языка, которые соответствуют поставленным целям и параметрам. Издательством университета опубликован ряд национально ориентированных учебников русского языка, составленных совместно иранскими и российскими преподавателями. Среди них можно выделить такие учебники, как «Перевод СМИ для иранских студентов», «Знакомство с Россией и русской культурой», «Хафиз и русские поэты».

Обоснуем социокультурное влияние лингводидактики на формирование представления о Российской Федерации у граждан Ирана. С целью выяснения этого вопроса нами было проведено исследование в трех университетах Ирана — в Университете имени Алламе Табатабаи, Тегеранском университете, Мешхедском университете имени Фирдоуси. Во всех этих трех университетах есть кафедра русского языка. Из числа студентов кафедры русского языка Университета Алламе Табатабаи в опросе приняли участие 20 студентов, из числа студентов кафедр русского языка двух остальных университетов — по 15 студентов. Респонденты, которые не знали русского языка, тоже были выбраны из указанных трех университетов: из Университета Алламе Табатабаи — 20 студентов, из Тегеранского и Мешхедского университетов — по 15 чел. Респонденты были разделены по возрастным категориям (17—20, 21—25, 26—30 лет) и по критерию знания и незнания русского языка.

Для проведения исследования был составлен опросник, включающий девять вопросов. Полученные результаты были обработаны SPSS:

Таблицы частотности

1. Известна ли Вам история взаимоотношений России и Ирана?

Ответы	Проценты	Частотность
Да, известна	57%	57
Нет, неизвестна	13%	13
Затрудняюсь ответить	30%	30
Всего	100,0%	100,0%

2. Какими Вам представляются современные жители РФ?

Ответы	Проценты	Частотность
Они такие же, как и мы	15%	15
Они сильно отличаются от нас в социокультурном плане	35%	35
В чем-то мы с ними похожи, в чем-то нет	47%	47
Затрудняюсь ответить	3%	3
Всего	100,0%	100,0%

3. Должен ли Иран развивать отношения с РФ?

Ответы	Проценты	Частотность
Да, обязательно, Россия — это наш близкий союзник	82%	82
Нет не должен, не вижу смысла	8%	8
Затрудняюсь ответить	10%	10
Всего	100,0%	100,0%

4. На Ваш взгляд, современные российско-иранские отношения носят стратегический характер?

Ответы	Проценты	Частотность
Да	3%	3
Нет	87%	87
Затрудняюсь ответить	10%	10
Всего	100,0%	100,0%

5. В каких сферах общественной жизни Россия и Иран, на Ваш взгляд, должны развивать сотрудничество?

Ответы	Проценты	Частотность
В политической сфере	22%	22
Социально-экономической сфере	35%	35
Сфере культурного взаимодействия	32%	32
Затрудняюсь ответить	11%	11
Всего	100,0%	100,0%

Таблицы сопряженности по возрасту

6. Известна ли Вам история взаимоотношений России и Ирана?

Возраст	Да, известна	Нет, неизвестна	Затрудняюсь ответить
17—20	55,0%	27%	18%
21—25	25,0%	45%	30%
26—30	20,0%	28%	52%
Всего	100,0%	100,0%	100,0%

7. Какими Вам представляются современные жители РФ?

Возраст	Они такие же, как и мы	Они сильно отличаются от нас в социокультурном плане	В чем-то мы с ними похожи, в чем-то нет	Затрудняюсь ответить
17—20	12%	35%	45%	8%
21—25	9%	49%	33%	9%
26—30	9%	55%	12%	24%

8. Должен ли Иран развивать отношения с РФ?

Возраст	Да, обязательно, Россия — это наш близкий союзник	Нет не должен, не вижу смысла	Затрудняюсь ответить
17—20	59%	22%	19%
21—25	33%	45%	22%
26—30	30%	40%	30%

9. На Ваш взгляд, современные российско-иранские отношения носят стратегический характер?

Возраст	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
17—20	60%	30%	10%
21—25	30%	35%	35%
26—30	15%	25%	60%

10. В каких сферах общественной жизни Россия и Иран, на Ваш взгляд, должны развивать сотрудничество?

Возраст	В политической сфере	Социально-экономической сфере	Сфере культурного взаимодействия	Затрудняюсь ответить
17—20	25%	40%	30%	5%
21—25	30%	25%	24%	21%
26—30	35%	34%	20%	11%

Таблицы сопряженности по знанию/незнанию языка

11. Известна ли Вам история взаимоотношений России и Ирана?

Ответы	Респонденты, изучающие русский язык	Респонденты, не изучающие русский язык
Да, известна	70%	48%
Нет, не известна	20%	35%
Затрудняюсь ответить	10%	17%
Всего	100%	100%

12. Какими Вам представляются современные жители России?

Ответы	Респонденты, изучающие русский язык	Респонденты, не изучающие русский язык
Они такие же, как мы	30%	15%
Они сильно отличаются от нас в социокультурном плане	25%	51%
В чем-то мы с ними похожи, в чем-то нет	45%	33%
Затрудняюсь ответить	0,0%	1%
Всего	100%	100%

13. Должен ли Иран развивать отношения с РФ?

Ответы	Респонденты, изучающие русский язык	Респонденты, не изучающие русский язык
Да, обязательно, Россия — это наш близкий союзник	74%	33%
Нет, не вижу смысла	17%	44%
Затрудняюсь ответить	9%	23%
Всего	100%	100%

14. На Ваш взгляд, современные российско-иранские отношения носят стратегический характер?

Ответы	Респонденты, изучающие русский язык	Респонденты, не изучающие русский язык
Да	50%	12%
Нет	45%	69%
Затрудняюсь ответить	5%	19%
Всего	100%	100%

**15. В каких сферах общественной жизни
Россия и Иран, на Ваш взгляд,
должны развивать сотрудничество?**

Ответы	Респонденты, изучающие русский язык	Респонденты, не изучающие русский язык
В политической сфере	30 %	40,0 %
В социально- экономической сфере	35 %	30 %
В сфере куль- турного взаимо- действия	35 %	25 %
Затрудняюсь ответить	0.0 %	5 %
Всего	100 %	100 %

Рассмотрим существенные результаты опроса. Более половины респондентов в ответ на первый вопрос заявили, что им известна история отношений России и Ирана. В ответ на второй вопрос более половины респондентов ответили: «В чем-то мы с ними похожи, в чем-то нет». Учитывая ответы на третий вопрос, можно сказать, что большинство респондентов утверждают необходимость развития отношения с РФ.

Любопытны результаты опроса в таблицах по возрасту. У группы 17—20 лет все параметры положительны. Люди этой группы полагают, что знают о России достаточно много, они в большей степени поддерживают развитие отношений с РФ и думают, что россияне больше похожи на иранцев. На основе полученных результатов можно сказать, что у молодого поколения, то есть у рожденных после 2000 г., представление о РФ позитивное. Такое явление можно объяснить влиянием виртуального пространства и успехами России в ее деятельности по улучшению своего имиджа в мире.

Самые интересные результаты относятся к респондентам, которые изучают русский язык, то есть знают его в той или иной степени. У большинства респондентов, изучающих русский язык, наблюдается тенденция к позитивным ответам.

В ответ на первый вопрос 70 % из них заявили, что им известна история взаимоотношений России и Ирана. Почти половина респондентов, изучающих русский язык, сказали, что россияне в чем-то схожи с иранцами, а в чем-то нет. Почти 80 % респондентов, изучающих русский язык, уверены в необходимости развития двухсторонних отношений.

Результаты проведенного нами опроса среди студентов, которые знают русский язык, и тех, которые его не знают, доказывают, что изучение русского языка в иранской аудитории ведет к появлению более ясного представления о России и более позитивного отношения к ней среди студентов.

Таким образом, наши данные подтверждают, что для развития двухсторонних отношений между РФ и Ираном необходимо принимать меры по развитию изучения русского языка, знание которого становится одним из важнейших факторов оптимизации отношений между двумя странами. Можно утверждать, что с развитием обучения русскому языку и его исследования в иранском обществе представление иранского народа о РФ улучшается. Работа по составлению нового поколения учебников русского языка в настоящее время необходима.

В настоящее время в вузах Ирана ведется активная работа по лингвокультурной адаптации существующего дидактического материала русского языка к условиям и потребностям Ирана. Частично используются материалы хорошо зарекомендовавших себя учебников русского языка. Также разрабатываются специализированные пособия по истории России, в которых особый акцент делается на взаимоотношениях Ирана и России. Войны и конфликты между Ираном и царской Россией были неотъемлемой частью нашей истории, но есть и удачный опыт сотрудничества между двумя странами, о чем широкая публика мало знает. Кроме того, разрабатывается пособие по русской литературе, в котором используются материалы, соответствующие требованиям исламской культуры Ирана.

Список литературы

1. Лебедева О. Особенности института публичной дипломатии в России // *Международная жизнь*. 2015. № 6.
2. Мкртумян М. Г. Публичная дипломатия // *Молодой ученый*. 2016. № 5. С. 576—578.
3. Федотов А. Л., Сорокин А. А., Прокофьев П. А. Русский язык в мире: доклад / Министерство иностранных дел Российской Федерации. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

4. Херсич Х., Туйсаркани М. Геополитическая мягкая сила Ирана // Журнал политических исследований. 2009. № 14.
5. Asgari M. Strengthening the forces, the need for deterrence. Tehran: Pazhuhesh. 2011. 250 p. [на фарси].
6. Evans J. Spinning Russia // Foreign Policy. URL: <http://foreignpolicy.com/2005/12/01/spinning-russia/> (дата обращения 12.12.2020).
7. Hossaini M. The role of the Basij in soft power. Vol. 3. Tehran: Basij. 2011. 205 p. [на фарси].
8. Shaabani M., Hendiani A. Basij, introduction and management of soft threats. Том 3. Tehran: institute of Basil's research 2008. 420 p. [на фарси].

Сведения об авторе

Абдоллахи Муса — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Университета им. Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран. Mabdollahi82@yahoo.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 1 (447). *Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 7—13.*

LINGUOCULTURAL ASPECT OF LINGUODIDACTICS: THE ROLE OF LEARNING THE RUSSIAN LANGUAGE IN SHAPING THE IDEA OF THE RUSSIAN FEDERATION AMONG THE CITIZENS OF IRAN

M. Abdollahi

Allameh Tabataba'i University, Teheran, Iran. Mabdollahi82@yahoo.com

The article deals with the question of the role of the Russian language in shaping the idea of the Russian Federation among Iranian citizens. The author also tries to establish the cultural role of the Russian language as a tool for the development of bilateral relations between Iran and Russia. A questionnaire was used to collect information for the assessment of these roles. More than 100 people took part in the poll, of which 50 percent studied Russian (and knew it to some degree) and 50 percent did not know it. The research was done among Iranian students.

Keywords: *public diplomacy, language, Russian, Persian.*

References

1. Lebedeva O. (2015) *Mezhdunarodnaia zhizn'*, no. 6 [In Russ.].
2. Mkrtumian M. G. (2016) *Molodoy uchenyy*, no. 5, pp. 576—578 [in Russ.].
3. Fedotov A. L., Sorokin A. A., Prokof'ev P. A. (2003) *Russkiy yazyk v mire* [Russian language in the world]. Report. Moscow [in Russ.].
4. Hersich Kh., Tusarkani M. (2009) *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*, no. 14 [In Russ.].
5. Asgari M. (2011) *Ukrepleniye sil, neobkhodimost' sderzhivaniya*. Tehran [in Farsi].
6. Evans J. Foreign Policy. Available at: <http://foreignpolicy.com/2005/12/01/spinning-russia/>, accessed 12.12.2020.
7. Hossaini M. (2011) *Rol' Basidzh v myagkoy sile*, vol. 3. Tehran [in Farsi].
8. Shaabani M., Hendiani A. (2008) *Basidzh, vnedreniye i upravleniye myagkimi ugrozami* [Basij, introduction and management of soft threats], vol. 3. Tehran [in Farsi].

ТЕМАТИЧЕСКАЯ СЕТКА КАК ИНСТРУМЕНТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА ОРИГИНАЛУ

Н. В. Бородина, В. И. Бортников, Е. Н. Шишкина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№ 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

Рассматривается вопрос применимости тематической сетки — объемной модели текстовой категории темы — при установлении степени соответствия перевода оригиналу. Построены тематические сетки оригинала стихотворения С. Плат *Morning Song* и его перевода, выполненного Я. Пробштейном. Рассчитана эквивалентность по параметрам набора, комбинаторики и текстового размещения 47 тематических номинаций.

Ключевые слова: *текстовая категория, тема, тематическая сетка, эквивалентность, поэтический текст, Сильвия Плат.*

Введение

Понятие тематической сетки предложено И. В. Арнольд в работах 1970—80-х гг. [1; 2] и связано в терминах стилистики декодирования с внутритекстовой системой повторов. Ср. разные определения: «Повторяясь в тексте, семы образуют его тематическую сетку» [1. С. 131]; «...тематической сеткой текста, — пишет И. В. Арнольд, — является набор повторяющихся в нем сем, то есть наименьших единиц плана содержания. Наличие общих компонентов в семном составе денотативных значений или в коннотациях разных слов, то есть семантические повторы, обнаруживается по лексическим связям слов в тексте» [Цит. по 12. С. 141]. Собственно «сетка» в ходе стилистического анализа не изображается (нам не удалось найти ни одной работы с опытом построения такой модели), а идея «сетки» в границах текста соответствует, по сути, лексико-семантическому полю в системе языка [10. С. 53].

На той же логике повторяемости основан лингвотекстовый подход к теме, понимаемой уже как «текстовая категория — один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющих собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами» [13. С. 669]. Категория темы «отражает в тексте предмет речи, то есть тот предмет реальности, с которой работает автор» [9. С. 43]. «Тема текста находит свое выражение в тематических группах, для которых наиболее важны непосредственные наименования предмета речи» [8. С. 52].

Эти номинации признаются маркерами, или сигналами, текстовой категории темы (в терминосистемах смежных дисциплин — тематическими, или ключевыми, словами).

Каждая категория текста может интерпретироваться посредством трех моделей: линейной, полевой и объемной [17. С. 184]. Наиболее проста и удобна для анализа линейная форма, поскольку линейен сам текст, откуда и выбираются маркеры темы. Применительно к категории темы линейная форма интерпретации получила терминологическое обозначение «тематическая цепочка»: «Набор обозначений некоторого предмета речи, представленный на некотором протяжении текста, принято называть номинационной цепочкой, в соответствии с этим положением ряд номинаций одной и той же темы можно назвать тематической цепочкой» [8. С. 52]. Полевая дифференциация некоторого набора выявленных маркеров на ядерные и периферийные осуществляется «на основании частотности типов <маркеров>, а также их представленности в сильных позициях текста» [11. С. 118]. Как указывают Н. А. Купина и Т. В. Матвеева, «идея описания полевого устройства категории для многих текстов (в их числе тема, текстовое пространство и время, тональность) результативна, но не в полной мере, поскольку оставляет за пределами исследования собственно текстовые качества категории, прежде всего, ее внутреннюю текстовую структуру, композиционность» [Там же].

Итак, тематическую цепочку как линейную интерпретацию категории темы следует признать слишком частным явлением, хотя в своей

частности и дающим весьма интересные результаты. Тематическое поле, изображаемое в виде концентрических кругов, — модель интересная, но имеющая многочисленные ограничения: помимо упомянутых выше, это еще и невозможность выделить ядро и периферию в тех случаях, когда все маркеры совпадают с языковой точки зрения (например, только обращение *you*, встречающееся в тексте несколько раз) и встречаются в тексте в одинаково слабых позициях. Объемной структурой должна стать, очевидно, тематическая сетка — графическое воплощение идеи И. В. Арнольд о «системе повторяющихся в тексте значений, выраженных повторами слов, сем, образов или тем» [8. С. 52]. Из этого определения следует, что тематическую сетку можно получить путем изображения всех тематических цепочек исследуемого текста. Динамику, внутреннее развитие темы текста при этом имеет смысл показывать при помощи стрелок между цепочками, а парадигматические связи в границах одной и той же цепочки — при помощи прямых линий.

В рамках данной работы тематические сетки служат инструментом установления эквивалентности переведенного текста исходному. Оговоримся, что терминологическое уточнение понятия «эквивалентность», разграничение ее с «адекватностью», «полноценностью», «точностью» и прочим не входит в задачи исследования — в первую очередь поскольку это уже сделано целым рядом исследователей (обобщение см., напр., в работах [6], [14], [16]). Применительно к переводу поэтического текста принимается положение о «примате эквивалентности текста над эквивалентностью его сегментов» [16. С. 154]; равно важными для определения этой эквивалентности следует признать, по-видимому, узкое ее понимание (как меры содержательной близости оригиналу) и широкое (как меры формально-содержательного соответствия подлиннику) [6].

1. Материал и метод исследования

Материалом для сопоставительного анализа послужило стихотворение С. Плат *The Morning Song* в оригинале и в переводе Я. Пробштейна. Сильвия Плат (1932—1963) — американская поэтесса и писательница, «чьи стихи относят к жанру исповедальной поэзии (*confessional poetry*)» и чьей «центральной темой поэзии... является тема смерти и самоубийство» [15. С. 360]. Как бы вопреки этой теме, тенденции «вкладывать в произведение раздумья и переживания, ощущения и страхи» [7. С. 216], исследуемое стихотворение посвящено теме рож-

дения ребенка и первых дней (вернее, ночей) его жизни. Вместе с тем исповедальную поэзию, особенно в интерпретации С. Плат, можно понимать и шире — как направление, фиксирующее эмоции вообще «в кризисные моменты существования» [3. С. 8]: одним из таких моментов является, очевидно, и *рождение* — приход человека в этот мир, неизбежно связанный с *родом*, нередко угрожающими здоровью и даже жизни матери. Характерно, что данным взятым для анализа произведением открывается сборник поэтессы Ariel, полный русский перевод которого принадлежит Яну Пробштейну (поэтому для сопоставительного анализа далее привлечен именно его русскоязычный вариант).

Приведем анализируемое стихотворение в оригинале (слева пронумерованы строки):

S. Plath

Morning Song

- 1 Love set you going like a fat gold watch.
- 2 The midwife slapped your footsoles, and your bald cry
- 3 Took its place among the elements.
- 4 Our voices echo, magnifying your arrival. New statue.
- 5 In a drafty museum, your nakedness
- 6 Shadows our safety. We stand round blankly as walls.
- 7 I'm no more your mother
- 8 Than the cloud that distills a mirror to reflect its own slow
- 9 Effacement at the wind's hand.
- 10 All night your moth-breath
- 11 Flickers among the flat pink roses. I wake to listen:
- 12 A far sea moves in my ear.
- 13 One cry, and I stumble from bed, cow-heavy and floral
- 14 In my Victorian nightgown.
- 15 Your mouth opens clean as a cat's. The window square
- 16 Whitens and swallows its dull stars. And now you try
- 17 Your handful of notes;
- 18 The clear vowels rise like balloons [3].

Процедура категориально-текстового анализа начинается со сплошной выборки маркеров (сигналов категории), объединенных общим семантическим параметром, из целого текста. Полученное множество сигналов может быть оформлено в виде цепочки, поля либо объемной структуры [17. С. 184]. Дальнейшая интерпретация модели осуществляется по параметрам набора, комбинаторики и размещения [4. Р. 12—13].

Когда перед исследователем ставится задача сопоставить два текстовых варианта, описанная процедура усложняется ровно вдвое. Помимо выборки маркеров из исходного и переведенного текстов и их соотнесения (что отчасти облегчается за счет общности содержания), усложняется и процесс количественного определения эквивалентности. Удвоение текстовых вариантов должно подразумевать и удвоение параметров идентификации. Так, в наборе возможны переводческие добавления и опущения (формальное несоответствие, следствием которого оказывается и несоответствие содержательное, то есть отсутствие соответствия в одном из вариантов). Маркер может быть передан, но трансформирован семантически (переводческая замена). Наконец — что вполне ожидаемо и логично — сигнал текстовой категории в переводе может соответствовать оригиналу и формально, и содержательно. Дихотомия «форма — содержание» позволяет для названных трех случаев говорить, таким образом, о неэквивалентности, полуэквивалентности и эквивалентности набора, что может быть условно обозначено при помощи индексов 0; 0,5 и 1 соответственно.

Сходным путем для каждого маркера оценивается эквивалентность по параметру комбинаторики. «Комбинаторика языковых составляющих в составе линейного ряда средств выражения» текстовой категории [11. С. 118] определяется, очевидно, на основании формального и (или) содержательного совпадения/несовпадения соседних членов. Поскольку совпадение в наборе может быть оценено как равное 0; 0,5 или 1, то комбинаторное соответствие может составлять 0; 0,25; 0,5; 0,75 либо 1: первый случай — оба «соседа» не совпадают; второй — один не совпадает полностью, а другой передан лишь формально; третий — оба «соседа» выражены формально либо один из них совпадает полностью, а другой полностью не совпадает с оригиналом и т. д. Характерно, что числовое выражение эквивалентности по параметру комбинаторики определяется эквивалентностью по набору лишь частично: при добавлениях/опущениях соседние члены одного и того же маркера в исходном и переведенном тексте отличаются. Из сказанного следует частичная независимость параметров набора и комбинаторики при их частичной же взаимообусловленности.

Оценка эквивалентности по параметру размещения должна учитывать аналогично предыдущим параметрам формальный и содержательный аспекты. Формальное совпадение номинации с точки зрения размещения в стихотворном переводе — это, очевидно, такое же ее положение в ритмическом

(метрическом) рисунке стиха, как и в оригинале. В семантическом же аспекте размещение связано с положением слова (поскольку «категория темы представлена, как правило, лексикой» [8. С. 52]) в ближайшем с точки зрения языковых уровней более крупном и содержательно завершенном отрезке — предложении. Приведем простой пример: определим эквивалентность по размещению взаимно соответствующих лексем *you* — *тебя* в первой строке сопоставляемых текстовых вариантов: *Love set you going like a fat gold watch.* — *Любовь завела тебя, как толстые золотые часы.* В ритмическом рисунке оригинала *you* занимает позицию третьего слога из 10, то есть интервал между 0,2 и 0,3 (условно обозначим эту позицию как 0,25). В переводе *тебя* занимает положение шестого и седьмого слогов из 17, то есть лежит между концом пятого ($5/17 \approx 0,29$) и концом седьмого ($7/17 \approx 0,41$) слога. Условно это положение равно $6/17 \approx 0,35$. Отклонение между 0,25 и 0,35 составляет 0,1; следовательно, эквивалентность (степень совпадения) по размещению в формальном аспекте равна 0,9. Семантически же первое предложение идентично первому стиху; *you* — третья лексема из семи в оригинале и из девяти в переводе. Тем же путем вычисляем степень отклонения: позицию в оригинале определим как равную $2,5/7 \approx 0,36$ (усреднение между $2/7$ и $3/7$), в переводе — $2,5/9 \approx 0,28$ (усреднение между $2/9$ и $3/9$). Отклонение, равное 0,08, вычитаем из единицы и находим, что эквивалентность (степень совпадения) по размещению в содержательном аспекте равна 0,92. Очевидно, такой подход позволяет учесть и сильные, и слабые позиции того или иного слова как в стихе, так и в предложении; при совпадении же «абсолютного» начала или конца стихотворного и/или синтаксического отрезка («абсолютно сильной» позиции) величины типа 0,98 или 0,99 следует округлять до 1. Возможная же необходимость учета суперсегментных фонетических единиц в анализе (ударения и интонации) актуальна лишь для метрически выверенных текстов; в рамках данной статьи эти единицы не привлекаются, поскольку ни анализируемый текст, ни его перевод не написаны сколько-нибудь регулярным размером.

2. Тематическая сетка оригинала

Определим основные тематические линии исследуемого текста. Системно действующих (то есть имеющих не единичное упоминание) на протяжении текста субъектов три: 1) сам ребенок, являющийся адресатом речи и потому номинируемый

во втором лице; 2) коллективное *we/мы*, «приветствующее» приход нового человека; и 3) *I/я* матери, принадлежащее этому «коллективу». Обратим внимание на композиционное распределение субъектных тематических цепочек: *you/ты* главного действующего лица (либо его модификации типа *your*) встречается во всех шести трехстишиях; коллективное *we/мы* — лишь во втором, а *I/я* — только в третьем, четвертом и пятом трехстишиях. Сказанное подтверждает мысль о том, что композиция служит формой выражения и развития темы, то есть о взаимосвязи этих двух категорий [4; 8; 9; 17].

Для всех трех субъектных цепочек базовыми номинациями оказываются личные местоимения: *you/ты*, *we/мы*, *I/я*. От всех трех в тексте присутствуют и производные притяжательные *your/твой*, *our/наш*, *my/мой*. Контекстные партнеры этих номинаций позволяют идентифицировать предметные тематические линии: так, у ребенка это портретные черты (*footsoles/пяточки*, *nakedness/нагота*, *moth-breath/дыханье*, как у мотылька, *mouth/ротик*) и поступки (*bald cry / голый крик*, *arrival/приход*, *cry/вскрик*, *handful of notes / пригоршня нот*); вспомним, что и в сильную позицию заглавия вынесено *song/песня* с амфиболическим *morning/утренняя* (*песня* знаменует утро как часть суток и — метафорически — «утро жизни», то есть ее начало). Количественная ослабленность субъектов 2 и 3 видна и по снижению предметных сочетаний с соответствующими им притяжательными субститутами: так, с *our/наш* сочетается лишь *voices/голоса* и *safety/безопасность*, а с *my/mou* — *early/уши* (у переводчика мн. ч.) и *Victorian nightgown / викторианская ночнушка*. Укажем на количественную симметричность двух предметных линий, связанных с ребенком (по четыре номинации, если не считать как бы отдельно «рвущееся наружу» заголовочное *song*) и на предметное равенство при двух других субъектах (по две номинации, с трудом подводимые под группу «портретные черты», — особенно *safety*). Вместе с тем и по выделенным соответствиям, и по самому тексту видно почти буквальное следование переводчика за оригиналом: нерифмованные строки передаются Я. Пробштейном почти слово в слово.

Если описывать категорию темы исследуемого стихотворения в терминах поля, то периферию по отношению к ядру — как на качественном, так и на количественном основании — составят выделенные выше предметные номинации. Непосредственным ядром будут базовые номи-

нации (уже отмеченные лично-местоименные субституты), а притяжной зоной — производные от них притяжательные местоимения, «нулевые» номинации (имплицитно присутствующие в тексте, но формально не выраженные, например: *One Ø cry* = *One your cry*) и номинации метафорические (*watch/часы*, *New statue / Новая статуя*, *walls/стены*, *the cloud / туча*). Вновь укажем на количественную симметричность перечисленных метафорических номинаций: первые две относятся к субъекту 1, третья — к субъекту 2, четвертая — к субъекту 3. Как и в предметных цепочках, номинаций при субъекте 1 ровно вдвое больше, чем при каждом из субъектов 2 и 3, и вновь с нарушением: развернутая метафора *тучи* поддерживается еще местоименными субститутами: *that/которая* и *it/ее*.

В приведенной на рис. 1 (с. 18) тематической сетке стрелками показана динамика текста, прямыми линиями — парадигматические связи в границах каждой отдельной цепочки, а скобками — предметные (портретные) и событийные номинации:

Полученная объемная модель тематического развития представляет собой «сетку» в прямом смысле: продольные линии в ней — это тематические цепочки, при помощи же поперечных линий (на рис. 1 они для удобства заменены стрелками) отражаются переходы между цепочками, иными словами — динамическое взаимодействие тематических цепочек. На логичный вопрос о том, почему в сетке «задействованы» не все ячейки, то есть почему заполнена не вся сетка, ответ лежит, по видимому, в аналоговом характере организации тематической сетки и лексико-семантического поля, отмеченном еще И. В. Арнольд (о чем уже говорилось выше). Напомним, названные два феномена находятся в отношениях «поле текста — поле языка». Точно так же, как в словарном составе языка заполнены не все потенциально возможные «ячейки» (чему примером окказиональные образования, нередко заполняющие эти «пустоты» [5. С. 25]), — так и в тексте тематические линии и переходы между ними заполняются неодинаково, только происходит это по воле автора и в соответствии с реализуемым коммуникативным намерением. Трудно было бы представить себе абсолютно одинаковые тематические цепочки: невозможно было бы тогда выделить главных и второстепенных персонажей, основные эпизоды, ключевые идеи; в логике поля не выделялись бы ядро и периферия и т. п.

Событийная цепочка		Цепочка <i>you</i>	Цепочка <i>we</i>	Цепочка <i>I</i>	Портретная цепочка	Строфа оригинала
1. Song ↓ 7. (cry) ↓ 8. (its)	→	2. you ↓ 3. watch ↓ 4. your ↓ 6. your	→ → ← ←	→ → ← ←	5. (foot-soles)	I
10. (voices) ↓ 11. Ø [magnifying] ↓ 13. (arrival)	← ← ←	12. your ↓ 14. new statue ↓ 15. your	← ← ← ←	9. our ↓ 17. our ↓ 19. we ↓ 21. walls	16. (nakedness) 18. (safety)	II
	↘	20. [stand round] Ø	↘	22. I ↓ 23. your ↓ 24. mother ↓ 25. the cloud ↓ 26. that ↓ 27. its		III
	↘	28. your	↘	29. (moth-breath) ↓ 30. I ↓ 31. [wake] Ø [to listen] ↓ 32. my ↓ 33. (ear)		IV
	↘	34. Ø [cry] ↓ 40. your ↓ 42. a cat's ↓ 43. you ↓ 44. your	↘	35. I ↓ 36. Ø [cow-heavy] ↓ 37. Ø [floral] ↓ 38. my → 39. (Victorian nightgown) ↓ 41. (mouth)		V
45. (handful of notes) ↓ 46. (the vowels) ↓ 47. (balloons)	←					VI

Рис. 1. Тематическая сетка оригинала (*The Morning Song*, S. Plath)

3. Тематическая идентификация эквивалентности перевода Я. Пробштейна

Выше уже говорилось о почти пословном характере перевода Я. Пробштейна, что видно уже по прочтении самого этого варианта сопоставительно с оригиналом (слева вновь для наглядности пронумерованы строки):

Перевод Я. Пробштейна

Утренняя песня

- 1 Любовь завела тебя, как толстые золотые часы.
- 2 Повитуха шлепнула тебя по пяткам,
и твой голый крик
- 3 Вписался в стихи.
- 4 Наши голоса вторят эхом, усиливая твой приход.
Новая статуя.
- 5 В продуваемом сквозняком музее твоя нагота
- 6 Оттеняет нашу безопасность. Мы окружаем
тебя, как голые стены.
- 7 Я не более мама твоя,
- 8 Чем туча, которая очищает зеркало, чтобы оно
отразило,
- 9 Как рука ветра медленно стирает ее.
- 10 По ночам твое дыхание мотылька
- 11 Мерцает среди плоских розовых роз.
Проснувшись, слышу:
- 12 Далекое море рокочет в моих ушах.
- 13 Один вскрик, и я, спотыкаясь, встаю с кровати,
по-коровьи тяжело
- 14 В цветастой викторианской ночнушке.
- 15 Твой ротик открывается опрятно, как у кошки.
- 16 Квадрат окна белеет и глотает поблекшие
звезды. И теперь
- 17 Ты пробуешь пригоршню нот:
- 18 Твои чистые гласные взлетают, как шарики [3].

Значительную близость оригиналу подтверждает и построенная нами тематическая сетка перевода (рис. 2 на с. 20; нумерация арабскими цифрами сохранена из рис. 1 с целью дальнейшего сопоставления с оригиналом).

Покажем, однако, что перед нами не подстрочник. Сопоставление двух тематических сеток делает наглядным ряд расхождений перевода и оригинала анализируемого стихотворения в следующих номинациях:

— № 4 (*your* → *тебя*) и № 5 (*footsoles* → *по пяткам*) — грамматическая трансформация, следствие различия в управлении англ. *slap* и рус. *шлепнуть*;

— опущение № 8 в составе устойчивого выражения *took its place* (рус. *вписался*);

— № 20 — переводческое добавление *тебя* (*We stand round blankly as walls* → *Мы окружаем тебя, как голые стены*), эксплицирование «нулевой» номинации;

— перестановка № 23 и 24 (*your mother* → *мама твоя*);

— № 31 — переводческое опущение *I* с целью сохранения ритмико-метрического контура (ср. *I wáke to listen* → *Проснувшись, слышу*);

— № 33 — грамматическая трансформация — замена единственного множественным (*ear* → *ушах*);

— опущение «нулевых» номинаций № 36 и 37 при обособленных определениях *cow-heavy* и *floral*, а также *my* (№ 38) — следствие перестройки синтаксической конструкции в соответствии с правилами русского языка, при этом попытка компенсации одной из «нулевых» номинаций за счет добавления деепричастия при «разбиении» в переводе *stumble* (*спотыкаясь, встаю*);

— перестановка № 44 и 45, связанная с переносом *your* (*your handful of notes* → *пригоршню нот*) строкой ниже (*the clear vowels* → *твои чистые гласные*). Как и в случае с *my Victorian nightgown* (строка 14, номинации 38—39), перевод с сохранением притяжательного местоимения (**я встаю... в моей викторианской ночнушке; *ты пробуешь... твою пригоршню нот*) выглядел бы по-русски странно, и переводчик вновь идет на компенсацию — передает артикль *the* тем самым *твои*, которое вынужден опустить при предшествующей предметной номинации.

Перечисленные трансформации (позволяющие говорить о предложенном Я. Пробштейном текстовом варианте как о переводе, а не о подстрочнике) получают отражение в наборе, комбинаторике и размещении в зависимости от их типологической принадлежности: добавления, опущения и замены влияют на эквивалентность по первым двум параметрам, перестановки же в первую очередь связаны с размещением номинаций в тексте. Сказанное подтверждается таблицей (с. 21).

Выводы

Наиболее бросающиеся в глаза закономерности полученной таблицы — преобладание показателя 1 (184 ячейки из 288) и наибольшее число минимальных отклонений от единицы в строках 5 и 6. Однако именно расчеты размещения показали в отдельных, почти невидимых случаях чистые «единицы». Номинация № 15 (*our* — *нашу*, восьмое слово из девяти в одном и том же английском

Событийная цепочка		Цепочка «ты»		Цепочка «мы»		Цепочка «я»		Портретная цепочка	Строфа оригинала
1. песня	→	2. тебя ↓ 3. часы ↓ 4. тебя	→		→		→	→ 5. (по пяткам)	I
7. (крик)	←	6. твой	←		←		←		
10. (голоса)	←	←	←	9. наши					
11. Ø [усиливая]	↓								
13. (приход)	←	12. твой							
	/	14. новая статуя ↓ 15. твоя	→		→		→	16. (нагота)	II
	/			17. нашу	→		→	18. (безопасность)	
				19. мы	↙		←		
		20. тебя	↙						
			↓	21. стены					
						22. я ↓ 24. мама			
		23. твоя	↙	←	↙				III
			↓	→	↓	25. туча ↓ 26. которая ↓ 27. ее			
			↙	←	↙				
		28. твое	→	→	→	→	→	29. (дыханье мотылька)	
								30. Ø [проснувшись]	IV
								31. Ø [слышу]	
								32. моих	→ 33. (ушах)
			↙	←	↙				
		34. Ø [вскрик]	↓	→	↓				
						35. я ↓ 35а*. Ø [спотыкаясь]			V
								39. (викторианской ночнушке)	
		40. твой	↙	←	↙				
			→	→	→			41. (ротик)	
			↙	←	↙				
		42. у кошки							
			↓						
		43. ты							
45. (пригоршню нот)	→	44. твои							VI
46. (гласные)									
47. (шарики)									

* Переводческое добавление, не соответствующее ни № 34, ни № 35, возникшее вследствие лексико-грамматической дифференциации в переводе: *stumble from bed* → *спотыкаясь, встаю с кровати*.

Рис. 2. Тематическая сетка перевода Я. Пробштейна

**Расчет эквивалентности
перевода Я. Пробштейном стихотворения С. Плат Morning Song оригиналу**

№ номинации			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Эквивалентность по набору	формальн.	(1)	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	
	семантич.	(2)	1	1	1	0	1	1	1	0	1	1	1	1	
Эквивалентность по комбинаторике	формальн.	(3)	1	1	1	1	1	1	0,5	0	0,5	1	1	1	
	семантич.	(4)	1	1	0,5	1	0,5	1	0,5	0	0,5	1	1	1	
Эквивалентность по размещению	формальн.	(5)	0,92	0,9	1	0,94	0,9	0,95	1	0	1	1	1	1	
	семантич.	(6)	1	0,92	1	1	1	0,89	1	0	1	1	0,93	0,96	
№ номинации			№	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
Эквивалентность по набору	формальн.	(1)	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1
	семантич.	(2)	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Эквивалентность по комбинаторике	формальн.	(3)	1	1	1	1	1	1	1	0,5	1	0,5	0,5	0,5	0,5
	семантич.	(4)	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0,5	0,5	0,5
Эквивалентность по размещению	формальн.	(5)	0,96	0,92	1	1	1	1	1	1	0	1	0,97	0,69	0,84
	семантич.	(6)	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1	0,96	0,94
№ номинации			№	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	35а
Эквивалентность по набору	формальн.	(1)	1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1	0
	семантич.	(2)	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0,5	1	1	0
Эквивалентность по комбинаторике	формальн.	(3)	0,5	1	1	1	0,5	1	0,5	1	1	1	1	0,5	0
	семантич.	(4)	0,5	1	1	1	1	1	1	1	0,75	1	0,75	0,5	0
Эквивалентность по размещению	формальн.	(5)	0,96	1	0,91	0,86	0,94	0	1	1	1	1	1	0,97	0
	семантич.	(6)	1	1	0,7	1	0,95	0	1	0,95	1	1	1	0,93	0
№ номинации			№	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47
Эквивалентность по набору	формальн.	(1)	0	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
	семантич.	(2)	0	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Эквивалентность по комбинаторике	формальн.	(3)	0	0	0	0,5	1	1	1	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	1
	семантич.	(4)	0	0	0	0,5	1	1	1	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	1
Эквивалентность по размещению	формальн.	(5)	0	0	0	1	1	1	0,68	0,19	0,93	0,85	0,78	1	
	семантич.	(6)	0	0	0	1	1	1	1	0,97	0,78	0,96	0,93	1	
№ номинации			Усредн. (1—47)												
Эквивалентность по набору	формальн.		0,85												
	семантич.		0,86												
Эквивалентность по комбинаторике	формальн.		0,73												
	семантич.		0,74												
Эквивалентность по размещению	формальн.		0,79												
	семантич.		0,83												

и русском предложении) — третий слог в 12-сложной шестой строке оригинала и 5—6-й слоги в соответствующей 23-сложной строке перевода. Ритмическое отклонение (разница 2,5/12 и 5/23) менее 0,01! Самая длинная номинация, № 39 (*Victorian nightgown* — *викторианская ночнушка*), завершает

предложение, состоящее из 14 слов в обоих вариантах. Из семи слогов оригинала это слоги 3—7, а из одиннадцати перевода — 4—11. И вновь почти 100%-ная эквиритмичность с отклонением около 0,006! Вполне логично, что усредненная степень соответствия по всем шести строчкам таблицы

получается 0,8 (80 %) — это весьма высокий результат по сравнению, например, с имеющимися данными, полученными аналогичным путем, по прозаическому (около 74 %) и стихотворному (около 51,5 %) переводам поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай» [4. С. 23], — правда, написанной регулярным пятистопным ямбом.

Обратим, кроме того, внимание, что по всем трем параметрам (набор, комбинаторика, размещение) степень семантического соответствия, то есть собственно эквивалентности, выше формального. Действительно, разная длина среднего слова, многочисленные фонетические и грамматические различия исходного и переводящего языков не могли не оставить свой след даже в столь близком оригиналу переводе. Некоторые формальные изменения осуществлены Я. Пробштейном намеренно: таково, например, лексическое «перераспределение» строк 15, 16 и 17 (и потеря столь важного для С. Плат анжамбемана в строке 15), следствием чему — рекордно низкое 0,19 по размещению номинации № 43 (*you — ты*). Большой акцент на семантической близости перевода оригиналу подтверждается и уже упоминавшимися компенсациями, и почти пословным характером перевода, и поразительным ощущением «нулевых» номинаций — сохранением взаимно соответствующих синтаксических позиций.

Определение эквивалентности перевода оригиналу (в узком смысле как степени содержательной близости, равной среднему арифметическому четных строк полученной таблицы, то есть 81 %; в широком смысле как мере формально-содержательного соответствия, усредненно равной сред-

нему арифметическому всех строк полученной таблицы, то есть 80 %) осуществлено в результате сопоставления тематических сеток — модели, сочетающей в себе элементы линейных (цепочечных) и полевых структур и имеющей ряд преимуществ по сравнению с теми и другими:

— включение нескольких цепочек дает представление об их взаимодействии, чего нельзя не учитывать, например, при определении параметра комбинаторики в ходе сопоставительной идентификации переводов;

— нумерация номинаций показывает плотность тематической цепочки на том или ином композиционном участке, а также позволяет упростить процедуру подсчетов соответствий по набору, комбинаторике и размещению;

— возможность указания композиционной привязки (строфы, строки текста) наглядно демонстрирует развитие каждой цепочки на протяжении всего текста, что, в свою очередь, позволяет выделить основную и вспомогательные тематические линии, определить центрального персонажа, расставить акценты, необходимые в том числе для переводчика.

Тематические сетки обоих вариантов текста могут быть дополнены элементами других текстовых полей, в частности хронотопа и тональности. В таком случае это уже будут объемные структуры, демонстрирующие состав комплексной категории локации. Сопоставление таких структур предположительно должно давать более точные данные о степени соответствия перевода оригиналу и потому составляет перспективу данного исследования.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования. Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1973. 303 с.
2. Арнольд И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в вузе: [сб. науч. тр.] / отв. ред. И. В. Арнольд. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1984. С. 3—11.
3. Бородина Н. В., Бортников В. И. Категориально-текстовая идентификация аксиологем в английском поэтическом тексте и его переводе (на материале «семейных» ценностей в стихотворении С. Плат «Утренняя песня») // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. междунар. науч. семинара / под ред. Ю. Н. Михайловой. Екатеринбург: Ажур, 2020. С. 7—11.
4. Бортников В. И. Категориально-текстовая идентификация вариантов художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015.
5. Вепрева И. Т. Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении (на материале высказываний-рефлексивов 1991—2002 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2003.
6. Горбачевский А. А. Перевод: адекватный, эквивалентный, реалистический // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). С. 66—69.

7. Добрынина О. В., Керимова К. Р. Роль цветовой метафоры в создании адекватного перевода (на материале перевода поэзии Сильвии Плат с английского языка на русский язык) // Лингвистическое образование на современном этапе: российский и зарубежный опыт: сб. науч. ст. и материалов Междунар. конф., посвящ. 15-летию первого выпуска специалистов в области лингвистики в Сургут. гос. ун-те / отв. ред. И. А. Курбанов. Сургут: Сургут. гос. ун-т, 2017. С. 212—219.

8. Ицкович Т. В. Категория темы в тексте жития // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2013. № 2 (18). С. 52—59.

9. Ицкович Т., Цзяоцзя Ч. Категория темы в жанре очерка (на материале очерков В. М. Пескова) // Слова ў кантэксце часу. Матэрыялы IV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння доктара філалагічных навук прафесара А. І. Наркевіча / рэдкал.: В. М. Самусевіч [і інш.]. Мінск: БГУ, 2019. С. 42—45.

10. Клейменова Н. М., Абакарова Н. Г. Тематическая сетка *exclusion* в романах современных французских писателей // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 4 (36). С. 51—58.

11. Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. М.: Юрайт, 2019. 415 с.

12. Кухтенкова А. А. Лексико-тематическая сетка ассоциативно-семантического микрополя литературного героя (по роману Г. И. Газданова «Эвелина и ее друзья») // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 3 (29). С. 141—147.

13. Матвеева Т. В. Текстовая категория // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): слов.-справ. / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибир. федер. ун-т, 2014. С. 669—671.

14. Смирнова В. Н., Милотаева О. С. Прагматическая эквивалентность как критерий оценки качества учебного перевода // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 10 (420). С. 233—239.

15. Шарышова Н. В. Метафорическое осмысление концептов Life/Жизнь и Death/Смерть в поэтическом дискурсе Сильвии Плат // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения. Третий международный научный семинар (Чехия, Австрия, Германия, 04—11 июня 2017 г.) / под ред. О. Д. Вишняковой. Прага: Терис, 2017. С. 358—363.

16. Шутемова Н. В. Исследование типологических параметров поэтического текста в переводоведении // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 28 (243). С. 152—157.

17. Zemova M. I., Bortnikov V. I. Categorical Analysis of G. G. Byron's *Sun of the Sleepless*: an Interpretation via Field Structures // Язык в сфере профессиональной коммуникации: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов и студентов / отв. ред. Л. И. Корнеева. Екатеринбург: Ажур, 2020. С. 182—189.

Сведения об авторах

Бородина Наталья Витальевна — магистр лингвистики, кафедра иностранных языков и перевода Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. nataliaborodina12@mail.ru

Бортников Владислав Игоревич — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, доцент кафедры иностранных языков и перевода Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. octahedron31079@mail.ru

Шишкина Екатерина Николаевна — магистрантка 2-го курса по направлению «Лингвистика», кафедра иностранных языков и перевода Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. jamesfrancosgirlfriend@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 1 (447). Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 14—25.

THEMATIC GRID AS AN INSTRUMENT OF CALCULATING TRANSLATION EQUIVALENCE

N. V. Borodina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.
nataliaborodina12@mail.ru

V. I. Bortnikov

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.
octahedron31079@mail.ru

E. N. Shishkina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.
jamesfrancosgirlfriend@gmail.com

The paper studies the thematic grid as a model used to identify translation equivalence. The theme is understood as one of the basic text categories, thus the main method chosen is the categorical one. The thematic structure of any text can be presented via three models: a chain, a field, and a grid. The idea of the thematic grid combines the phenomenon of the thematic network suggested by Prof. I. V. Arnold within decoding stylistics and the so-called volumetric text categories as classified by Prof. T. V. Matveeva. The article contains two experimental thematic grids: the one of S. Plath's poem "Morning Song" and the other of its Russian translation by Ya. Probst. On the basis of their comparison, the equivalence is calculated by three parameters: the set of nominations, their combinatorics, and their placement within the text.

Keywords: *text category, theme, thematic grid, equivalence, poetic text, Sylvia Plath.*

References

1. Arnold I. V. (1973) *Stilistika sovremennogo anglijskogo yazyka. Stilistika dekodirovaniya* [Stylistics of Modern English]. Leningrad, Prosveshchenie Publ. 303 p. [in Russ.].
2. Arnold I. V. (1984) Leksiko-semanticheskoe pole v yazyke i tematicheskaya setka teksta [The lexical semantic field in a language and a thematic net of the text]. I. V. Arnold (ed.). *Tekst kak ob'ekt kompleksnogo analiza v vuze* [Text as an object of complex analysis at the university]. Leningrad, Leningrad State Pedagogical Institute Publ. Pp. 3—11 [in Russ.].
3. Borodina N. V., Bortnikov V. I. (2020) Kategorial'no-tekstovaya identifikatsiya aksiologem v anglijskom poeticheskom tekste i ego perevode (na materiale «semeinykh» tsennostej v stikhotvorenii S. Plat «Utrennyaya pesnya») [Categorical identification of axilologemes in the English poem and its translation (on the material of "family" values in S. Plath's "Morning Song")]. *Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovanij* [Axiological aspects of modern philological research]. Yekaterinburg, Azhur Publ. Pp. 7—11 [in Russ.].
4. Bortnikov V. I. (2015) *Kategorial'no-tekstovaya identifikatsiya variantov khudozhestvennogo teksta* [Categorical identification of literature text variants. Abstract of thesis]. Yekaterinburg, [in Russ.].
5. Vepreva I. T. (2003) *Metazykovaya refleksiya v funktsional'no-tipologicheskom osveshchenii (na materiale vyskazyvanij-refleksivov 1991—2002 gg.)* [Meta-Language Reflection in Functional and Typological Description (on the Material of 1991—2002 Reflexive Statements). Abstract of thesis]. Yekaterinburg [in Russ.].
6. Gorbachevskij A. A. (2011) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 24 (239), pp. 66—69 [in Russ.].
7. Dobrynina O. V., Kerimova K. R. (2017) Rol' tsvetovoj metafory v sozdanii adekvatnogo perevoda (na materiale perevoda poezii Sil'vii Plat s anglijskogo yazyka na russkii yazyk) [The role of color metaphor in creating an adequate translation (based on the translation of Sylvia Plath's poetry from English into Russian)]. *Lingvisticheskoe obrazovanie na sovremennom etape: rossijskij i zarubezhnyj opyt* [Linguistic education at the present stage: Russian and foreign experience]. I. A. Kurbanov (ed.). Surgut, Surgut State Univ. Publ. Pp. 212—219 [in Russ.].
8. Itskovich T. V. (2013) *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (18), pp. 52—59 [in Russ.].

9. Itskovich T., Jiaojiao Ch. (2019) Kategoriya temy v zhanre ocherka (na materiale ocherkov V. M. Peskova) [The category of topic in the essay (based on V. M. Peskov's works)]. V. M. Samusevich (ed.). *Slova w kontekstse chasu* [Word in the context of time]. Minsk, Belarusian State Univ. Publ. Pp. 42—45 [in Russ.].
10. Klejmenova N. M., Abakarova N. G. (2019) *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie*, no. 4 (36), pp. 51—58 [in Russ.].
11. Kupina N. A., Matveeva T. V. (2019) *Stilistika sovremennogo russkogo yazyka* [Stylistics of modern Russian]. Moscow, Yurait Publ. 415 p. [in Russ.].
12. Kukhtenkova A. A. (2016) *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (29), pp. 141—147 [in Russ.].
13. Matveeva T. V., Skovorodnikov A. P. (ed.) (2014) *Tekstovaya kategoriya* [Text category]. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii): slovar'-spravochnik* [Effective verbal communication (basic competences): dictionary]. Krasnoyarsk, Siberian Federal Univ. Publ. Pp. 669—671 [in Russ.].
14. Smirnova V. N., Milotaeva O. S. (2018) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10 (420), pp. 233—239 [in Russ.].
15. Sharyshova N. V. (2017) *Metaforicheskoe osmyslenie kontseptov Life/Zhizn' i Death/Smert' v poeticheskom diskurse Sil'vii Plat* [Metaphorization of the concepts of Life and Death in Sylvia Plath's poetry]. O. D. Vishnyakova (ed.). *Yazyk, literatura i kul'tura kak grani mezhkul'turnogo obshcheniya* [Language, literature and culture as domains of intercultural communication]. Praha, Teris Publ. Pp. 358—363 [in Russ.].
16. Shutemova N. V. (2011) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 28 (243), pp. 152—157 [in Russ.].
17. Zemova M. I., Bortnikov V. I. (2020) *Categorical Analysis of G. G. Byron's Sun of the Sleepless: an Interpretation via Field Structures*. L. I. Korneeva (ed.). *Yazyk v sfere professional'noi kommunikatsii* [Languages in Professional Communication]. Yekaterinburg, Azhur Publ. Pp. 182—189.

ТАКТИКИ ТОЛЕРАНТНОСТИ В БЫТОВОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Т. А. Воронцова¹, Т. Р. Копылова²

¹Челябинский государственный университет, Россия

²Удмуртский государственный университет, Россия

Рассматриваются тактики толерантности как типа речевого поведения в бытовом диалоге. Специфика бытового диалогического дискурса обуславливает использование особого набора тактик и языковых и речевых средств для реализации толерантного речевого поведения. Такие тактики, как уход от конфликтной ситуации и уход от коммуникации, реализуются в бытовом диалоге преимущественно посредством молчания.

Ключевые слова: *речевое поведение, бытовой диалогический дискурс, толерантность, речевая тактика, молчание.*

Термин «толерантность» в лингвистических исследованиях не имеет однозначного определения. Тем не менее данный речеповеденческий феномен активно изучается в рамках лингвокультурологии, психолингвистики и прагмалингвистики применительно к разным типам дискурса [3; 4; 11—14 и др.].

В данном исследовании толерантность рассматривается с прагмалингвистических позиций как особый тип речевого поведения, который подразумевает установку на сохранение в неприкосновенности коммуникативного пространства как адресанта, так и адресата в ситуации потенциального конфликта, разногласий, расхождений в оценках, в видении процесса коммуникации [3. С. 601].

Ранее были выделены релевантные признаки толерантного речевого поведения в публичном дискурсе [3]; исследований толерантности как речевого поведения на материале бытового межличностного общения нами не обнаружено. Между тем анализ речевой агрессии на материале бытового диалогического дискурса позволил выявить специфичные для данного типа тактики и речевые средства их реализации [2; 19].

Бытовая коммуникация имеет ряд отличительных особенностей: спонтанность, неподготовленность, персонифицированность, эмоциональность, искренность, непринужденность, необязательность выполнения конвенциональных норм, присущих институциональному общению, активное использование невербальных средств коммуникации, как и других экстралингвистических факторов [5; 6; 9; 10].

Специфика бытового диалогического дискурса обуславливает использование особого набора тактик и языковых и речевых средств для реализации толерантного речевого поведения.

Анализ бытовых диалогов показал, что на речевом уровне толерантное поведение реализуется с помощью следующих тактик:

- Указание на субъективный характер высказывания или оценки (*я думаю; я не думаю; мне кажется; по-моему; что касается меня; я так считаю; я так понимаю; мое мнение; лично для меня и др.*).

- Указание на границы личной компетентности/некомпетентности говорящего (*да я уже знаю об этом / я не знаю этого; я не разбираюсь в этом; да я уже все понял / я не понимаю в этом ничего*), личных предпочтений (*это не в моем вкусе; это не в моем стиле; это мое дело / не мое дело; это моя жизнь и др.*). Данная тактика призвана очертить область возможного обмена информацией и за счет этого контролировать процесс коммуникации.

- Дистанцирование от предмета речи. Эта тактика позволяет говорящему самому дистанцироваться от референта (предмета речи) или вывести предмет речи из зоны интересов адресата. Данная тактика может быть реализована несколькими способами:

- а) указание адресату или объекту речи на его зону ответственности, компетентности, предпочтений (*как знаешь; сам знаешь; если тебе нравится; делай, что хочешь / как хочешь; не твоё дело; им так нравится; врачам лучше знать; тебе/ему/им виднее и др.*);

б) отказ от оценки предмета речи (да никак; ничего не думаю; ее дело; кто как хочет, пусть так и одевается и др.);

в) указание на отсутствие интереса к предмету речи (мне все равно; пофиг).

- Уход от согласия (посмотрим; пока сказать не могу; давай доживем до праздников; подумать надо и др.).

- Мнимое согласие (ну, нет так нет; вроде / вроде так / ну вроде, ну ладно и др.).

- Уход от ответа/темы (давай об этом не будем; тему смени; наверное; не хочу об этом; чего об этом говорить и др.).

- Указание на неактуальность предмета речи (ну что теперь об этом; ну что теперь делать).

Данные тактики реализуются в основном при помощи определенных лексических средств. Речь субъекта характеризуется употреблением различной лексики вплоть до просторечной, грубой, обценной. При этом отличием толерантного речевого поведения от агрессивного является тот факт, что подобные единицы не адресованы партнеру по общению, они употребляются говорящим только по отношению к себе самому либо по отношению к предмету речи.

Наиболее частотными лексическими единицами при реализации тактик толерантности являются лексемы: «нормально» (0,24%), «дело» (0,19%) (ее дело; не наше дело; ну, дело ваше; вам вообще какое дело; их дело и т. п.), «знать» (0,30%), «понимать» (0,30%), «думать» (0,22%), «хотеть» (0,21%) (делай что хочешь; кто как хочет; как хочешь и т. п.).

Слово «нормально» в разговорной речи обычно имеет значение положительной оценки (*Сфоткай меня в инстик красиво! / только норм сфоткай / хочу классную фотку //*).

В роли самостоятельной реплики-реакции данная лексема используется в качестве речевого стереотипа, который является сигналом того, что говорящий не намерен обсуждать предложенную тему. В приведенных ниже диалогах цель говорящего при использовании таких высказываний — закрыть данный блок коммуникативного акта, но не прервать коммуникацию в целом.

Диалог в транспорте. Девушка (А) беседует с подругой (Б).

А: Ты слышала / сейчас трансов убрали из больных? //

Б: В смысле? //

А: Ну / по МКБ транссексуальность типа теперь не считается болезнью //

Б: О / норм //

А: В смысле норм? // Они же реально больные // По-твоему / когда баба считает себя мужиком или мужик считает себя бабой / это норм? //

Б: Ну не знаю / врачам лучше знать // Мне лично вообще на...ть // Пусть хоть что с собой делают // Их дело //

Употребление данной единицы может обозначать согласие, но при этом говорящий не намерен развивать предложенную тему.

Диалог в примерочной. Жена (А) обращается к мужу (Б).

А: Мне идет? / Беру? //

Б: Ага / нормально //

Особое значение в бытовом межличностном общении приобретают языковые единицы со значением неопределенности: неопределенные местоимения и наречия, формы множественного числа вместо единственного и т. п.

Диалог в транспорте. Дочь (А) разговаривает с матерью (Б).

Б: Ты знаешь / Я вчера из-за этого весь вечер сама не своя ходила //

А: Ой / мама / кто-то где-то сказал / да больно надо / много их развелось / экспертов /

Б: Не кто-то / Люся / она в банке работает //

А: Знаешь / сколько таких Люсь / все эксперты //

Б: Давай все-таки сходим в банк //

А: [...] (отворачивается к окну)

Б: Волнуюсь я //

А: Завтра посмотрим //

В данном диалоге высказывания с показателями неопределенности реализуют тактику дистанцирования говорящего от предмета речи.

Неопределенность в обозначении предмета речи часто противопоставлена субъективации (*Кому-то / может / и нравится / а мне // нет*).

Такие особенности бытового разговорного дискурса, как необязательность выполнения конвенциональных норм, присущих институциональному общению, и высокая роль невербальных средств коммуникации, обуславливают высокую частотность использования коммуникантами молчания, которое выступает как эквивалент высказывания в коммуникативном взаимодействии [2; 19] и может использоваться как средство реализации любой из тактик толерантности. Основным средством реализации молчания является в следующих тактиках:

- Отсутствие вербальной реакции на речевую и физическую агрессию (уход от конфликтной ситуации).

- Уход от коммуникации.

При этом коммуникативная задача — избежать некомфортного общения — решается адресантом в процессе как слушания, так и собственно речевого высказывания.

Толерантному речевому поведению более присуще пассивное слушание без уточнений, выяснений, перефраз, резюмирования и др. — так называемая вежливая тишина, обусловленная конвенциональными нормами [1]. Несмотря на конвенциональность, молчание, сопровождающее слушание, характеризуется интенциональностью, указывает на осознанность выбора коммуниканта. Коммуникант отказывается от речи, не вступает во взаимодействие, подчеркивая таким образом отсутствие интереса к предложенной теме или к коммуникации в целом. Молчание при пассивном слушании не прерывается вокализованными вербальными и невербальными компонентами общения; может сопровождаться скольльзящим взглядом на собеседника, от собеседника либо преднамеренным отсутствием взгляда, невыраженной мимикой, дистанцированностью и др. [8].

Диалог в общественном транспорте. Пожилая женщина (А) обращается к знакомой (Б).

А: Света / Света! //

Б: Здравствуйте / тетя Аня // Как дела? //

А: Да какие / Света / дела / теперь-то? // На пенсии / в больницу сходить / да в магазин / да и здоровье у меня //

Б: [...] (наблюдает за происходящим в салоне)

А: (трогает рукой) Вчера давление подскочило / Ой / раньше-то я была / огонь / мы с твоей матерью //

Б: [...] (слабая улыбка, преднамеренно смотрит в окно)

Особый интерес представляет эквивалентное молчание — аналог вокализованного речевого высказывания, нулевой коммуникативный знак (реплика) [7; 15—18].

Анализ текстов показал, что ответная нулевая реплика — достаточно частотный коммуникативный ход в бытовом общении (12,7% из общего объема). Наиболее часто она реализует тактики мнимого согласия (1%), ухода от неадекватного поведения собеседника (5%), неинтересной темы (15,8%), оценки (18,4%), речевой агрессии (28,9%), ком-

муникативного взаимодействия в целом (31%) (см. рисунок ниже).

Ответное молчание как толерантное речевое поведение является одной из частотных реакций на агрессию, реализующих тактику ухода от конфликтной коммуникации.

Диалог в магазине. Участники: женщина средних лет (покупает) (А), продавец (Б), пожилая женщина (опирается на палку) (В), мужчина средних лет (Г).

Г: (минуя пожилую женщину, подходит к той, которая покупает продукты): Сосисок купи еще / килограмм / мама просила //

А: (кивает) Угу //

В: (в раздражении ударяет мужчину по голени палкой) Куда?! //

Г: [...] (морщится от боли, отворачивается от коммуниканта В)

Б: [...] (отворачивается, спокойно взвешивает сосиски)

А: [...] (с понимаем взглянула на коммуниканта Г)

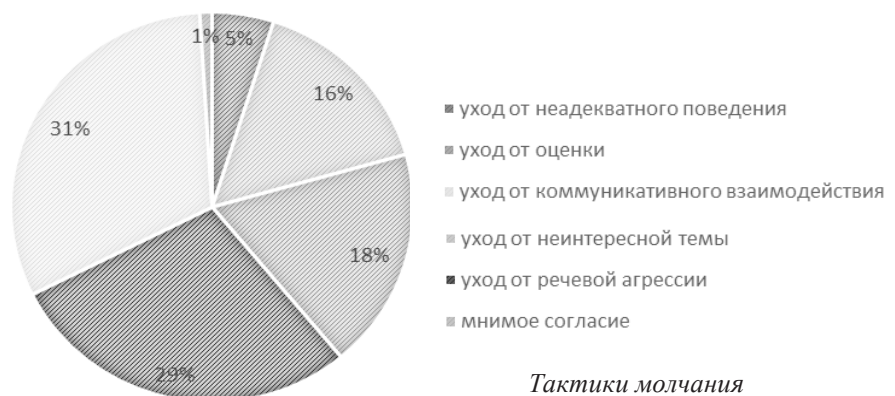
Б: (с улыбкой) Ваши сосиски // С вас 580 руб. //

А: (берет товар) Спасибо! // (расплачивается, протягивает пакет с продуктами коммуниканту Г). До свидания! //

Б: Вам спасибо! // Приходите еще! //

В: (недовольно бормочет про себя)

Данный диалог наглядно показывает отличие толерантности от другого вида конструктивного общения — вежливости. Молчание коммуниканта Г нацелено на подавление собственной реакции на агрессию ради ухода от конфликтной ситуации. Поведение коммуниканта В не может быть понято, принято; никто из участников общения даже не пытается вступить с ним в коммуникацию, оправдаться, объяснить, защитить свою позицию, то есть выстроить с ним единое коммуникативное пространство. Более того, коммуниканты А, Б, Г выстраивают собственное коммуникативное

Тактики молчания
в толерантном бытовом общении

пространство с целью не допустить конфликтной ситуации, поддержать в этом друг друга, при этом максимально дистанцируясь от агрессора (отворачиваются, спокойно и доброжелательно продолжают свою деятельность, общаются утрированно вежливо).

Толерантное молчание сопровождается определенными невербальными действиями: коммуниканты *отворачиваются, смотрят в другую сторону, пристально изучают какой-либо предмет, недовольно морщатся, поджимают губы.*

Часто молчание выступает не только как тактика ухода от конфликтного общения, но и как тактика ухода от коммуникации для защиты собственного пространства.

Диалог в трамвае. Участники: мужчина (А), женщина 25—30 лет (Б). Мужчина входит в вагон, садится напротив женщины.

А: Почему вы такая грустная? //

Б: (равнодушно посмотрела, отвернулась) [...]

А: Улыбнитесь / а то сидите как бука //

Б: (равнодушно посмотрела, отвернулась) [...]

А: Давайте я вам анекдот расскажу //

Б: [...]

А: Нет / ну давайте я все же расскажу //

Б: [...]

А: Выходит муха из бара / пытается взлететь... / Вы слушаете? //

Б: [...] (достает телефон, смотрит в телефон)

А: (встает, пересаживается на другое место).

Тактика ухода от коммуникации как способ защиты собственного коммуникативного пространства реализуется посредством молчания в ситуации принуждения к общению. Выбор данной тактики обусловлен желанием не допустить в него другого. Данное намерение позволяет разграничить толерантное речевое поведение и вежливость как тип речевого поведения с его нацеленностью на Другого даже в ущерб собственным коммуникативным интересам. Результат такой коммуникации для адресанта (инициатора общения) можно расценивать как коммуникативную неудачу.

Диалог в автобусе. Участники: пожилая женщина (А), женщина средних лет (Б). Сидят рядом.

А: Весна-то нынче какая / такого не помню / что с рассадой делать будем //

Б: (взглянула, улыбнулась вежливо, отвернулась) [...]

А: (трогает за рукав, привлекает внимание) Я в прошлом году-то уже в конце апреля посадила / внуки приехали / (с гордостью) они у меня в Москве учатся / а у меня уже огурчики свои //

Б: (отняла руку, посмотрела мельком на соседку, улыбнулась, отвернулась) [...]

А: А семья-то есть? / Не садишь для деток? //

Б: (смотрит в окно) [...]

А: (ловит взгляд, ожидает ответа) [...]

Б: (достает телефон, надевает наушники) [...]

А: (тихо, про себя) Что за люди... //

Тактика ухода от коммуникации может осуществляться и с помощью вербальных средств как реакция на попытку собеседника создать общее коммуникативное пространство. Как показал анализ, данная тактика в основном применяется коммуникантами — жителями мегаполиса — при взаимодействии с представителями сельской коммуникативной культуры. Для коммуникантов с сельским укладом жизни, особенно старшего возраста, характерна заинтересованность в общении, повышенное внимание к собеседнику, позитивные оценки собеседника, сокращение дистанции до личной (91 %). Данное речевое поведение можно рассматривать как вежливость. Однако городские жители, как правило, не поддерживают такой тип общения, используя для защиты своего коммуникативного пространства короткие «закрытые» реплики, не предполагающие продолжение коммуникации.

Диалог на улице около сельского магазина. Участники: студентки, фиксирующие диалоги (А), женщина, стоящая около магазина (Б), продавец (В).

Б: Девочки / что-то ищете? // Заблудились, поди? //

А: Нет / спасибо //

Б: А что ищете-то? // К кому вы? //

А: (смущаясь от внимания) У нас просто практика //

Б: Практика? // Учитесь, значит // Молодцы! // А практикуетесь-то на чем? // У нас вроде ничего такого нет //

В: (выходит из магазина) Тамара / корм для твоего Федота сегодня привезут //

Б: Спасибо / зайду / вон девчонки / на практике у нас // Учатся //

В: Хорошо // А то сейчас молодежь не очень учиться-то // Девочки / где учитесь? //

А: В УдГУ // На филфаке //

В: Учителями, значит, будете // (обращается к А) Слышь / Это как у Семеновых / дочка / (к студентам) Катю Семенову не знаете / у вас она там //

Б: Не / не знаем // (растерянно оглядываются) Ну мы пойдем / нам надо //

В: Давайте учитесь / что надо / спрашивайте / тут я / в магазине //

Как видно из текста данного диалога, студенты — носители городской культуры — чувствуют себя некомфортно от необходимости вступать в общение, поэтому их реплики лаконичны и не ориентированы на собеседника.

Таким образом, анализ толерантного речевого поведения на материале бытового диалогического дискурса позволил сделать следующие выводы:

1. Бытовой диалогический дискурс в силу своих характеристик (спонтанность, персонифицированность, эмоциональность, активное использование невербальных средств коммуникации и др.) обуславливает специфичность реализации толерантного речевого поведения по сравнению, например, с публичным дискурсом.

2. Данный тип речевого поведения реализуется посредством ряда речевых тактик, которые свойственны исключительно неформальному речевому взаимодействию.

3. Молчание является специфичным средством реализации тактик толерантности в бытовом диалоге. Оно выступает как эквивалент высказывания (значимое отсутствие вербализованного текста) и может быть использовано в любой тактике.

4. В тактиках ухода от коммуникации и ухода от конфликтной ситуации молчание является единственно возможным средством реализации толерантного речевого поведения.

Список литературы

1. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Риторика и культура речи. Ростов н/Д: Феникс, 2012. 537 с.
2. Воронцова, Т. А., Копылова, Т. Р. Молчание как маркер агрессивного речевого поведения // Филологический класс. 2017. № 3(49). С. 29—33.
3. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия, толерантность, вежливость // Язык СМИ и политика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 569—611.
4. Кан Сын М. Формы выражения толерантности в русском речевом общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 24 с.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.; Волгоград: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.
6. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Рус. словари, 1999. 396 с.
7. Копылова Т. Р. Молчание как знак: проблемы интерпретации // Trends in Slavic Studies. М.: УРПС, 2015. С. 721—727.
8. Копылова Т. Р. Молчание в структуре слушания как вида речевой деятельности (на материале русского конструктивного речевого поведения) // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2020. Т. 30, вып. 2. С. 204—211.
9. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славян. культуры, 2004. 888 с.
10. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 276 с.
11. Михайлова О. А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 99—111.
12. Романова Т. В., А Малафеев. Ю., Морозова Н. Н., Климова (Фокина) М. А. Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема (анализ материалов СМИ и политического дискурса): монография. Н. Новгород: Деком, 2017. 300 с.
13. Романова Т. В. Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект) // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 39—49.
14. Формановская Н. И. Ритуалы вежливости и толерантность // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 337—355.
15. Ephratt, M. The functions of silence / M. Ephratt // Journal of Pragmatics. 2008. Vol. 40. P. 1909—1938.
16. Jaworski A. Silence: Interdisciplinary Perspectives. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. 416 p.
17. Kurzon D. Towards a typology of silence // Journal of Pragmatics. 2007. Vol. 39. P. 1673—1688.
18. Kurzon D. Discourse of Silence. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin, 1998. 162 p.
19. Vorontsova T. A., Kopylova T. R. Silence in the structure of aggressive speech behavior (case study of day-to-day communication) // Cuadernos de Rusistica Espanola. 2017. Vol 13. P. 97—109.

Сведения об авторах

Воронцова Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия. voron500@yandex.ru

Копылова Татьяна Рудольфовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия. k_tatiana4@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 1 (447). *Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 26—32.*

TOLERANCE TACTICS IN EVERYDAY DIALOGICAL DISCOURSE

T. A. Vorontsova

Chelyabinsk State University Chelyabinsk, Russia. voron500@yandex.ru

T. R. Kopylova

Udmurt State University, Izhevsk, Russia. k_tatiana4@mail.ru

While studying tolerance the researchers pay special attention to the selection of speech means that make for implementation of the speaker's certain tactics. Silence, like other materially expressed units, functions in various communicative situations, expresses some definite meanings, and contributes to the achievement of the communicative goal by the subject of communication. The purpose of this article is to extract specific silence tactics in the structure of the tolerant everyday speech behavior. The analysis is based on dialogues related to various types of everyday interaction. Everyday communication has a number of distinctive features, such as: immediacy, unpreparedness, personification, emotionality, sincerity, easiness, non-obligation to comply with the conventional norms appropriate to the institutional communication, the high role of non-verbal means of communication in the capacity of other extralinguistic factors. These specific features stipulate the communicant's frequent appeal to the silence, which, like an utterance, is able to act as a text in the communicative interaction and at the same time serve as a marker of the tolerant Russian speech behavior. This study enabled us to outline silence tactics among which the tactic aimed at avoiding the discomfort zone by the subject of the speech stands out as the main one: discomfort can be created by the topic of the conversation, by the subject matter, by the interlocutor's assessment, by the behavior of the partner or his values that contradict the norms of an addressee.

Keywords: *speech behavior, everyday dialogical discourse, tolerance, speech tactics, silence.*

References

1. Vvedenskaya L. A., Pavlova L. G. (2012) *Ritorika i kul'tura rechi* [Rhetoric and Culture of Speech]. Rostov on Don, Feniks Publ. 537 p. [in Russ.].
2. Vorontsova T. A., Kopylova T. R. (2017) *Filologicheskij klass*, no. 3 (49), pp. 29—33 [in Russ.].
3. Vorontsova T. A. (2012) *Rechevaya agressiya, tolerantnost', vezhlivost.* [Speech Aggression, Tolerance, Politeness]. *Yazyk SMI i politika* [Mass Media Language and Politics (Multi-Authored Monograph)]. Moscow, Publ. House of Moscow University; Journalism Department of Lomonosov Moscow State University, pp. 569—611 [in Russ.].
4. Kan Syn M. (2010) *Formy vyrazheniya tolerantnosti v russkom rechevom obshchenii* [Forms of Expression of Tolerance in Russian Conversation. Thesis]. St. Petersburg [in Russ.].
5. Karasik V. I. (1992) *Yazyk social'nogo statusa* [The Language of Social Standing]. Moscow, Volgograd. 330 p. [in Russ.].
6. Kitajgorodskaya M. V., Rozanova N. N. (1999) *Rech' moskvichej: Kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt* [Muscovites' Speech: Communicative and Cultural Aspect]. Moscow, Russkie slovari. 396 p. [in Russ.].
7. Kopylova T. R. (2015) *Molchanie kak znak: problemy interpretacii* [Silence as a Sign: Interpretation Problems]. *Trends in Slavic Studies*. Moscow, URRS. Pp. 721—727 [in Russ.].

8. Kopylova T. R. (2020) *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya*, no. 30 (2), pp. 204—211 [in Russ.].
9. Krysin L. P. (2004) *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvistike* [The Russian Word, Their Own One and Other Peoples': Research on Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ. 888 p. [in Russ.].
10. Makarov M. L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of Discourse Theory]. Moscow, Gnozis Publ. 276 p. [in Russ.].
11. Mihajlova O. A. (2005) *Tolerantnost' i terpimost': vzglyad lingvista* [Tolerance and Leniency: The Linguist's View]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and Linguocultural Issues of Tolerance]. Moscow, OLMA-PRESS Publ. P. 99—111 [in Russ.].
12. Romanova T. V. (2017) *Tolerantnost' kak kul'turnaya, politicheskaya, lingvisticheskaya problema: (analiz materialov SMI i politicheskogo diskursa)* [Tolerance as a Cultural, Political, and Linguistic Issue: (Based on the Analysis of the Mass Media Materials and the Political Discourse)]. Nizhnij Novgorod, Dekom Publ. 300 p. [in Russ.].
13. Romanova T. V. (2015) *Politicheskaya lingvistika*, no. 2 (52), pp. 39—49 [in Russ.].
14. Formanovskaya N. I. (2005) *Ritualy vezhlivosti i tolerantnost'* [Rituals of Courtesy and Tolerance]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and Linguocultural Issues of Tolerance]. Moscow, OLMA-PRESS Publ. P. 337—355.
15. Ephratt M. (2008) *Journal of Pragmatics*, vol. 40, pp. 1909—1938.
16. Jaworski A. *Silence: Interdisciplinary Perspectives*. Berlin, Mouton de Gruyter, 1997.
17. Kurzon D. (2007) *Journal of Pragmatics*, vol. 39, pp. 1673—1688.
18. Kurzon D. (1998) *Discourse of Silence*. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamin.
19. Vorontsova T. A, Kopylova T. R. (2017) *Cuadernos de Rusistica Espanola*, vol. 13, pp. 97—109.

АГНОНИМИЯ & ДИЗОРФОГРАФИЯ: ГРАНИ КОРРЕЛЯЦИИ

С. Н. Глазкова

Челябинский государственный университет, Миасс, Россия

На экспериментальном материале доказываемся взаимосвязь агнонии и дизорфографии современного старшеклассника. Отмечается многоаспектность этой связи. Констатируется когнитивная недостаточность современных российских выпускников, спорадический характер орфографии, несистемная природа ментальной карты. Полученный материал показывает регулярность когнитивных сбоев и необходимость серьезной коррекции морфемно-семантической базы школьников.

Ключевые слова: *агнония, дизорфография, когнитивная недостаточность, школьник, ЕГЭ.*

Термин «дизорфография» появился не очень давно — в 1990-х гг. Дизорфография — это специфический вид нарушения письменной речи, объем которого не определен в науке однозначно. Однако чаще всего дизорфографию рассматривают как неумение использовать морфологический и традиционный принцип орфографии [3; 8; 9 и др.]. Ведущие психологи и методисты дизорфографическими считают ошибки в обнаружении орфограмм и решении орфографических задач, связывая это в первую очередь с недостаточным владением морфологическим и морфемным анализом слова, скудным лексическим запасом [5 и др.]. Среди причин возникновения дизорфографии называют физиологические, соматические, педагогические, медицинские, психические. Механизм дизорфографии лингвисты объясняют самыми разными факторами: дислалией, стертой дизартрией, поражением центральной нервной системы, общим нарушением речи разной степени, недостаточностью внимания, психосоматической ослабленностью, общей заторможенностью, задержкой в психическом развитии, умственной перегруженностью, даже низким иммунитетом, провоцирующим частые заболевания, педагогической запущенностью и др. [5 и др.]. В основном нарушение орфографических навыков — это комплекс нескольких причин. Данное исследование посвящено анализу причины, находящейся в ведении психолингвистики: речь идет о когнитивном дефиците. К значимым факторам этиологии дизорфографии относим когнитивную неустойчивость, несформированность когнитивного механизма, расплывчатость ментальной карты школьника. Изучению именно этих факторов посвящено исследование. Проводилось оно в средних образовательных школах № 44, 18, 5 Миасса. В анкетировании приняли участие 212 чел. из 9—11-х классов, что

составило 92% старшеклассников, обучающихся в названных школах. Сущность и результаты исследования приведены ниже.

Нас интересовал в первую очередь морфологический тип дизорфографии, при котором ученик знает правила, но не умеет их применять, в частности ошибается в написании безударной гласной, не может ее проверить, подобрать адекватное проверочное слово, не различает слова по семантике, не может самостоятельно найти ошибку и объяснить ее, имеет скудный словарный запас, ошибается в морфемном анализе, не понимает теоретической основы орфографического правила.

Эксперименты для исследования такого типа дизорфографии проводились ранее. Так, например, И. В. Прищепкова отмечает: «Среди школьников с дизорфографией ни один ребенок не может показать высокого уровня сформированности морфологических обобщений, безошибочно и аргументированно объяснить значение предъявленных слов» [9. С. 80]. Нашей задачей было установить связь агнонии и дизорфографии, конкретизировать, в какой мере влияет понимание — непонимание значения слова, умение эксплицировать смысл за счет видения внутренней формы слова на формирование дизорфографии, оценить, как влияет степень устойчивости когниции на дизорфографические ошибки.

А. В. Морковкина, предложившая термин научному сообществу, определяет агнонию через однокоренный термин — агноним: «Агнонимы [от др.-греч. α — не, $\gamma\nu\omega\sigma\iota\varsigma$ — знание, $\acute{o}\nu\omicron\mu\alpha$, $\acute{o}\nu\omicron\mu\alpha$ — имя] — лексические и фразеологические единицы родного языка, неизвестные, малопонятные или непонятные многим его носителям» [7. С. 6]. Г. М. Мандрикова констатирует, что агнонимические ошибки приводят к орфографическим сбоям [6. С. 13].

Очевидно, что «зоны агнонимической активности» [11. С. 296, 298] и зоны дизорфографической активности связаны. Необходимо установить характер этой связи.

Для обнаружения агнонимии в психолингвистике используются различные экспериментальные методики. Так, например, «широко используется метод прямого толкования текста. Некоторые психолингвисты определяют толкование слова как «синонимический» текст («перифразу»), передающий ту же информацию, что и толкуемое слово). Метод же прямого толкования слова представляет собой «текстовое» описание испытуемым содержания и варианта значения слова», дает возможность установить, «насколько в языковом сознании представлена внутренняя форма слова» [2. С. 313].

В. П. Глухов задается вопросом, играет ли «осознание внутренней формы слова (то есть его морфологической структуры)» определяющую роль в семантическом анализе слова, и утверждает: «С помощью этого метода такие проявления языкового сознания можно измерить с помощью специальных коэффициентов “идиоматизации”» [Там же]. С нашей точки зрения, если коэффициент идиоматизации слова очень высок, то наблюдается подобно тому, как это происходит при идиоматизации фразеологических сращений, невыводимость значения из компонентов, неделимость, целостность значения, его предположительный, приблизительный характер.

В рамках данного исследования помимо прямого толкования слова, использовалась группа приемов опосредованной проверки понимания лексического значения слова. В качестве лингвометодической базы использовались материалы задания 9—11 (более всего 9, 10) ЕГЭ по русскому языку. Эти задания информативны для психолингвиста.

В задании ЕГЭ от разработчиков предлагается выбрать строчки, в которых подобраны слова, объединенные одним принципом написания, то есть производится дифференциация чередующихся, проверяемых, непроверяемых гласных в корневых морфемах. «Базовым при выполнении данного задания является умение подбирать однокоренные слова, различать названные выше типы орфограмм. Подбор однокоренных слов — речемыслительная деятельность, она может рассматриваться в русле процессов понимания, речевосприятия, речепорождения, следовательно, в психолингвистическом аспекте. Подбор однокоренных слов — это процесс поиска и извлечения информации из внутреннего лексикона носителя языка, который обнаруживает

понимание или непонимание значения слова, его внутренней формы. В анализируемом задании слова даны рядами по три вне контекста и внутренней смысловой связи друг с другом, что значительно осложняет рецепцию слов и их внутренней формы: в условиях текстовой поддержки понимать агнонимы значительно легче» [1. С. 45—59]. Согласно данным аналитической справки ФИПИ за 2019 г. (данные за 2020 г. пока не опубликованы), процент выполнения задания 9 был традиционно невысок, к тому же в 2019 г. снизился на 10% (с 75 до 65% верных ответов) по сравнению с предыдущим годом. Зафиксирована отрицательная динамика (снижение верных ответов на 32%) результатов выполнения задания 11 на правописание суффиксов различных частей речи и задания 10 на правописание приставок (снижение на 22%). И. П. Цыбулько поясняет: «Ошибки возникают в результате неумения... определить морфемный состав слова. Чтобы экзаменуемые не допускали ошибок в морфемном анализе, они должны понимать, что анализ слова по составу является разновидностью смыслового анализа, в ходе которого вычленяются значимые части слова, то есть морфемы» [10. С. 10].

Таким образом, анализ выполнения орфографического блока теста ЕГЭ показал, высокую трудность для выпускников заданий, связанных с правописанием морфем — корневых, префиксальных и суффиксальных. Среди причин низкой лингвистической компетенции выпускников назовем когнитивную недостаточность, одним из частных случаев которой является агнонимия.

Целью эксперимента, проведенного в рамках данного исследования, было установить корреляцию понимания слова, видения его внутренней формы и грамотность написания, верный выбор типа орфограммы.

Системный подход к изучению семантики предполагает возможность исследования отдельных семантических компонентов и связей между ними: внутренних («между отдельными компонентами значения слова») и внешних («между лексемами в ментальном лексиконе») семантических связей [4. С. 3]. Отметим, что в работах психолингвистов последних лет взгляд на агнонимию усложнился: «Вместо дихотомии «слово принадлежит / не принадлежит индивидуальному лексикону» установлен некоторый континуум освоенности семантики слова» [Там же. С. 4]. Так, недоосвоенное слово «в ментальном лексиконе не обнаруживает богатых семантических связей», а неосвоенное слово «может вызывать у испытуемого случайную (с точки

зрения семантики) реакцию, например, на основе звукового сходства» [5. С. 6]. Это наблюдение стало стартовым при проведении эксперимента по исследованию соотношения агнонимии и дизорфографии. Кроме того, в основу легло утверждение психологов, которые рассматривают дизорфографию не столько как проблему обучения, сколько как проблему языковой некомпетентности детей [3; 5; 9].

В качестве лингвистического материала для эксперимента использовались примеры, взятые с учебных сайтов: «4 ЕГЭ», «Незнайка», «Решу ЕГЭ», ФИПИ. Реципиентами стали старшеклассники названных выше школ Миасса. Для установления корреляции агнонимии и дизорфографии школьникам были предложены шесть типов заданий:

- 1) подбор однокоренных слов (например: подбери однокоренные к словам *исцеление, чрезмерный, притворяться*);
- 2) выбор однокоренных слов из ряда созвучных (например: выбери только однокоренные из ряда слов *п.никнуть, паника, прон.кновение, сникший*);
- 3) прямое толкование слова с учетом введения однокоренных слов в толкование (например: объясни слово: *беспробудно — значит...*);
- 4) выбор толкования к слову (например: какие из значений слова *безотлагательный* даны невер-

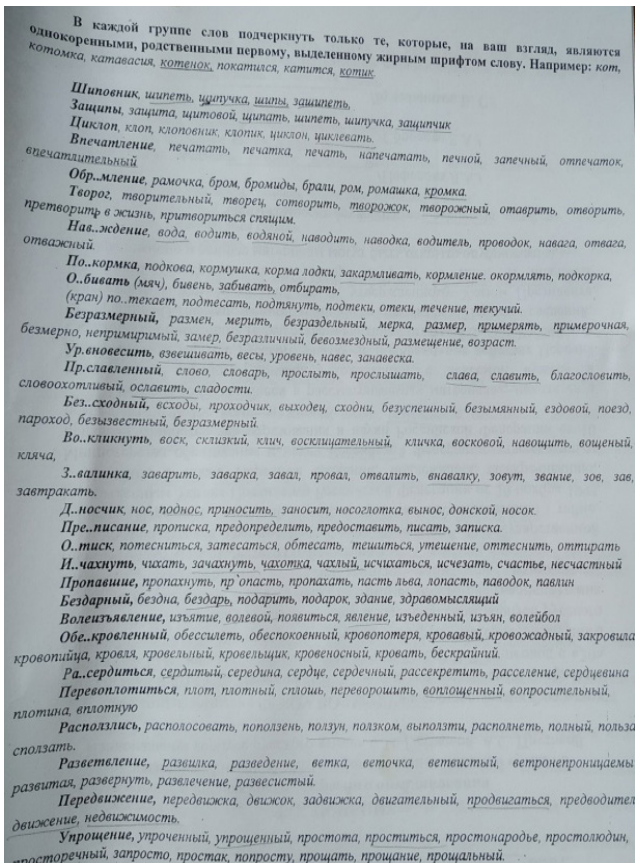
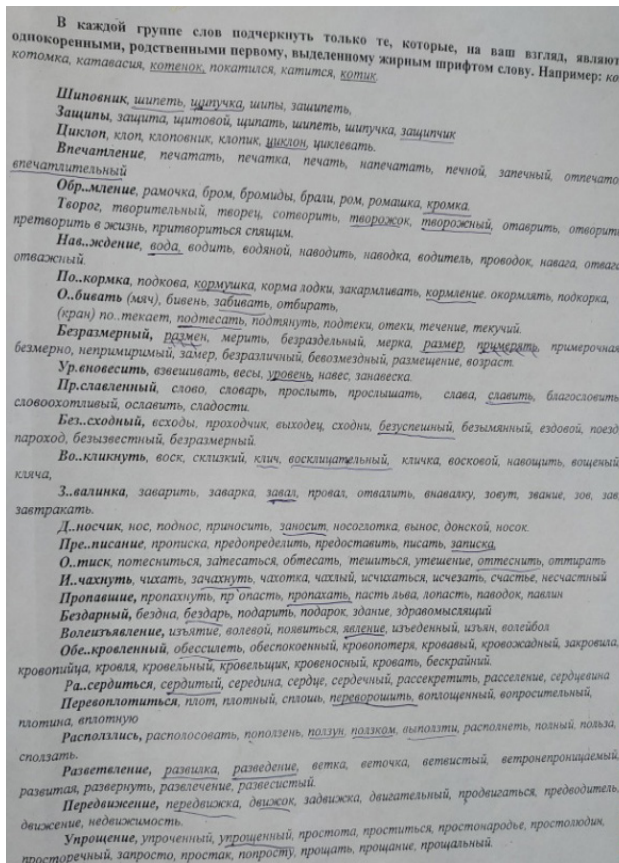
но: 1) *срочный*, 2) *тот, который отложит нельзя*, 3) *быстрый*, 4) *экстренный*, 5) *незамедлительный*, 6) *поспешный*, 7) *близкий*, 8) *сиюминутный*, 9) *неотложный*);

5) соотнесение корня и ряда слов (например: какие слова имеют корень –*дрож-*: *дрожать, дрожки, дорожка, драга, драже, дрожжи, задрожал, дрожь, подороже, дорогой*);

6) применение орфограммы (например: вставить пропущенную гласную: *сж..гать, орб..тальный, пол..мический, вызв..лить, напом..нание, предст..вительный, экз..меновать, асф..льтированный, изд..вать, разг..реться, укл..ниться, зар..сли*).

С первого по пятый типы заданий были призваны выявить зоны полной и частичной агнонимии, 6-й тип — зоны дизорфографии. Для экспериментальной работы из материалов ЕГЭ были отобраны методом сплошной выборки слова, предлагаемые для решения орфографической задачи дифференцировать проверяемые, непроверяемые, чередующиеся гласные в корне (задание 9, формат 2020 г.). Отобрано около 400 слов. Первые сто взяты для исследования. Ниже — фото двух выполненных работ с заданием второго типа.

Анализ результатов. Материалом для третьего и четвертого типа заданий стал обязательный минимум слов — «Перечень слов с непроверяемыми

гласными для запоминания к заданию 9 ЕГЭ по русскому языку 2020 г.», данный на сайте ФИПИ. В словнике школьники оценили как непонятные до 55% слов. Заметим, что для сравнения с исследованием, проведенным годом раньше, взят материал нового словника, что не повлияло на результат. Это доказывает, что агнонимия действительно является серьезной проблемой для школьников. В качестве примера приведем выявленные агнонимы (произвольно взяты слова на буквы а, б, в, г, д, к):

Авангард, авантюра, альманах, аляповатый, аномалия, антагонизм, апартаменты, атавизм, агроном, агломерат, ацетат, адаптация, агрегат, абориген, авангард, аккомпаниатор, абажур, абракадабра, апартейд, афоризм, абордаж, бойкот, бечева, бекас, богема, ботфорт, баррикада, бордюр, баталист, бостон, бакалавр, бакалея, балласт, бандероль, бефстроганов, бравада, бриолин, ватрушка, вестибюль, вазелин, вакцина, валидол, вандализм, ванилин, ворковать, вельвет, велюр, вираж, виртуоз, вискоза, верзила, вернисаж, вонючка, вояж, габариты, гарнизон, гиацинт, гегемония, гамак, гастролер, генерация, герметизировать, гобелен, дезертир, декларация, дефицит, дилетант, директива, досконально, дивертисмент, декламировать, диагональный, диадема, дизентерия, дилижанс, дифирамб, дегенерат, деликатес, диабет, диапазон, дивиденд, диорама.

Из предложенных для второго типа заданий слов агнонимы оказались и многие стартовые слова, и однокоренные, и созвучные с ними слова. Среди них полные (*обрамление, наваждение, завалинка, оттиск, доносчик, исчахнуть*) и частичные (*безысходный, безразмерный, обескровленные, перевоплотиться*) агнонимы. Они составили 31% предложенных слов. Толкование показывает, что даже при верном объединении дериватов, не всегда (около 60% случаев) имеется осознанное понимание слова, в частности его внутренней формы. Опора на внутреннюю форму слова при объяснении его не гарантируют верный выбор однокоренных слов (таких случаев чуть менее половины).

Задание пятого типа — выбор однокоренных слов при наличии ряда паронимичных и/или омонимичных (например: *обескровленный, кровля; гора, гореть*) корней, созвучных (*обескровленный, кровать; разветвление, развилка, разведение, развита, развесистый, развернуть*). Результаты тоже свидетельствуют об агнонимии: тесты содержат от 28 до 60% неверных ответов.

Не стало неожиданностью смешение омонимичных корней (задания второго и пятого типов) в опи-

санных ранее в методической литературе словах, например: *нос, поднос, донской, носок, заносит, доносчик*. Однако налицо неверная дифференциация корней в большинстве рядов слов: *завалинка, заварить, провал, внавалку, завтракать, зовут, звание; перевоплотиться, плот, плотный, сплошь, переворошить, плотина, вплотную, воплощенный, вопросительный; чахнуть, исчахнуть, чихать, чахотка, чахлый, исчихаться, исчезать, счастье, несчастный; безысходный, безымянный, пароход, безызвестный, всходы, безуспешный, проходчик, выходец, сходни, безразмерный; циклоп, циклон, циклевать, клоп, клоповник, клопик; предписание, прописка, предопределить, предоставить, писать, записка* и др. Это доказывает, что явление семантической недостаточности не касается отдельных слов, а является системным, пронизывает всю семантическую сеть реципиентов. Ментальный лексикон имеет не вполне системную организацию, во всяком случае она не совпадает со сложившейся в языке ментальной сетью. Полученный материал показывает регулярность когнитивных сбоев. Морфемно-семантическая база (особенно корневая и приставочная) школьников требует серьезной коррекции, привлечения для работы актуализации межуровневых связей. Справедливым считаем замечание И. П. Цыбулько о том, что «в практике работы учителя должны в большем объеме использоваться такие учебные действия, которые рассчитаны на комплексное использование языковых единиц, с учетом межуровневых связей и отношений, с оценкой лексических, словообразовательных и грамматических особенностей порождаемого текста и с целенаправленными наблюдениями над значениями, функциями и уместностью употребления языковых единиц» [10. С. 10].

Понимание морфемной структуры слова, семантических компонентов лексемы, безусловно, улучшает орфографическую зоркость. Однако шестой этап работы (вставить безударные гласные) дал дополнительный материал для размышления: оказалось, что даже при верном или частично верном выборе группы дериватов слово во многих случаях написано школьниками неверно. Таким образом, умение верно подобрать дериваты связано с орфографическим верным письмом не напрямую, а опосредованно. Сопоставление результатов первого — пятого с шестым типом заданий показало: понимание внутренней формы влияет на грамотное написание, однако это не единственное условие безошибочного письма, то есть понимание внутренней формы важно, но не является гарантией

верного написания. Неумение верно вычленять корень и другие морфемы связано с агнонимией не напрямую, опосредованно. Непонимание и незнание особенностей русской морфематики (в частности, морфологических чередований в корнях, на стыке корня и суффикса) ухудшают качество работы, но не являются главной и единственной причиной дизорфографии.

На заключительном этапе был проведен словарный диктант. В него были включены слова, с которыми проводилась уже аналитическая работа. Орфографический результат улучшился, однако несущественно.

Сквозное сравнение работ каждого школьника и сравнительный анализ работ каждого типа показали следующее. Агнонимия и дизорфография опосредованно взаимосвязаны. Непонимание морфемной структуры слова, агнонимия делают письмо спорадическим, случайным, нестабильным, неосознанным. Понимание внутренней формы слова, морфемного состава, семантики является базовым условием формирования механизма грамот-

ного письма, но при этом не гарантирует верного написания. Вероятно, на правописание влияет тип агнонимии (полная, частичная). Механизм дизорфографии требует дополнительных исследований с привлечением медицинского оборудования. В основе дизорфографии лежит не только, как представлялось ранее, недоразвитие словесно-логического мышления и речеслуховой памяти, ограниченный объем словаря и его недостаточная актуализация, сниженный интерес к языковому оформлению речи, неумение дифференцировать лексическое и грамматическое значение слова, недоосвоенность грамматических закономерностей. Очевидно, что при дизорфографии наиболее нарушен языковой уровень порождения речи, но психофизиология грамотного письма и дизорфографии ждут детального изучения.

Исследование показало, что ментальная карта школьника несистемна: в ней отсутствуют важные связи между лексическими единицами. У среднего школьника недостаточно сформированы языковые грамматические обобщения, редуцированы языковые и метаязыковые навыки.

Список литературы

1. Глазкова С. Н. Агнонимия как причина орфографической беспомощности выпускника школы // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 6 (428). Филологические науки. Вып. 117. С. 47—54.
2. Глухов В. П. Основы психолингвистики: учебник для вузов. М.: АСТ: Астрель, 2005. 351 с.
3. Корнев А. Н. Нарушения чтения и письма у детей: монография. СПб.: МиМ, 2007. 286 с.
4. Кулакова Н. И. Внутренние и внешние связи в семантике слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2004. 32 с.
5. Лалаева Р. И. Диагностика и коррекция нарушений чтения и письма у младших школьников: монография. СПб.: Союз, 2011. 224 с.
6. Мандрикова Г. М. Русская лексическая система в теоретическом и прикладном рассмотрении: категории агнонимии и таронимии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 39 с.
7. Морковкина А. В. Русские агнонимы в теоретическом и прикладном рассмотрении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 19 с.
8. Парамонова Л. Г. Предупреждение и устранение дисграфии у детей: монография. СПб.: Детство-Пресс, 2011. 140 с.
9. Прищепкова И. В. Дизорфография младших школьников: пособие. СПб.: Каро, 2006. 240 с.
10. Цыбулько И. П. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2019 года по русскому языку // Педагогические измерения. 2019. № 3. С. 3—23.
11. Черняк В. Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня: сб. ст. Вып. 2. М.: Азбуковник, 2003. С. 295—304.

Сведения об авторе

Глазкова Светлана Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии Челябинского государственного университета, Миасс, Россия. snglaz@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 1 (447). Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 33—38.

AGNONYMY & DYSORTHOGRAPHY: ASPECTS OF CORRELATION

S. N. Glazkova

Chelyabinsk state University, Miass, Russia. snglaz@rambler.ru

Based on experimental material, the author proves the relationship between agnomy and dysorthography of modern schoolchildren. The multidimensionality of this connection is noted. Agnomy and dysorthography are interrelated, but not as unambiguously as it seemed. Agnomy makes writing sporadic, random, unstable, unconscious. Understanding the internal form of a word, morphemic composition, semantics is a basic condition for the formation of a competent writing mechanism, but at the same time it does not guarantee correct spelling. The spelling is probably influenced by the type of agnomy (full ~ partial). The study showed that the mental map of the middle school student is non-systemic: it lacks important connections between lexical units. The middle school student has insufficiently formed linguistic grammatical generalizations, language and metalanguage skills are reduced. The material obtained shows the regularity of cognitive failures and the need for serious correction of morphemic-semantic base of schoolchildren.

Keywords: *agnomy, dysorthography, cognitive impairment, schoolchildren, Unified State Exam*

References

1. Glazkova S. N. (2019) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (428), pp. 47—54 [in Russ.].
2. Glukhov V. P. (2005) *Osnovy psikholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]*. Moscow, AST: Astrel. 351 p. [in Russ.].
3. Kornev A. N. (2007) *Narusheniya chteniya i pis'ma u detej [Reading and writing disorders in children]*. St. Petersburg, MiM. 286 p. [in Russ.].
4. Kulakova N. I. (2004) *Vnutrennie i vneshnie svyazi v semantike slova [Internal and external relations in the semantics of a word. Abstract of thesis]*. St. Petersburg. 32 p. [in Russ.].
5. Lalaeva R. I. (2011) *Diagnostika i korrekciya narushenij chteniya i pis'ma u mladshih shkol'nikov [Diagnostics and correction of reading and writing disorders in younger students]*. St. Petersburg, Union. 224 p. [in Russ.].
6. Mandrikova G. M. (2011) *Russkaya leksicheskaya sistema v teoreticheskom i prikladnom rassmotrenii: kategorii agnomimii i taronomimii [Russian lexical system in theoretical and applied examination: categories of agnomy and taronymy. Abstract of thesis]*. Moscow. 29 p. [in Russ.].
7. Morkovkina A. V. (1993) *Russkie agnomimy v teoreticheskom i prikladnom rassmotrenii [Russian Agnomys in Theoretical and Applied Consideration. Abstract of thesis]*. Moscow. 19 p. [in Russ.].
8. Paramonova L. G. (2011) *Preduprezhdenie i ustranenie disgrafii u detej [Prevention and elimination of dysgraphia in children]*. St. Petersburg, Detstvo-Press. 140 p. [in Russ.].
9. Prishchepkova I. V. (2006) *Dizorfofografiya mladshih shkol'nikov [Dysorthography of primary schoolchildren]*. St. Petersburg, Karo. 240 p. [in Russ.].
10. Tsybulko I. P. (2019) *Zhurnal Pedagogicheskie izmereniya*, no. 3, pp. 3—23 [in Russ.].
11. Chernyak V. D. (2003) *Agnomimy v leksikone yazykovej lichnosti kak istochnik kommunikativnykh neudach. Russkij yazyk segodnya*. Iss. 2. Moscow, Azbukovnik. Pp. 295—304 [in Russ.].

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА ФРАЗЕОЛОГИЗМА ПОСРЕДСТВОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА

А. А. Дариков, А. П. Василенко

Брянский государственный университет, Брянск, Россия

Рассматриваются модели построения фразеологизма, реализующего глагольную семантику. Первая модель — образ фразеологизма на основе логической завершенности событий: временные рамки не заданы, само действие единоразово. Вторая модель — действие, описывающее переход из одного состояния в другое. Третья — образ фразеологизма по принципу поэтапной реализации событий: исходное действие, процесс действия, результат действия.

Ключевые слова: *фразеологизм, семантика, процессуальность, моделирование образа фразеологизма, метафора.*

Рассматривая приемы организации устойчивых оборотов, следует обратить внимание на то, что описание любой тематической группы фразеологизмов связано в том числе с описанием их грамматического устройства и лексического (вернее, компонентного) наполнения.

Разноплановость такого подхода приводит к выводу о том, что типология, или систематизация фразеологизмов не может быть априори однотипной: каждый раз возникает отличительно новая позиция, позволяющая моделировать, оценивать и ранжировать единицы под разным углом зрения [3. С. 155].

Так, изучая специфику конкретно взятой тематической организации, необходимо обращать внимание не только на видимую часть знака (план выражения фразеологизма, то есть видимую лексико-грамматическую архитектуру), но и принимать в расчет внутреннее содержание, которое по своей сути имплицитно [10. С. 12]: оно включает разнообразные тропеические механизмы, в свою очередь, задающие этимологический вектор в раскручивании истинного содержания фразеологизма на основе тех исторических фактов, которые послужили отправной точкой в формировании устойчивого выражения и последующего его закрепления в речи [11. С. 830]).

Любопытно заметить, что с ходом времени мотивационный параметр значения утрачивает свою актуальность, стирается, исчезает из памяти народа — что и придает устойчивому выражению статус идиоматичности, непонятности, непрозрачности семантики [7. С. 215].

Семантика фразеологических единиц (ФЕ), которая представляет устойчивые обороты процессуальной направленности, как и любая тематичес-

кая группа, имеет свою внутреннюю организацию и типологию [4. С. 145].

Процессуальная семантика фразеологизма основывается прежде всего на том, что образное основание устойчивых оборотов (на компонентном уровне) должно отражать некоторое действие. Это «некоторое действие» примарно, оно грамматически очевидно и не поддается сомнению (об этом — частеречная принадлежность компонентов к ряду глаголов, отражающих процесс).

Для глагольной семантики очень важно раскрыть пределы реализации действия. Действие имеет начало, протяженность, а также имеет и свою конечную стадию, при которой достигается (или не достигается) определенный результат.

Ступенчатый (фазовый, поэтапный) подход в определении глагольной семантики принадлежит грамматическому значению совершенного и несовершенного вида процессуального компонента. Характерная, скажем, для русского языка, процессуальность, имеющая оттенок многоразового совершения некоторого действия, передается, как правило, инфинитивными компонентами (не надо *бить баклуши*; глупо *петь лазаря*; не стоит *стрелять из пушки по воробьям*) или личными формами тех же глагольных компонентов (он *бил баклуши*; ты *пел лазаря*; они *стреляли из пушки по воробьям*).

Например: фразеологизм *и след простыл* ‘об исчезновении кого-либо’ [2. С. 617]. Простыл, остыл — температурный показатель как проявление активности живого организма, а также темпоральный признак «долго», выраженный приставкой *про-*. Простыл, остыл — понижение температуры как показатель деактивации некоторых процессов у большинства живых организмов.

Фразеологизм *корова языком слизала* (слизала, съела) [5. С. 256] — глагол прекращения исходного состояния, переход в иное качество: *слизать* — направленное апроприирующее воздействие на объект, находящийся на видимой поверхности, с целью его захвата (X слизал находившегося (снаружи) Y — значит Y попал во власть X; корова слизала то, что было снаружи, поэтому, то, что было снаружи, попало корове внутрь).

Фразеологизм *провалился сквозь землю* [Там же. С. 204]: *провалиться* — глагол смены положения в пространстве. *Провалиться* — значит, будучи на поверхности объекта, попасть в состояние, когда нарушаются изначальные параметры этого преобразуемого объекта, позволяющие через его обновленный статус проникнуть в другое состояние или измерение.

Грамматическое значение процессуальных компонентов влияет на общую семантику оборота. Так, грамматическое значение несовершенного вида — это прежде всего развивающийся процесс (динамическое состояние объекта), а грамматическое значение совершенного вида показывает степень достижения результата действия, очерчивает границы, пределы этого действия.

Очевидно, что речь идет об аспектуальности — глагольном действии, а также его протекание во времени. С этой точки зрения действие может быть предельным (в полном объеме) и неопредельным [1].

Итак, первая группа фразеологизмов с глагольным компонентом — процесс, не ограниченный во времени (неопредельность).

Модель 1. Первый и наиболее частотный разряд — это фразеологизмы процессуальной семантики, построенные по модели однофазного действия — действия, которое выполняется единожды, разово, но не ограничено во времени.

Отличительной особенностью данной группы является продолжительность действия, не лимитированная временными рамками, а также логическая завершенность (результат). Главное действующее лицо — субъект, который выступает явно или неявно в качестве организатора процесса. Кроме того, следует выделить и другие характерные черты глагольных компонентов данной группы: осознанность выполняемого субъектом действия, преднамеренность совершения действия и особый вид контроля со стороны субъекта.

Приведем некоторые примеры фразеологизмов с однофазным процессуальным компонентом: *зайти в тупик* [2. С. 674] (однофазность выражена некоторым единоразовым действием X, которое созда-

ет для самого же X точку невозврата); *пробивать путь* (дорогу) [2. С. 198] (однофазность выражена поступательным однотипным (целесолагающим) действием X, которое направлено на конкретный результат); *брать на буксир* [2. С. 64] (однофазность видится в совершении конкретного наставнического действия со стороны X с тем, чтобы оказать содействие Y); *звать в шею* [8. С. 759] (однофазность видится в метафорическом образе терминальной стадии коммуникации, в ходе которой X применяет грубую силу (как единственное разрешение дела в складывающейся обстановке) по отношению к Y); *брать верх* [5. С. 59] (однофазность выражена некоторым амбициозным действием, направленным на преобладание перед кем-либо или в чем-либо либо на укоренение в доминирующем статусе).

Как видно, фразеологические компоненты данной группы призваны обозначать исключительно результативность действия — однофазный (или типовой) процесс, который находится за пределами квалификативной интерпретации и темпоральных рамок.

Все же сравним ситуацию, когда использование временного континуума (совершенный и несовершенный вид компонентов-глаголов) может влиять на значение процессуальности. Например: 1) *Всякий раз нужно делать пользу обществу — срывать маску с лицемеров*; 2) *Он понимал: в этих словах нет правды — и сорвал с нее маску, сказав, что такой истории не могло быть и в помине*.

Фразеологизм *сорвать маску* [5. С. 300] имеет однофазную установку, направленную на прекращение X, как ему кажется, неприличествующих действий со стороны Y. Инфинитивная форма в случае 1 является маркером итеративности, то есть здесь — действия, неограниченного в количественном аспекте — многократном. Наоборот, в примере 2 грамматическое значение прошедшего времени говорит о сингулярности действия. Несмотря на разный характер повторяемости, следует все же говорить об однофазности глагольного компонента лишь потому, что само действие не направлено на достижение конкретного результата.

Разумеется, возможно дальнейшее уточнение данной группы, что неизбежно приводит к указанию частных характеристик глагольных компонентов однофазной семантики. В этой связи выделяются такие группы:

А). Обозначается группа фразеологизмов с обязательным указанием участников: тот, кто выполняет целенаправленное действие, и тот, на кого это целенаправленное действие реализуется.

Например: *выводить на чистую воду кого-либо* [8. С. 84] ('предпринимаемые действия со стороны X имеют цель перевести из намеренно создаваемого состояния Y в состояние, близкое к истинному положению вещей, — то, в чем заинтересован сам X'); *протягивать руку помощи кому-либо* [2. С. 584] ('альтруистическая предрасположенность X к окружающим дает возможность Y оказаться для себя в более благоприятном положении'); *оставить кого-либо в покое* [5. С. 412] ('X принимает решение прекратить свое деструктивное воздействие на Y, при этом Y, освобождаясь от влияния X, начинает пребывать за пределами воздействия X в относительно спокойствии').

Б). Обозначается группа фразеологизмов, где очевидна инициатива субъекта действия в отношении самого себя с целью достижения необходимого для субъекта положительного результата, или саморегулятивные способы действия субъекта.

Например: *наводить справки* [2. С. 638] ('X проявляет интерес в отношении Y с целью самоинформирования для последующих потенциальных действий в отношении Y'); *пустить пулю в лоб* [5. С. 444] ('очевидный дейктический характер действия в выражении напрямую связан с конкретным субъектом, предпринимающим в отношении себя радикальные (эвтаназийные) меры: X → X'); *приводить себя в порядок* [8. С. 510] ('самоорганизация X в некотором пространственно-временном континууме неизбежно приводит X к слаженным действиям в рамках некоторой системы').

В). Обозначается группа фразеологизмов, где процессуальное значение помимо осознанности со стороны субъекта имеет демонстративную (а иногда умышленную, злостную) коннотацию.

Например: *распускать слухи* [6. С. 662] ('X, осознавая истинное положение дел, умышленно занимается распространением заведомо ложной информации, чтобы заставить поверить окружающих в иной расклад'); *бросать в лицо* [5. С. 285] ('коммуникативная транспарентность X обусловлена его стремлением действовать открыто (иногда неприятно для собеседника, язвительно) в глазах Y'); *давать слово* [2. С. 621] ('ассертивная линия поведения X свидетельствует о его способности контролировать процесс и нести полную ответственность за результат перед Y').

Г). Обозначается группа процессуальных фразеологизмов когнитивно-аффективной семантики. Данное объединение включает устойчивые обороты, которые передают эмоциональную (весь спектр положительных и отрицательных настроений) со-

ставляющую субъекта, его мыслительные процессы (рассуждение, умозаключения).

Например: *отдавать себе отчет* [Там же. С. 472] ('X, руководствуясь некоторыми правилами поведения, признает все возможные последствия подобных манипуляций, в том числе те, которые могут нарушать целостность системы либо идти вразрез с ней'); *доходить своим умом* [5. С. 546] ('X, применяя индуктивно-дедуктивный метод решения вопроса, в индивидуальном порядке (как правило, без помощи сторонних лиц) приходит к положительному результату, который, как показывает практика, основательно фиксируется в сознании X, формируя жизненный опыт'); *доставлять радость* [6. С. 177] ('X по определенному случаю транспонирует окружающим свою положительную эмоцию, при этом и сам являясь средоточием этой эмоции в данном акте коммуникации').

Как видно, выделенные подгруппы объединяются однофазностью процессуального компонента, сопряжены с целенаправленностью и осознанностью самого действия, могут реализовывать действие в полном объеме или не ограничиваться реализацией во времени.

Модель 2. Вторая по количественному составу — модель фразеологизмов процессуальной семантики, в рамках которых реализуется коннотативное значение перехода из одного состояния в другое, то есть квантитативными и квалификативными преобразованиями субъекта или объекта.

Отличительным свойством данной группы является отсутствие лимитативной коннотации как результата процесса, представленного глаголом, но наличествует факт некоторого процесса, приводящего к смене исходного состояния субъекта, предпринимающего это действие. Фразеологический образ не определяет терминальность указанного в нем метафорического процесса.

Кроме того, трансфигурация объекта не является результатом преднамеренности, осознанности, контролируемости со стороны действующего лица (как это было в первой группе 1.1, — однофазная процессуальность). Запущенный механизм видоизменения характеризуется автономностью и, как было сказано ранее, безрезультативностью протекания.

Например, *входить в колею* [5. С. 246] ('текущее состояние X не соответствует диктуемым обстоятельствами требованиям; предположительно хаотичное состояние (относительного чьей-либо модели поведения) требует корректировки, что позволяет X или вынуждает X выбрать правильный

в заданной ситуации вектор движения’); *пускать корни* [Там же. С. 255] (‘экзистенциальное пространство, в котором оказывается X, дает возможность X делать выбор в пользу некоторой хронотопической модели поведения, позволяющей ощутить X долю умиротворения, безмятежности, психофизического комфорта’); *мозолить глаза* [2. С. 124] (‘итеративность действий X в сфере зрительной перцепции Y вызывает комплекс эмоциональной раздражительности Y, при этом раздражительность Y является сопутствующей (но не результирующей!) реакцией на поведение X, которое, в свою очередь, может быть и непреднамеренным (эпизодическим) или вовсе не входящим в планы X — то есть быть рефлексорным, машинальным).

Однако в этой группе можно говорить о пределе логического характера, но этот предел, скорее всего, неизбежный результат на пути в то состояние, при котором субъект функционирует, ориентируясь (но необязательно достигая этого статуса) на принципиально новую (или знакомую, плодотворную или неплодотворную) модель поведения.

Например: 1) *После летних каникул студенты постепенно входят в рабочую колею*; 2) *Молодожены со скрипом примеряют на себя семейную жизнь до тех пор, пока не войдут в колею*. Обе фразы, в составе которой употреблен уже рассмотренный ранее фразеологизм *входить в колею*, показывают неизбежный логический переход субъекта действия (1 — студенты, 2 — первокурсники) в состояние, кардинально отличающееся от предыдущего.

Смена режима пребывания в некотором статусе влечет за собой стрессовую ситуацию организма, который обязан (к вопросу об инстинкте самосохранения) принимать адаптивные меры, интегрируясь в новые (или забытые ранние) для него условия существования.

Все же стоит полагать, что в приведенных примерах процессуальная семантика фразеологизма *войти в колею* не является целью субъекта. Это маркер логического перехода из одного состояния в другое (межэтапный период), смена количественной и качественной составляющей субъекта в его активности, но не целеполагания.

Ведь, скажем, во фразе 1) *войти в колею* [5. С. 246] означает, скорее всего, уход от ранее принятой формы поведения (был период летних каникул, а на текущий момент — учебный процесс) и переход в другой режим, но уже налаженный ранее, а во фразе 2) *войти в колею* — смена социального статуса, появление нового объема ответственности и за себя, и за другого.

И в том и в другом случае целью не является вхождение в *колею*, это всего лишь срединный режим (и собственно режим) поведения на целом пути, но не целеполагание как таковое: для студента (1) целью становится не вхождение в колею (промежуточный статус), а, скажем, получение диплома с последующим трудоустройством (результат учебы); для молодоженов (2) целью становится не вхождение в колею (один из этапов построения семьи), а совместное создание и продолжительное ведение общего хозяйства.

Вторая модель фразеологизмов глагольной семантики включает компоненты устойчивого оборота, которые номинируют разнообразные процессы, но не связанные с логической исчерпанностью — неопредельные глагольные компоненты фразеологизма.

Представленное образом фразеологизма действие характеризуется статичностью протекания, гомогенной реакцией; показатель лимитативности процесса отсутствует.

Спецификой группы становится тот факт, что действие не находится в стадии развития, оно имеет текущий (инерционный, но не развивающийся) характер; действие не имеет целеполагания и логического исхода, не подвергается контролю со стороны внутренних либо внешних источников.

Например: *руки чешутся* [8. С. 585] — субъект испытывает сильное желание использовать физическую силу по отношению к объекту для того, чтобы доказать свою правоту или точку зрения (неверную — в том числе) (‘X испытывает эмоциональную неудовлетворенность поведением Y, что имеет воплощение в тактильных ощущениях на верхних конечностях X’). Действие не лимитировано, оно не развивается (статично), лишено логического исхода, имеет перфектную коннотацию. Действие образа сопряжено с семантикой дискомфорта и путями решения противоречия — незамедлительного устранения состояния (чешется — надо почесать). *Глаза слипаются* [5. С. 107] — образ, который демонстрирует высокую степень усталости субъекта; само действие — неконтролируемо; наступает переход из фазы бодрствования в фазу покоя. Сам процесс не имеет логического исхода (субъект не ставит перед собой цель заснуть), а является лишь частью общего парасимпатического процесса, физиологически организуемого телом на том уровне, на котором субъекту неподвластно — ‘X как отдельный независимый организм-система оказывается под влиянием внутренних биохимических процессов организма (контролируемой

природой) и вызывает состояние, при котором X выходит из привычного ему состояния активности и, еще не перейдя в новый режим, испытывает состояние вынужденной релаксации (глаза слипаются — нетипичное (вынужденное) состояние для бодрствующего организма)'. *Мурашки бегают по телу* [2. С. 417] — субъективные ощущения организма в ответ на возникшее состояние страха, неуверенности, волнения. Парастезия (ощущения расстройства нервных окончаний) возникает от многих факторов. Движение мурашек не является логическим исходом — это лишь медиальное состояние как ответная (скорее всего, неподготовленная или вторичная, не основная) реакция на раздражитель, но сам фактор, спровоцировавший появление мурашек, может давать вектор движения в совершенно иную плоскость, а вот бегание мурашек самоцелью быть не может.

Итак, вторую группу оборотов составляют фразеологизмы глагольной семантики с отсутствием целеустановки и логической завершенности действия. Как правило, в данной группе используется текущее состояние — по убыванию или возрастанию признака.

Как и в первом разряде, в текущей группе также возможно дальнейшее уточнение смысла, передаваемое глагольным компонентом фразеологизма.

А). Глагольные компоненты, передающие интеллектуальное, физическое, эмоциональное состояние животного или человека (в подавляющем случае это человек), а также окружающей природы и предметов быта. Состояния в них — статические, неразвивающиеся, не связанные с количественными либо качественными преобразованиями.

Например: *клевать носом* [5. С. 238] ('X, пребывая в состоянии перехода из бодрствования в полусон, выполняет специфические движения головой: резкое движение вниз (падение) знаменует погружение в сон, а последующее движение вверх (исходное положение) является признаком осознанного возврата в состояние активности'). Физиологическое состояние человека представлено фрагментом зооморфной метафоры — *клевать* (о птицах, которые выполняют резкие движения клювом для захвата пищи). *Клевать* — действие нетерминальное, цели не имеет, является маркером активного состояния.

Питать надежду [2. С. 423] — 'X испытывает относительную долю уверенности в свершении некоторого факта'. Сема «доставить что-либо куда-либо, снабдить» не включают никакую «цель» — это лишь факт некоторого процесса, передающе-

го эмоциональное состояние. Однако в семантике фразеологизма *питать надежду* можно увидеть целеполагание: делать (питать) для того, чтобы (была надежда). Но стоит заметить, что процесс *надеяться* не может быть рассмотрен как конечный результат, это качественная характеристика внутренних переживаний субъекта, того, кто совершает данное действие.

Фортуна улыбается [5. С. 558] — 'X, состояние окружающей действительности (ход вещей), обеспечивает благополучное стечение обстоятельств и благотворное их влияние на Y — того, кто предпринял некоторое действие'. Антропоморфизм образа фразеологизма делает акцент на симультанном развитии событий: Y существует сейчас — X (фортуна) улыбается сейчас. Глагольный компонент несовершенного вида *улыбаться* не передает законченное действие, которое имеет выход к определенному результату. *Фортуна улыбается* — это лишь стечение обстоятельств (а не итог), потенциально имеющее плодотворное разрешение вопроса из-за положительно настроенного мироздания (X) по отношению к Y. Если есть благоприятное стечение обстоятельств (*фортуна улыбается*), то это дает лишь некоторую возможность для реализации (необязательно!) планов, но не сами реализованные планы.

Б). Группа глагольных компонентов, в семантике которых наличествует процессуальный компонент, выражающий не столько непрерывное действие, сколько его совокупную количественно-качественную характеристику (признак) в рамках всего образного основания фразеологизма. Действие во времени не ограничивается: действие — постоянно-непрерывное (о постоянно-непрерывном действии, например, [1. С. 30]).

Например: *не видеть дальше носа* [9. С. 145] — «мало понимать окружающее, минимально оценивать происходящее». Нос, как часть лица, имеет разную длину, но в любом случае отступающая от головы на небольшое расстояние. То, что находится рядом и физически досягаемо для обзора без приложения особых усилий, то, разумеется, близко, просто и понятно (не дальше собственного носа). Оборот используется с неодобрительной коннотацией. В семантике оборота результативность процесса не заложена. *Обивать пороги* [5. С. 420] — 'много'. Субъект многократно (несовершенный вид глагольного компонента) предпринимает действие по преодолению преграды на пути (порогов).

В). Группа процессуальных фразеологизмов, глагольный компонент которых участвует в создании

манеры перманентного поведения человека, обывновения себя вести в определенной ситуации. Для данного объединения фразеологизмов свойственны семантическая лонгитюдность и отсутствие результата действия.

Например: *держаться (стоять) в стороне* [9. С. 229] — ‘Х прилагает усилия для того, чтобы сохранять свое текущее (незаметное, отдаленное) расположение относительно центра событий’. Длительность пребывания в арьергардном состоянии не лимитирована. Текущий статус обусловлен нежеланием субъекта быть в центре внимания по некоторым личным причинам. *Бить баклуши* [Там же. С. 16] — ‘Х строит свою линию поведения таким образом, чтобы энергетические затраты собственных внешних и внутренних сил были минимальными, старается уклониться от выполнения некоторой задачи’. Фраза используется с неодобрительной (порицательной) коннотацией и направлена на оценку лица относительно его постоянного способа действия. *Стоять на своем* [5. С. 230] — ‘очевидная убежденность Х относительно собственной модели поведения в определенной ситуации’. Незыблемость поведенческой модели, высокая степень ассертивности. Фразеологизм употребляется как в положительном, так и в отрицательном контексте суждения.

Г). Процессуальный компонент данной группы передает стимул-реакцию (аттитюд) на положение дел. С количественным и качественным преобразованием не связан.

Например: *смотреть сквозь пальцы* [5. С. 380] — ‘Х намеренно не проявляет заинтересованности в происходящем, не обращает внимания из каких-либо побуждений, отвечающих чьим-либо интересам’. Образ строится на основе реально воплощаемого процесса визуализации, которой частично препятствует искусственно созданная преграда, расположенная на концах конечностей. *Вставлять палки в колеса* [5. С. 382] — ‘манифестация яркой антипатии Х по отношению к Y’. Образ фразеологизма связан с перемещением в пространстве объекта и посильным участием субъекта в невозможности для объекта совершать данное перемещение в обычном (комфортном) режиме. *Не подавать руки* [2. С. 584]: подать (жать) руку — одно из последовательных поведенческих привычек в линейке приветствия, как правило, между мужчинами. Не подать руки — символ намеренного дистанцирования в социальном, национальном, политическом, психологическом или ином ключе.

Итак, отличительной чертой второй модели процессуальных фразеологизмов является нетерминативность описываемого метафорического действия, которая, отходя на второй план, уступает место качественной оценке происходящего с учетом эмоционального или рационального режима поведения говорящего. Упоминаемые коннотации социально обусловлены, узуально закреплены, зачастую отсутствуют в словарной дефиниции.

Модель 3. Третью модель составляют устойчивые обороты, в которых глагольный компонент представляет исходное действие, процесс действия, результат действия. Сложная по смысловому наполнению группа также содержит элемент оценки и качество выполняемого действия. Можно определить следующие наиболее частотные подгруппы:

А). Глаголы физического, интеллектуально и эмоционального состояний, которые претерпевают изменения на данный период, характеризуются безвозвратностью к исходному положению, намечая перспективы дальнейшего преобразования и исхода.

Например: *махнуть рукой* [5. С. 302] — ‘Х, ранее предпринимая некоторые усилия, приходит к такому понимаю вещей, когда индифферентность становится лучшим способом решения ситуации’. Точки возврата не существует, действие совершено, но развитие действия лишь предполагаемо, как и предполагаем сам результат. *Притаить дыхание* [9. С. 230] — ‘Х, заметным образом меняя свою линию поведения, находясь в стадии ожидания иного развития сюжета, что может непременно сказаться на финальном поведении X’. *Навострить уши* [5. С. 553] — ‘Х предпринимает попытку анализа ситуации, а исход ситуации непременно окажет влияние на последующее действие X’. Заметим, что *притаить дыхание* и *навострить уши* — образы, построенные на зооморфной метафоре (поведение животных, когда они уменьшают свою дыхательную активность, концентрируя внимание на объекте, что говорит о потенциально предстоящих изменениях в их поведении).

Б). Процессуальные компоненты комиссивной и отчасти менасивной семантики. Основным параметром становится некоторое допущение, угроза, запугивание со стороны X, предположительно влияющие на поведение Y. Например: *показать кузькину мать* [Там же. С. 301] — вербальная карикатурная угроза, заключающаяся в потенциальной демонстрации ближайшего кровного родственника. Стоит полагать, что эмфатическим элементом здесь становится компонент *мать*, являющийся именно

в такой лексической форме для носителя русского языка референцией к некоторым инвективным выражениям, активно использующим данную лексику в разговорной снижено-грубой лексике.

В). Фразеологизмы, которые передают внезапное прекращение реализации какого-либо действия в связи с наступлением иного состояния, резкая и неожиданная смена событий. Например: *точно с неба свалился* [5. С. 334] — ‘спонтанное появление Y в привычном кругу X вызывает недоумение и кратковременную растерянность X’. *Как в воду канул* [Там же. С. 75] — процесс, обратный предыдущему примеру: ‘заметная многим активность X непредвиденным образом сводится на нет, резко останавливая все то, что реализовывал X, поскольку сам X перестает быть в поле видимости окружающих’.

* * *

Таким образом, моделирование плана выражения устойчивого оборота с учетом процессуальной семантики, представленной прежде всего глагольным компонентом в плане выражения ФЕ, основано на фразеологизации однофазного действия (модель 1), образом транспонировании количественно-кваликативных параметров объекта (модель 2), метафоризации линейной

последовательности элементов единого события (модель 3).

Таковы основные (частотные) модели создания образа фразеологизма процессуальной семантики, но они далеко не полны и требуют дальнейшего наблюдения. Тем не менее каждая обнаруженная нами модель представляет особую схему построения образа: для первой рассматриваемой нами модели характерны целенаправленные однофазные действия субъекта, для другой модели — наличие незавершенности процесса, для третьей — непрерывная цепь событий: от начала до конца.

Убеждены, что наличие в языке многопланового моделирования единой семантики фразеологизма (в нашем случае — процессуальной) — отражение в языке обстоятельных наблюдений реальной действительности отдельными представителями народа.

Перспективой дальнейшего исследования может стать изучение функционирования упоминаемых моделей в дискурсивных практиках на материале родственных и неродственных языков с последующим выделением наиболее предпочтительного приема процессуального фразеобразования.

Список литературы

1. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971. С. 40—41.
2. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений. М.: Медиа Групп, 2007. 785 с.
3. Мужейко И. А. Адъективные устойчивые сравнения в призме структурных и лексических универсалий // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 2. С. 155.
4. Никонов Д. О. О фразеологическом словаре и разработке словарной статьи (на примере русских и английских фразеологизмов с компонентом-технонимом) // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12 (408). С. 143—153.
5. Степанова М. И. Фразеологический словарь русского языка. СПб.: Виктория плюс, 2003. 608 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2002. 944 с.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
8. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
9. Шанский Н. М., Быстрова Е. А., Окунева А. П. Учебный фразеологический словарь русского языка. Л.: Просвещение, 1984. 271 с.
10. Karabulatova I. S., Vildanov K. S., Zinchenko A. A., Vasilishina E. N., Vassilenko A. P. Problems of identificative matrices transformation of modern multicultural persons in the variative discourse of electronic informative society identity // *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*. 2017. Vol. 25. Pp. 1—16.
11. Vassilenko A. P. The conceptual sphere of fiction in the Russian and English world picture // *Opción: Revista de Ciencias Humanas y Sociales*. Venezuela: Universidad del Zulia. 2018. No. 85. Pp. 825—839.

Сведения об авторах

Дари́ков Артем Алексе́евич — преподаватель кафедры французского языка Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского, Брянск, Россия. 912005@rambler.ru

Васи́ленко Анато́лий Петро́вич — доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского, Брянск, Россия. a.p.vasilenko@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 1 (447). *Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 39—46.*

MODELING THE IMAGE OF IDIOMS THROUGH THE PROCEDURAL COMPONENT

A. A. Darikov, A. P. Vasilenko

Bryansk state University, Bryansk, Russia

The present article deals with the three basic models of idioms realizing verbal semantics. The first model, the most frequent, forms an image of idioms on the basis of logical completeness of events, while the time frame in which the organization of the process is not specified. The second model forms an idea of the action describing the transition from one state to another, some quantitative and qualificative transformations of the subject. The third model forms the image of procedural idioms on the principle of gradual implementation of events: the initial action, the process of action, the result of action. Each of the mentioned models has an internal subdivision indicating particular cases of procedural phraseology. It should be noted that these three cases are not uniformed of the selected group: there are cases of mixed type models, but, nevertheless, with a pronounced dominant denoted by the author of the title group. The list of models is far from complete, which makes it possible for a more detailed study of the expression of the procedural semantics of phraseological units not only on the material of one language, but also on the material of many languages.

Keywords: *idiom, meaning, verbal action, modeling of the image of idioms, metaphor.*

References

1. Bondarko A. V. (1971) Vid i vremya russkogo glagola [Type and tense of the Russian verb]. Moscow. Pp. 40—41 [in Russ.].
2. Fedorov A. I. (2008) Frazеологический словарь русского литературного языка [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow. 878 p. [in Russ.].
3. Karabulatova I. S., Vildanov K. S., Zinchenko A. A., Vasilishina E. N., Vassilenko A. P. (2017) *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*, vol. 25, pp. 1—16.
4. Moscowkienko V. M., Nikitina, T.G. (2007). Bolshoj slovar russkih pogovorok [Large dictionary of Russian sayings]. Moscow. 785 p. [in Russ.].
5. Moscowuzhejko I. A. (2019) *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 [in Russ.].
6. Nikonov D. O. (2017) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 12 (408), pp. 143—153.
7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 2020. 944 p. [in Russ.].
8. Shanskij N. M., Bystrova E. A., Okuneva A. P. (1984) Uchebnyj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka [Educational phraseological dictionary of the Russian language]. Leningrad. 271 p. [in Russ.].
9. Stepanova M. I. (2003) Frazеологический словарь русского языка [Phraseological dictionary of the Russian language]. St. Petersburg. 608 p. [in Russ.].
10. Teliya V. N. (1996) Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow. 288 p. [in Russ.].
11. Vassilenko A. P. (2018) *Opción: Revista de Ciencias Humanas y Sociales. Venezuela*, no. 85. Pp. 825—839.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДЕЕПРИЧАСТИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

С. Дастамуз

Университет Аль-Захра, Тегеран, Иран

Статья посвящена проблеме определения переводческих единиц в персидском языке, которые могут быть переведены на русский деепричастием. Представлена авторская классификация выявленных переводческих единиц. Сопоставление текстов перевода и оригинала показывает возможность использования деепричастия при переводе определенных единиц с персидского языка на русский. Результаты исследования могут быть использованы на занятиях по обучению переводу.

Ключевые слова: *деепричастие, обучение переводу, персидский язык, русский язык.*

Деепричастие — одна из грамматических категорий русского языка, широко употребляемая в современной русской речи. Исследование деепричастия и подходы к его изучению — актуальное направление для российских и иностранных филологов-русистов [4; 7; 8; 10; 11; 13; 15; 16]. Это обусловлено многоаспектностью деепричастия, представленной в особенностях его видовых, залоговых, таксисных значений и стилистической окрашенности [15], а также необходимостью поиска адекватных способов передачи деепричастием определенных переводческих единиц при переводе с персидского языка на русский.

«Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой дает следующее определение: «Деепричастие — это именное (непредикативное) отглагольное образование, объединяемое с системой глагольных форм категориями вида и залога и общностью управления и обозначающее второстепенное добавочное действие, примыкающее к главному действию» [2. С. 125]. В. В. Виноградов считает, что деепричастие объединяет свойства глагола и наречия и поэтому может быть названо «гибридной формой».

Некоторые ученые (Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. Н. Тихонов и др.) рассматривают деепричастие в качестве особой части речи [6. С. 229]. Кроме того, в ряде исследований о способах перевода деепричастия и деепричастного оборота на другие языки речь идет о принадлежности их к безэквивалентным грамматическим структурам [15]. В персидском языке не существует такой категории, как деепричастие. В «Грамматике современного персидского литературного языка» под редакцией Ю. А. Рубинчика, ориентированной на русскоязычную аудиторию, также не упоминается

деепричастие [14]. В исследованиях, проведенных иранскими русистами в этой области, большое внимание уделено правилам выражения русского деепричастия средствами персидского языка. Например, М. Р. Мохаммади и его коллеги утверждают, что «в персидском языке для выражения деепричастия используются различные способы, позволяющие осуществить перевод с русского языка на персидский, сохраняя смысловую и эмоциональный окрас исходного выражения» [13. С. 341]. Более того, М. рад Ашрафи считает, что русское деепричастие не имеет точного эквивалента в персидском языке [3. С. 38].

Научная новизна нашего исследования состоит в том, что впервые комплексно анализируются, систематизируются и сопоставляются переводческие единицы, обладающие потенциалом перевода деепричастием на русский язык на материале художественного произведения, перевод которого выполнен русскоязычным переводчиком. Существующие исследования по данной проблеме рассматривают переводы на персидский язык произведений русской литературы, сделанные переводчиками — носителями персидского языка.

Опыт преподавания русского языка иранским студентам показывает, что они редко используют деепричастие или вообще не используют его в письменной речи. На занятиях по письму и переводу с персидского языка на русский студенты часто сталкиваются с трудностями при выборе подходящей синтаксической конструкции. Поскольку они думают по-персидски, а пишут на русском языке, текст перевода иногда получается неадекватным и даже непонятным русскоязычному читателю.

Цель нашего исследования — выявить и систематизировать те единицы перевода в персидском

языке, которые можно передать на русский язык с помощью деепричастия.

Когда переводчик может использовать деепричастие при переводе с персидского языка на русский? Ответ на данный вопрос поможет преподавателям РКИ сформулировать правила обучения переводу с персидского языка на русский и развития навыков письменной речи у иранских студентов, изучающих русский язык.

В нашем исследовании использован сопоставительный метод для анализа перевода книги «Я жива: воспоминания о плене» М. Абад на русский язык, выполненного М. Сохиейвой [1]. Материалом исследования стали 200 предложений, в которых употреблены переводческие единицы, имеющие потенциал для перевода на русский язык деепричастием или деепричастным оборотом. Мы сопоставляли предложения в тексте перевода с оригинальными предложениями в персидском варианте произведения [17], классифицировали и выявляли примеры с использованием деепричастия при переводе с персидского на русский.

Результаты нашего исследования могут быть использованы на занятиях по обучению переводу с персидского на русский. Кроме того, представленные нами результаты могут быть полезны для создания электронного переводчика.

Анализ и систематизация примеров из текста перевода книги «Я жива: воспоминания о плене» М. Абад на русский язык и сопоставление их с текстом оригинала позволяют сделать вывод о том, что в персидском языке существуют разнообразные случаи, обладающие потенциалом для перевода русским деепричастием. При этом стоит принимать во внимание вид деепричастия. Процессуальные характеристики деепричастия описаны в грамматиках русского языка, так же как и время осуществления действия деепричастия по отношению к действию основного глагола предложения [12. С. 234]. Это означает, что кроме переводческих единиц необходимо обратить внимание на те персидские предложения, в которых существуют основное действие и побочное действие единого субъекта. В ходе исследования мы сталкивались с подобными примерами, при передаче которых на русский язык использованы деепричастие или деепричастный оборот.

Ниже перечислим эти переводческие единицы или примеры в персидских предложениях, которые можно перевести на русский язык деепричастием или деепричастным оборотом:

1. Обстоятельства времени, выраженные финитными или инфинитивными формами глаголов или существительными, указывающими на действие, в сочетании с предлогами и существительными, обозначающими время в персидских предложениях, могут быть переведены на русский язык деепричастием или деепричастным оборотом. При этом **сложные персидские предложения с придаточным временем** также обладают потенциалом для перевода русским деепричастным оборотом. В ходе анализа мы выявляли случаи, где обстоятельство времени или придаточные времени переводятся на русский деепричастием: اما باز هم وقت برگشتن از مدرسه دیدیم خبری از آقا نیست. دیگر همسایه‌ها و مردم محل تا; (1. С. 42); (ص 39) مرا می‌دیدند از کتاب‌های جدید سوال می‌کردند و یا کتاب‌های قدیمی‌شان را برای کتابخانه به من می‌دادند. (ص 64) بعضی از نیروها وقتی اسیر می‌شدند خوشحال; (1. С. 72); (ص 172) <...> و; (1. С. 206); (ص 172) بودند و <...>. (ص 172) همین که ما را بین گوسفندان دید با تمسخر چیزی گفت که (ص 180) درست معنی‌اش را نفهمیدم. (1. С. 216); (ص 180) [1. С. 226]. بعد از گفت‌وگو رفتیم داخل خانه. (ص 188).

Деепричастный оборот	Обстоятельство времени	Придаточные предложения времени
придя из школы	وقت برگشتن از مدرسه	
встречаясь со мной	تا مرا می‌دیدند	
попадая в плен		وقتی اسیر می‌شدند
Увидев нас среди овец		همین که ما را بین گوسفندان دید
Поговорив	بعد از گفت‌وگو	

Данные примеры показывают, что если сочетание «инфинитив + وقت», «глагол + تا», «существительное, указывающее на какое-то действие, + بعد» и придаточные предложения времени, начинающиеся с таких слов, как وقتی که, وقتی که, همین که, выполняют функцию обстоятельства времени, их можно перевести на русский язык деепричастием [18].

2. Обстоятельства образа действия, характеризующие способ совершения действия, и выражающиеся в персидских предложениях именами существительными с предлогами, могут быть переведены на русский язык деепричастиями или деепричастными оборотами. Кроме того, **сложные персидские предложения с придаточными предложениями образа действия и исключения**, также обладают потенциалом для перевода на русский язык деепричастным оборотом. Приведем еще несколько примеров [1. С. 31, 33; 40, 156, 197, 193, 211]:

مادرم <...> بدون هیچ اعتراضی فقط سفارش کرد همان دور و بر باشم. (ص 30) با گریه و زاری گفتیم: کلید را گم کردم. (ص 31 و 32); و ما به دنبال او تمام مسیر خانه تا مدرسه را بدون ترس از زمین خوردن می‌دویدیم. (ص 37); با کلافی به رنگ گل‌بهی ژاکتی برایم سرانداخته بود و بی‌آنکه حتی یک نگاه به بافته‌هایش بیاندازد، همانطور که می‌یافت می‌گفت: <...>. (ص 132); با فشار کف دست‌هایم بر روی شکم، جلوی شدت خونریزی را گرفته بودم. (ص 165); آنها بدون توجه به نگیهان‌های مسلح بالای سرشان، با چشمانی مضطرب به ما خیره شده بودند. (ص 160); با قیافه‌های خسته، گرسنه و پژمرده، با سرماخوردگی از بیابان‌ها و شورزرها عبور می‌کردند بی‌آنکه خبر از مقصد و میزبان داشته باشند. (ص 155); بی‌اعتنا به اشارات و حرفی که می‌زدند، دست مریم را محکم گرفتیم، و گفتیم: <...>. (ص 176).

Деепричастный оборот	Обстоятельства образа действия	Придаточные образа действия / придаточные исключения
не выразив ни малейшего протеста	بدون هیچ اعتراضی	
разрыдавшись,	با گریه و زاری	
не боясь	بدون ترس	
не взглянув		بی‌آنکه نگاه بیاندازد
Прижав ладони к его животу	با فشار کف دست‌هایم بر روی شکم	
...не имея ни малейшего представления о том, куда идут и кто их примет		بی‌آنکه خبر از مقصد و میزبان داشته باشند.
Не обращая внимания на их знаки и слова	بی‌اعتنا به اشارات و حرفی که می‌زدند	

Иногда в персидских предложениях обстоятельство образа действия выражается при помощи предлога *با* вместе с существительными или «квазиинфинитивными существительными» [18], иногда смысл инфинитива понимается из всего предложения. В процессе перевода таких предложений пропущенный инфинитив восстанавливается и деепричастный оборот формируется именно пропущенным инфинитивом. Например: *با تلخی تاثیر این خاطره در روحم* (ص 48) *به استقبال مقطع دیگری از زندگی‌ام رفتم.* (ص 48) *Таким образом я встретила следующий этап своей жизни, храня в душе горечь воспоминаний об этом случае* [1. С. 57]. В этом примере «храня» является переводом пропущенного инфинитива *نگه داشتن* в персидском предложении. Кроме того, обстоятельства образа действия, выраженные персидскими прилагательными, могут пере-

водиться на русский деепричастиями. Например: *اولیای مدرسه فکر می‌کردند من به شوق مدرسه می‌دوم. غافل از اینکه این شوق وقت خروج از مدرسه بیشتر بود.* (ص 37) *Школьные учителя думали, что я с таким рвением и восторгом бегу на занятия, не подозревая о том, что этот восторг удваивался в момент покидания школы* [1. С. 40]; *در گوشه‌ای از ضریح شاهچراغ نوحروس و دامادی فارغ از جنگ و غوغای بیرون، تنگ دل هم نشسته بودند و دل می‌دادند و قلوبه می‌گرفتند.* (ص 150) *Недалеко от меня, рядом с алтарем, отрешившись от войны и внешней суматохи, прижавшись друг к другу, видимо, только что поженившиеся молодые супруги* [1. С. 179]. В этих примерах прилагательные *غافل* и *فارغ* переведены на русский язык деепричастиями «не подозревая» и «отрешившись».

3. Собственно определительные придаточные предложения персидского языка, характеризующие предметы и явления с точки зрения их качества, показывающие их количественное отношение к другим предметам и явлениям, описывающие присущие им признаки и свойства или указывающие на их характеристики со стороны действия или состояния [14], способны переводиться на русский язык деепричастиями. Например: *پدر سید که از سادات طباطبایی و مردی مومن و گشاده‌رو بود از بچه‌ها پذیرایی مفصلی کرد <...>.* (ص 112 و 113) *Отец Сейеда, будучи человеком набожным и приветливым, радостно принял детей и всячески их развлекал...* [1. С. 135]; *بعضی که تاب دیدن نداشتند، از حال می‌رفتند.* (ص 143) *<...> некоторые, будучи не в силах смотреть на страдания и безнадежное состояние своих близких, падали в обморок* [1. С. 169]. В данных примерах определительные придаточные предложения начинаются союзом *که* и заканчиваются описательными предложениями: *از سادات طباطبایی و مردی مومن و گشاده‌رو بود*; *تاب دیدن نداشتند*

В том и другом переводе на русский язык использовано деепричастие «будучи», которое, по словам Л. А. Дерибаса, употребляется в двух значениях: 1) частица-связка; 2) в значении места или ситуации и является синонимом «находясь» [5. С. 55].

4. Если персидское предложение выражает процесс, одновременный с действием глагола, который совершается одним субъектом, то при переводе с персидского языка на русский можно использовать деепричастие несовершенного вида. Например [1. С. 55, 111, 178, 185]:

بعضی وقتها دنده چهار می‌زدیم و یادمان می‌رفت حمید داخل کالسکه است. (ص 48)؛ اشک می‌ریختند و دلتنگ عزیزانشان می‌شدند. (ص 95)؛ در حال گریه دعا می‌کرد: «...». (ص 150)؛ در حالی که به حرف‌های او گوش می‌دادم حواسم به صدای رادیوی کوچکی بود که «...» (ص 154).

Деепричастный оборот в русском переводе	Одновременный процесс с действием глагола в персидском предложении
забывая о том, что Хамид лежит в коляске	و یادمان می‌رفت حمید داخل کالسکه است
тоскуя по своим погибшим близким	و ... دلتنگ عزیزانشان می‌شدند
Плача	در حال گریه
Слыша краем уха его слова	در حالی که به حرف‌های او گوش می‌دادم

Анализ примеров показывает, что в персидских предложениях такого типа либо оба действия одного субъекта соединены союзом *و*, либо употребляется выражение *در حالی که*. При переводе на русский в первом случае основное действие выражается глаголом, а сопутствующее действие выражается деепричастием. Во втором случае действие при выражении *در حالی که* переводится деепричастием, а другое действие субъекта переводится личной формой глагола. Исходя из вышесказанного заключаем, что действие, или глагол, переведенный на персидский язык деепричастием, может включаться в действие глагола-сказуемого.

5. Если в персидском предложении **одно действие субъекта предшествует другому или следует за ним**, то для перевода побочного действия или следующего действия можно использовать деепричастный оборот совершенного вида. Например: *مات و مبهوت به من نگاه کرد و بازم جواب نداد.* (ص 45) *Рахман растерянно посмотрел на меня и снова промолчал, не ответил* [1. С. 51]; *جرات کردم و سرم را از زیر پتو بیرون آوردم و از ژست مریضی بیرون آمدم.* (ص 84) *Во мне прибавилось смелости, и я высунула голову из-под одеяла, перестав делать больной вид* [1. С. 95]; *پرورشگاه شیراز با آمادگی کامل بچه‌ها را پذیرفت و محلی را برای اسکان موقت آنها در نظر گرفت.* (ص ۸۴۱) *Приют Шираз с полной готовностью принял наших питомцев, предусмотрев место для их временного проживания* [1. С. 176—177].

Деепричастный оборот в русском переводе	Основное действие предложения	Предшествующее или следующее действие
не ответил	نگاه کرد	جواب نداد.
перестав делать больной вид.	بیرون آوردم	بیرون آمدم
предусмотрев место...	پذیرفت	محلی را ... در نظر گرفت

В ходе нашего анализа мы выявили пример, когда действие деепричастия сопутствует действию основного глагола-сказуемого, но при переводе с персидского на русский было использовано деепричастие совершенного вида. Например: *من که دیگر ننه بندانداز را خوب شناخته بودم و می‌دانستم خبر آمدنش همه همسایه‌ها را خوشحال می‌کند، به سرعت مادرم و بقیه‌ی همسایه‌ها را خبر می‌کردم.* (ص 29) *Узнав хорошо нанэ-Бандандаз и поняв, что весть о ее приходе обрадует женщин всей округи, я оповещала мою мать и соседок о ее прибытии* [1. С. 30]. В данном примере в персидском предложении существуют три спрягаемых глагола: глагол преждепрошедшего времени *شناخته بودم*, глагол прошедшего длительного времени *می‌دانستم* и *می‌کردم*. Мы считаем, что в таком случае вместо деепричастных форм «узнав» и «поняв» лучше использовать деепричастия «узнав» и «понимая».

6. **Некоторые придаточные цели** в персидских сложных предложениях обладают потенциалом для перевода русскими деепричастными оборотами. Придаточные цели — это зависимые предложения, которые указывают, для чего, с какой целью совершается действие главного предложения [14. С. 563]. Это в основном те придаточные цели, для связи которых с главными предложениями используются простые союзы *که* или *تا* либо сложный союз *برای اینکه* или *برای آنکه*. Например [1. С. 36, 47, 156, 35]: *دسته گلم را انداختم توی دامن مادرم و گریه کردم که مرا هم با خودشان ببرند.* (ص 34); *کریم و رحیم که برادرهای بزرگ خانه بودند برای اینکه فضای مغموم خانه را عوض کنند غروب که می‌شد توپ دوپوسته و بساط گل کوچیک راه می‌انداختند و من هم دروازه‌بان می‌شدم.* (ص 42); *آقا برای اینکه مرا از فضای ملتهب و وحشت‌آور صدا و آتش خمپاره‌ها دور کند با خاطرات جنگ‌ها و تاریخ و شعر و ادبیات سرگرم کرد.* (ص 132); *هر کس به سلیقه‌ی خودش در باغچه‌ی حیاط خانه‌اش درخت میوه و گل و گیاه می‌کاشت تا شاید تیغ گرمای پناه درجه را قابل تحمل کند و سایه‌بانی در حیاط برای نشستن و عصرانه‌خوردن و خوابیدن شبانه فراهم کند.* (ص 33).

Деепричастный оборот в русском переводе	Придаточное цели в персидских предложениях
прося, чтобы они взяли меня с собой.	که مرا هم با خودشان ببرند.
желая сменить удручающую атмосферу, воцарившуюся в доме	برای اینکه فضای مغموم خانه را عوض کنند
Желая хоть как-то отвлечь меня от этой наводящей ужас атмосферы, взрывов и огня,	برای اینکه مرا از فضای ملتهب و وحشت‌آور صدا و آتش خمپاره‌ها دور کند
надеясь при помощи этой зелени хотя бы немного смягчить пятидесятиградусную жару	تا شاید تیغ گرمای پنجاه درجه را قابل تحمل کند

При анализе переводов данных примеров также важно учитывать прагматический аспект перевода [9]. По словам Лю Ди, «переводчик должен: 1) понимать целеустановку автора, употребившего то или иное грамматическое средство; 2) при выборе соответствия в языке перевода максимально передать читателю намерение автора исходного языка при употреблении данного грамматического явления» [Там же. С. 20]. Во всех вышеприведенных примерах при переводе с персидского на русский было определено намерение говорящего при употреблении союзов که или تا либо сложного союза اینکه или برای آنکه. Именно в связи с намерением говорящего были добавлены в тексте перевода деепричастия «прося», «желая» и «надеясь», которые вербально не существуют в персидских предложениях и становятся понятны только через интенцию говорящего. Поэтому следует обращать внимание студентов на определение прагматических функций предложения при переводе с персидского на русский.

7. Подлежащее или дополнение, выраженное инфинитивом в персидских предложениях, обладает потенциалом для перевода русским деепричастием. Например [1. С. 179, 185—186]: دیدن این دو مرا به یاد نامه سید انداخت. (ص 150): دیدن این مردم آواره و خانه‌بهدوش مرا یاد دعوای حرم شاهچراغ انداخت. (ص 155).

Деепричастный оборот в русском переводе	Подлежащее, выраженное инфинитивом
Наблюдая	دیدن

Подлежащее в персидских предложениях выражено инфинитивом دیدن، а на русский язык переведено деепричастием «наблюдая».

В персидских предложениях **дополнение**, выраженное инфинитивом, обычно сопровождается предложением با. Например:

با دیدن آقا دلگرم می‌شدیم و خستگی مدرسه از یادمان می‌رفت. (ص 37) *Увидев отца, мы радовались и моментально забывали о школьных занятиях* [1. С. 41]; اما با دیدن نگاه‌ها و شنیدن صداهای آنها پاهایمان سست و قدم‌هایمان آهسته شده بود. (ص 184) *Однако, видя взгляды и слыша голоса своих земляков, мы с Марьям не могли не замедлить шагов* [1. С. 220].

Деепричастный оборот в русском переводе	Дополнение, выраженное инфинитивом
Увидев	با دیدن
Видя... и слыша	با دیدن (... و شنیدن)

Большинство ученых, исследующих персидский язык, относят инфинитивы персидского языка к классу существительных. Но некоторые считают, что инфинитив в персидском языке представляет собой что-то среднее между существительным и глаголом, так как он обладает характеристиками обеих категорий [18. С. 20]. Именно поэтому, если в персидском предложении есть инфинитив, выполняющий функцию дополнения с предложением با, возможно переводить его деепричастием. Исходя из того, что инфинитив не имеет времени, для выбора вида деепричастия при переводе с персидского языка на русский необходимо обратить внимание на время действия, выраженного инфинитивом в персидском предложении. В приведенных выше примерах в первом случае действие инфинитива предшествует основному действию предложения, поэтому употреблено деепричастие совершенного вида «увидев», но во втором случае действие инфинитива и основное действие предложения происходят одновременно, вследствие чего в переводе употреблены деепричастия несовершенного вида «видя» и «слыша».

8. Обстоятельства причины, указывающие на причину возникновения действия и выражающиеся сочетанием **абстрактного существительного с предложением از**, могут быть переведены на русский язык деепричастиями или деепричастными оборотами. Например: بچه‌ها از ترس پا به فرار گذاشتند و پریدند توی حیاط. (ص 27) *Дети, испугавшись, бросились бежать и через секунду очутились во дворе* [1. С. 28].

Деепричастие	Обстоятельство причины
Испугавшись	از ترس

Хотя в анализируемых нами предложениях мы обнаружили немногочисленные подобные

примеры, можно заключить, что при переводе с персидского языка на русский в таких случаях могут быть использованы деепричастия. Например, в предложении: *من از خستگی به میز تکیه دادم* — деепричастие может быть использовано таким образом: «Я, уставши, опирался на стол»; а в предложении: *او از نگرانی از آنجا دور شد* — «Он, волнуясь, отошел в сторону». Отметим, что в таких случаях выбор деепричастия зависит от семантики обстоятельства причины, которое передается деепричастием.

9. Отглагольные прилагательные персидского языка, обладают потенциалом переводиться русским деепричастием [14. С. 137]. Например [1. С. 15, 60, 75—76]: *گونه‌هایم سرخ و پیشانی‌ام عرق کرده و تبادار است.* (ص 17); *با وجود تلاش‌نغمه‌خانم چیزی یاد نگرفته؛ بار و بندیلیمان را جمع کردیم و از آرایشگاه بیرون رفتیم.* (ص 55); *آقا که خسته‌تر از همه ما بود زودتر از ما، نشسته به خواب می‌رفت.* (ص 66).

Деепричастный оборот	Отглагольные прилагательные
покрывшись испариной	عرق کرده
ничему и не научившись	چیزی یاد نگرفته
сидя	نشسته

Следует обратить внимание на то, что отглагольные прилагательные с функцией прямого дополнения персидских существительных переводятся русскими причастиями или русскими прилагательными. Например, словосочетание *مرد فهمیده* переводится как *понятливый человек*; словосочетание *دیپلمات برجسته* переводится как *выдающийся дипломат*, но в нашем случае отглагольные прилагательные выполняют функцию наречия, отвечают на вопрос *как?* и являются наречиями.

10. Некоторые персидские устойчивые выражения переводятся русским деепричастием. Например [1. С. 75, 158, 179, 163]: *«... آقا بی چون و چرا همه را به خط می‌کرد و بالش زیر سرمان و خواب ظهر برقرار بود.»* (ص 66); *خدایی ... (ص 431) راستش ... (ص 91): «...، تنگ دل هم نشسته بودند»* (ص 051); *باید فوراً از اینجا دور بشیم چون ده دقیقه‌ی دیگر به هوای اینکه مردم در اینجا جمع می‌شن، دوباره اینجا رو می‌زنن (ص 831).*

Деепричастный оборот в русском переводе	Устойчивое выражение
<i>не допуская каких-либо возражений</i>	بی چون و چرا
<i>По правде говоря, ...</i>	راستش / خدایی
<i>сидели, прижавшись друг к другу</i>	تنگ دل هم نشسته بودند
<i>зная, что</i>	به هوای اینکه

Персидское выражение *... گرفته تا ...* переводится на русский язык при помощи деепричастия в рамках «Начиная *от чего?* и заканчивая *чем?*». Например: *همه چیز توی محله تعریف شده بود؛ از مسجد و منبر و مدرسه گرفته تا مغازه و سینما و باشگاه.* (ص 19) *Мы привыкли ко всему, что было в нашем районе, начиная от мечети и школы и заканчивая магазинами, кинотеатром и клубом* [1. С. 17]; *از درخت انگور و انجیر و خرما و سیب و گلابی گرفته تا گل‌های رنگارنگ، در این باغ کاشته بود.* (ص 33) *...он посадил в нем всевозможные растения, начиная от инжирных, финиковых и грушевых деревьев, яблонь и винограда и заканчивая разными пестрыми цветами.*

Персидское наречие соответствия [19. С. 450] *بر اساس* переводится на русский язык деепричастием. Например: *مادر سن همه‌ی ما را بر اساس وقت رویش خرما و خارک و دیری می‌شمرد و مزه مزه می‌کرد.* (ص 21) *Мать исчисляла наш возраст и дни рождения, опираясь на время и сезоны роста финиковой пальмы, дерева харк (...) и дерева дейри (...)* [1. С. 20].

Деепричастный оборот в русском переводе	Персидское выражение
Начиная от... и заканчивая...	از ... گرفته تا ...
опираясь на	بر اساس ...

Таким образом, наш анализ показывает, что, несмотря на отсутствие деепричастия в персидском языке, возможны случаи его использования при переводе с персидского на русский. В связи с этим при обучении иранских студентов переводу с персидского на русский необходимо обратить их внимание на те примеры, которые можно перевести на русский язык деепричастием или деепричастным оборотом. Данные случаи представлены в таблице:

Переводческие единицы или примеры в персидском языке, обладающие потенциалом переводиться русским деепричастием или деепричастным оборотом	
1	Обстоятельства времени, выраженные финитными или инфинитивными формами глаголов или существительными, указывающими на действие в сочетании с предлогами и существительными, обозначающими время
2	Обстоятельства образа действия, выражающиеся в персидских предложениях именами существительными с предлогами, и сложные персидские предложения с придаточными предложениями образа действия и исключения
3	Собственно определительные придаточные предложения
4	Процесс, одновременный с действием глагола, который совершается одним субъектом

5	Одно действие субъекта предшествует другому или следует за ним	8	Обстоятельства причины, выражающиеся сочетанием абстрактного существительного с предлогом از
6	Некоторые придаточные цели	9	Отглагольные прилагательные
7	Подлежащее или дополнение, выраженные инфинитивом	10	Некоторые персидские устойчивые выражения

Список литературы

1. Абад М. Я жива: воспоминания о плене / пер. с перс. М. Сохиейвой. М.: Сафра, 2016. 608 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Либорком, 2010. 576 с.
3. Ашрафи рад М. Русское деепричастие и способы его передачи в персидском языке с учетом видов глагола // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. 2011. № 2. С. 38—43.
4. Ашрафи Рад М. Сопоставление деепричастия в русском языке и отглагольного наречия в персидском языке // Русский язык за рубежом. 2010. № 6. С. 43—47.
5. Дерибас Л. А. О замене деепричастий синонимичными конструкциями // Русский язык за рубежом. 1981. № 1.
6. Касаткин Л. Л. Краткий справочник по современному русскому языку. М.: Высш. шк., 2006. 407с.
7. Ковальская В. М. Параметры словообразовательной конверсии и русские деепричастия // Рема. 2016. № 4. С. 43—57.
8. Лю Ди. О возможностях перевода русского деепричастия на китайский язык // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2011. № 2. С. 46—48.
9. Лю Ди. Прагматические аспекты перевода русского деепричастия на китайский язык // Мир русского слова. 2016. № 2. С. 19—25.
10. Лю Ди. Типология средств передачи грамматической семантики русского деепричастия в китайском языке // Вестник РУДН. Сер.: Русский и иностранные языки и методики их преподавания. 2011. № 4. С. 51—59.
11. Лю Ди. Транспозиция деепричастий в аспекте их перевода на китайский язык // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 1. С. 73—81.
12. Милославский И. Г., Алияри Шорехдели М., Хазаи С. Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981. 254 с.
13. Мохаммади М. Р. Ошибки, возникающие при переводе русского деепричастия в публицистическом тексте на персидский язык // Преподаватель XXI век. 2018. № 2. С. 341—351.
14. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Вост. лит. РАН, 2001. 600 с.
15. Скрипкина Г. В. Проблемы перевода деепричастий и деепричастных конструкций на немецкий язык в художественной речи // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведение в свете межкультурной коммуникации. Орел, 2018. С. 165—177.
16. Чупашева О. М. Синтаксическая связь деепричастий в рядах деепричастие + деепричастие // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 79—86.
17. Abad M. Man zendeham. Tehran: Boruj, 2013. 552 p.
18. Rezaei V. A typological prototype approach to infinitives, verbal nouns and hâsele masdar // Researches in Linguistics. University of Isfahan. 2016. Vol. 8, iss. 1. P. 19—34.
19. Tabibzade Omid, Persian grammar: the theory of autonomous phrases based on the grammar of dependence. Tehan. Nashr-i-Markaz, 2012. 482 p.

Сведения об авторе

Дастамуз Саиде — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Университета Аль-Захра, Тегеран, Иран. s.dastamooz@alzahra.ac.ir

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 1 (447). Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 47—54.

REGARDING THE USE OF ADVERBIAL PARTICIPLES IN TRANSLATION FROM THE PERSIAN LANGUAGE INTO THE RUSSIAN LANGUAGE

S. Dastamooz

Department of Russian Language, Faculty of Literature, Alzahra University, Tehran, Iran. s.dastamooz@alzahra.ac.ir

The article is devoted to the determination of linguistic units in Persian, which can be translated into Russian by the adverbial participles. The author presents their classification for lessons on teaching translation from Persian into Russian for the Iranian audience. This study is based on comparison of Persian sentences with their translations into Russian. Examples were selected from one of Iranian non-fiction books. 200 sentences were chosen with adverbial participles that were translated into the Russian language. Simultaneously, we have found the original of those sentences in Persian and have classified them. Then we tried to find out when the native Russian translator has used the adverbial participle in translating from Persian into Russian. As a result, 10 cases were found where the adverbial participle can be used while translating from Persian into Russian. The results of the study can be applied in teaching the translation from Persian into Russian. Moreover, the results can be useful for creating an electronic translator.

Keywords: *adverbial participle, translation training, Persian, Russian.*

References

1. Abad M. (2013) *Man zendeham* [I am alive]. Tehran, Boruj Publ. 552 p. [in Persian].
2. Akhmanova O. S. (2010) *Slovar lingvistikicheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Liborcom Publ. 576 p. [in Russ.].
3. Ashrafi Rad M. (2011) *Vestnik RUDN. Seriya Lingvistika*, no. 2, pp. 38—43 [in Russ.].
4. Ashrafi Rad M. (2010) *Ruski yazik za rubejom*, no. 6, pp. 43—47 [in Russ.].
5. Abad M. (2016) *Ya Jiva: vaspominaniya o plene* [I am alive: memories of captivity]. Moscow, 608 p. [in Russ.].
6. Derbas L. A. (2017) O zamene deprichastii sinonimichnimi konstruksiyami [About replacing adverbial participle with synonymous constructions]. *Ruski yazik za rubejom* [Russian language abroad], no. 1 [in Russ.].
7. Kasatkin L. L. (2006) *Kpatki spravochnik pa sovremennomu ruskomu yaziku* [A small dictionary of contemporary Russian language]. Moscow, Vishaya shkola Publ. 407 p. [in Russ.].
8. Kovalskaya V. M. (2016) *Rema*, no. 1, pp. 43—57.
9. Liu Di. (2011) *Mejdunarodni aspirantski vestnik ruski yazik za rubejom*, no. 2, pp. 46—48 [in Russ.].
10. Liu Di. (2016) *Mir ruskovo slova*, no. 1, pp. 19—25 [in Russ.].
11. Liu Di. (2011) *Vestnik RUDN, Ceriya ruski i inostrannie yaziki i metodiki ikh prepavaniya*, no. 4, pp. 51—59 [in Russ.].
12. Miloslavsky I. G. (1981) *Morfologicheskie kategorii sovremennoy ruskoy yazika* [Morphological categories of the modern Russian language]. Moscow, Education Publ. 254 p. [in Russ.].
13. Mohammadi M. R., Aliyari Shorekhdeli M., Khazae S. (2018) *Prepodavatel' XXI vek*, no. 2, pp. 341—351 [in Russ.].
14. Rubinchik Yu. A. (2001) *Gramatika sovremennoy persiskoy yazika* [Grammar of the Contemporary Persian literary language]. Moscow, Oriental literature RAS Publ. 600 p. [in Russ.].
15. Skripkina G. W. (2018) Problemy perevoda deprichastiy i deprichastnikh konstruksiy na nemetskiy yazyk [The problems of translating of gerund and gerand constructions into german in belletristic discourse]. *Problemy lingvistiki, metodiki obucheniya inostrannim yazykam i literaturavedenie v svetle mejkul'turnoy kommunikatsii* [Problems of linguistics, methods of teaching foreign languages and literary criticism in the light of intercultural communication]. Orel. Pp. 165—177 [in Russ.].
16. Chupasheva O. M. (1981) *Vestnik Novosibirskii gos. University. Seriya: Lingvistika i mejkulturnaya kommunikatsiya*, no. 1, pp. 79—86 [in Russ.].
17. Abad M. (2013) *Man zendeham*. Tehran, Boruj. 552 p.
18. Rezai V. (2016) *Studies in Linguistics of Isfahan State University*, no. 8 (19), pp. 19—34. Available at: <file:///G:/دی%20ف%20اح/ص%20م%20ردصم.pdf> [in Persian].
19. Tabibzade O. (2012) *Persian Grammar: the theory of autonomous phrases based on the grammar of dependence*. Tehan [in Persian].

КОМПОЗИЦИОННАЯ СТРУКТУРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ МИРКАРИМА ОСИМА «ТУМАРИС»

Ф. И. Икромхонова

Ташкентский институт текстильной и легкой промышленности, Ташкент, Узбекистан

Рассматриваются научные и теоретические взгляды зарубежных и отечественных литературоведов, их единые и противоречивые идеи в понимании значения структуры и композиции исторического повествования. В данной публикации сопоставляются мнения и анализируются работы мировых ученых по вопросу о способах воплощения сюжета, а также исходя из наиболее приемлемых теоретических данных раскрываются личные взгляды о единстве формы и содержания произведения на примере исторической повести Миркарима Осима «Тумарис».

Ключевые слова: композиция, сюжет, экспозиция, композиция произведения, сюжетная композиция, композиция образов, речевая композиция.

Создание художественного произведения на основе известных исторических событий на первый взгляд кажется не столь сложным процессом, хотя бы потому, что за основу работы принимается определенный факт, имевший место в истории. Сюжет как будто вытекает непроизвольно, без каких-либо усилий, поскольку событие, положенное в основу сюжета, общеизвестно, исторические личности также общепризнаны, прослеживается последовательность действий, фабула готова. Но надо полагать, что даже при создании сюжета современного произведения самим автором, новое открытие содержания исторического произведения на основе заведомо известного события считается самым сложным процессом. Авторы «подходят к описанию исторического события или личности с точки зрения определенной идеологии. В таком случае вступает в силу право творческого человека художественно изобразить мир, в результате чего художественный герой даже приобретает или теряет качества, которых не было у исторической личности» [10. С. 232]. В этой связи изучение художественной реальности произведения путем перестройки композиционной структуры любого исторического произведения, изучение новой задачи, возложенной на вновь примененное историческое событие, является актуальной проблемой.

На самом деле дебаты о композиции признаны неизменной проблематикой в литературе. Потому как с того момента, когда человек учится думать, воссоздавая каждое происшествие, событие, он формирует его на основе определенной системы, ясного намерения, цели. Этот процесс и характеризуется не иначе, как композиция. С точки зрения задачи,

композицию можно разделить на такие типы, как сюжетная композиция, композиция фабулы (аргументация), композиция изображений, повествовательная композиция (рассказ). Г. Н. Пospelов, отмечая, что «сюжет по своему построению всегда уникален, он обладает своей собственной композицией» [5. С. 100], и, полагая, что одной из форм, порождающих эпическую художественность, является объективность образов и их взаимозависимость, пишет, что «такое соответствие можно назвать композицией образов эпического произведения» [Там же. С. 101]. Затем он подчеркивает, что эмоционально-выразительную форму повествования можно назвать композицией повествования в сочетании с сюжетной композицией [Там же. С. 102]. Ученый показывает, что каждый из элементов в составе композиции художественного произведения — событие (сюжет), рассказчик, взаимодействие персонажей обладают различными аспектами в зависимости от их нахождения в определенном пространстве-времени. Но, судя по общей композиции художественного произведения, все они представляют собой единую композицию. Такая целостная композиция также упоминается в некоторых источниках как «архитектоника», «структура» [2. С. 39; 8. С. 209]. По-видимому, композиция, структура, архитектоника являются синонимичными понятиями. Но Ю. М. Лотман различает структуру и композицию. «Чтобы понять это, — пишет он, — искусство слова можно сравнить с искусством без слов, таким как живопись или балет. Известно, что в балете мы можем говорить о композиции, имея в виду фигуры и ситуации, названия их движений, но размер рук и ног танцора не может быть

элементом композиции (как человеческое тело нельзя разделить на части). То же самое можно сказать о картине» [3. С. 143]. Таким образом, в композиции Ю. М. Лотман требует видеть человечность, объект художественного произведения (жизнь, человека) как целостный образ, связанный с содержанием и сущностью произведения.

В. Е. Хализев также приходит к выводу о том, что композиция является синонимом терминов «конструирование», «диспозиция», «организация», и выдвигает тезис о том, что «композиция литературного произведения является первым признаком его формы, которая представляет собой взаимосвязь и гармонию описанных единиц и средств художественного выражения, системой добавления элементов и символов произведения» [9. С. 232]. Здесь, признавая традиционную теоретическую поэтику, ученый утверждает, что в дополнение к этому в содержании композиции должны быть различные художественные средства и выражения. Однако Г. Н. Поспелов называет их «описательными синтаксическими конструкциями» [Там же. С. 101]

Другая группа русских ученых пришла к выводу, что композиция, независимо от толкования значения слова, означает соотношение или взаимосоответствие «частей» или «элементов», и предложила определить, какая часть или компонент подразумевается [8. С. 210].

Британские ученые, с другой стороны, пишут, что немецкие и русские исследователи называют понятие «композиция» «мотивационной системой» и ссылаются на «два разных композиционных отношения — структурную (или описательную) композицию и психологическую, социальную и философскую основу морали внутренней композиции, то есть теорию каузализма» [7. С. 235]. Здесь ученые пошли по пути традиционных литературных критиков, говоря о «взаимосвязи или совместности частей». Тем не менее они выражают свои взгляды на систему мотивации и две формы композиции (структурная композиция, внутренняя композиция). Кажется, что в литературе существует механический подход к названию композиции «движущей системой». Однако, говоря о композиционной структуре, подразумевают разделение художественного произведения на сезоны, главы, части. Если же речь идет о внутренней композиции, каковыми являются структура сюжета, пейзаж, портрет, речевые единицы, то здесь имеется в виду самостоятельное разделение каждой части.

В другом английском источнике упоминается, что «composition — in its literary sense, any work

of writing or a term denoting the technical make-up of a piece of writing, particularly in terms of style and effect. Textbooks on this subject distinguish four kinds of prose composition: exposition, argument, description and narrative» [1. P. 147] (композиция — это термин, который буквально означает любую письменную работу или техническую сторону любого письма, особенно с точки зрения стиля и эффекта. Таким образом, в учебниках по этой теме различают четыре типа повествовательной композиции: изложение, аргументация, описание и повествование). Именно здесь четко показаны четыре типа композиции. В данном случае английские ученые, говоря об изложении, по нашему мнению, подразумевают описание, констатацию события как первый элемент, поясняющий все последующие части до начала произведения, аргументация же означает рациональную логику художественной реальности; описание выступает как отражение события, места, персонажей, тогда как повествование подразумевает способ изложения рассказчика.

Кажется, что в цитируемых нами источниках есть единая идея в понимании значения композиции, расположении частей художественного произведения в гармонии друг с другом. Тем не менее существует противоречие в дискуссии о том, что должно быть включено в композицию или какой компонент произведения принадлежит композиции.

Узбекский ученый профессор Д. Куронов, анализируя работы мировых литературоведов по композиции, пишет: «Традиционно существует три аспекта художественной формы: 1) речевая структура произведения; 2) описываемый предметный мир — художественная реальность; 3) расположение этих двух единиц уровня взаимосвязанным и гармоничным образом является композицией» [12. С. 183]. Здесь ученый правильно определяет аспекты композиции. Однако его классификация отличается от четырех типов, приведенных Дж. А. Каддоном (J. A. Cuddon), одинаковых по значению с аспектами, определяемых Д. Куроновым. И это естественно, потому что каждый ученый мыслит, полагаясь на свой собственный опыт и знания. Вместе с тем классификация, представленная Дж. А. Каддоном, отражает более реальную основу композиции.

Итак, если речевая структура, художественная реальность и их различные части созданного произведения, в нашем случае исторического произведения, находятся в гармоничных и надлежащих отношениях, произведение считается композиционно зрелым. Однако если мы считаем, что функция композиции заключается только в размещении частей,

то в этом случае может идти речь о неправильном существовании представления о композиции как о формальном элементе. Композиция обеспечивает прежде всего взаимодействие частей (речевая структура, художественная реальность), то есть взаимное соответствие темы, идеи произведения и проявляемых через их призму социальных проблем. Следовательно, важным условием художественности в композиции является единство художественной формы и содержания. В этом смысле среди целого ряда произведений, созданных под влиянием исторической легенды о Тумарис, историческая повесть Миркарима Осима «Тумарис» отличается своей относительной зрелостью композиционной структуры. Повесть разделена на три сезона, которые служат внешней композицией. В целом каждая часть логически взаимосвязана, имея при этом относительную независимость. Это означает, что каждая часть заключает в себе свою внутреннюю композицию, а их сюжетная композиция содержит, в свою очередь, композицию изображений в деталях, а также речевую ритмическую композицию, отражающую художественную событийность в уникальной гармонии.

Сюжетная композиция первой части и, следовательно, повесть начинается со следующего пейзажа: «Пустыня разостлала под ногами Невесты-весны свой зеленый ковер, украшенный цветами. Жаворонки в небе воспевали весну. В воздухе летали разноцветные бабочки, опьяненные чарующим ароматом цветов. Какие-то длинноногие птицы ходили среди травы, виляя хвостами, черепахи тянулись к траве, поворачивая уродливые шеи, а жуки ходили задом наперед, перекатывая навозные шарики. Какая-то красновато-коричневая змея выползла из травы и бросилась на застывшего, засмотревшись вдаль, суслика, а испуганные ящерицы, только что трещавшие, словно птицы, спрятались, зарываясь лапками в песчаную почву. Изредка мимо аулов, сотрясая землю, пробегали белогрудые сайгаки» [4. С. 13].

Этот отрывок является отправной точкой общей композиции, точнее, экспозицией в сюжетной композиции, пространством в композиции образов и масштабным пейзажем в речевой композиции. В качестве экспозиции сюжет отражает образ жизни людей края, в котором происходят события, приход весны в места их проживания, в соответствии с принципом процветания края в мирной стране. Основные типажи, образы в композиции, персонажи, олицетворяющие справедливость, социальное равенство в образе представителей племени мас-

сагетов, образ Тумарис, действующей в качестве царицы, — во все этом доминирует народолюбие. Как речевая композиция, сама деталь весны знаменует начало года, начало новой семьи, развитие нового общества и художественно выражает идеи человечности и жизнелюбия в речи рассказчика. Более того, метод духовного параллелизма в повествовании рассказчика передает восторженное настроение в образе весны. С другой стороны, присутствует намек на переменчивость весны, с возможными сильными ветрами и бурями. Таким образом, в содержании пейзажа заключены также риски возможных потерь для зарождающегося нового общества.

С точки зрения сюжетной композиции экспозиция заканчивается предложениями: «Молодежь готовит место для гостей, женщины заняты приготовлением кушаний, невестки украшают длинные зонтичные тележки, выполняющие функции шатров...» [Там же]. Здесь также есть упоминание о сплоченности, гармонии, социальном равенстве этого народа, что, во-первых, доказывает, каким племя массагетов было дружным, жизнерадостным, жило в достатке, с другой стороны, можно с уверенностью сказать, что эти важные черты присущи и сегодняшним тюркским народам, в том числе и нам, узбекам, что действительно заслуживает особого внимания.

В разрезе образной композиции главные герои этой повести, образы Тумарис, Сипарангиза и Зарины, упоминаются одновременно в следующем предложении: «Вождь племени Тумарис женит своего сына Сипарангиза на девушке по имени Зарина из племени шак» [Там же]. В этом предложении образы выделяются среди остальных членов племени и отображается их социальный статус: вождь племени, мать (Тумарис), сын (не воин, Сипарангиз) и невеста (девушка Зарина, не воин, из другого племени). С точки зрения художественной речи, в роли и динамике образов в развитии сюжета играет важную роль их социальная позиция. Вот почему писатель дает их в одном и том же месте, в том же предложении. Это создает впечатление, что при логическом развитии событий делается попытка заранее определить, в какой степени могут быть раскрыты их характерные аспекты. Например, Тумарис является лидером племени, политическим лидером, но в первую очередь она мать, и из этого следует, что противоречия между ее материнской нежностью и холодным разумом в решении политических проблем приводят к принятию односторонних решений

и отражению в произведении пусть и слабого, но конфликта.

Писатель начинает завязку следующим предложением: «Усталые молодые люди, сидящие у костра, заметили скачущего издалека гонца и вскочили со своих мест» [Там же]. Образ гонца в предложении заставляет читателя задуматься о нем как о совершенно новом персонаже, который выходит на сцену после описания. Поскольку гонец — это посланник, он должен что-то сообщить. Здесь он объявляет, что едет невеста. Фактически идея о том, что «сюжет — это поток событий и эмоций в художественном произведении, история развития персонажей и конфликтов, полное раскрытие отношения писателя к изображенным событиям» [6. С. 16], оправдана. Поскольку писатель, ощущая свою причастность к событиям, излагает их как реальность. Характеры, которые он описывает, и их действия, пейзаж, церемония, к которой идет подготовка, привносят в сердце читателя теплые чувства, наводят на светлые, веселые мысли. Это и есть своего рода наставление, являющееся одним из основополагающих вопросов в литературе. Об этом французский ученый Пьер Даниэль Юэ писал: «Главная цель романа [здесь повести. — Ф. И.] — постоянно внушать читателям о вознаграждении добрых дел и наказании зла» [11. С. 248]. Следовательно, первоначальная цель художественного произведения состоит в том, чтобы направлять чувства, сознание и нравственность читателя в правильное русло, рассказывая о различных событиях и происшествиях так, чтобы не утомить читателя. То есть писатель пытается одновременно взрастить душу, сердце, тело. Для этого прежде всего он сам должен быть эмоционально зрелым, энергичным, с высоким уровнем нравственности. Тогда он сможет описать события, которые он излагает, на высоком уровне. Если это делается с помощью исторических событий и исторических фигур, то единство формы и содержания произведения, композиционная структура, взаимодействие сюжетных элементов приобретают определенную систему художественных идей, четкий поток проблем и логическую последовательность и художественность реальных жизненных событий. Не во всех произведениях, созданных о Тумарис, можно встретить это. Однако Миркариму Осиму удалось создать достаточно зрелое и основательное произведение.

Начиная уже с того отрывка, в котором мы проанализировали такие универсальные идеи, как жизнелюбие, человечность, равенство, жизнь в гармо-

нии с природой, автор, основываясь на структуре произведения, языке, композиции образов, смог обеспечить большое художественное совершенство произведения по сравнению с другими эпическими работами на эту тему. Правда, встречаются места, где относительные недостатки в характерах персонажей, их действия кажутся логически необоснованными. К примеру, на первом заседании совета старейших, посвященном вторжению иранцев, Тумарис последовала совету своего сына, а не совету старейшин, в результате чего ее сын и две трети племени были убиты противником. В ответ на эту трагедию старейшины не выразили ей ни душевной боли и сострадания, ни сожаления о тяжелых потерях.

В следующих частях композиции образов в первую очередь Зарина выступает в роли невесты на фоне свадебной церемонии: «После захода солнца прибыли в длинных телегах с зонтиками, с которых сошли невеста и ее подруги. То там то тут вспыхивало пламя костров, освещая небо, а пение песен достигло апогея. К воспеваниям девушек и юношей, прибывших с невестой, к шуму-гаму детей присоединились возгласы людей, которых переполняла радость жизни. При свете костров, пламя которых взмывало в небо, начались пиршество и развлечения» [4. С. 14]. Образ Зарины, виновницы торжества, не так заметен на фоне ликования всего племени. Тем не менее, именно присутствие Зарины было источником этого ликования — радости парней и девушек, детей, радости стариков. Здесь писателю удалось подчинить одной цели практически все направления и составляющие композиции, соединив воедино общее описание композиции образа, пейзажа, художественных выражений в речи рассказчика. В то же время ощущается его любовь к этому народу и его позиция, которые поднялись до уровня, достигающего читателя через духовный параллелизм.

Важной особенностью композиции образов в эпических произведениях являются имена исторических персонажей, благодаря которым это произведение и становится знаменательным. Можно сказать, оно подводит понимание и художественно-эстетическое удовольствие читателя от исторического произведения к определенной исторической основе. Другими словами, читатель, основываясь на своем собственном понимании и представлении об определенном историческом пространстве и времени, координирует ту действительность, о которой он читает. Например, одно только имя Тумарис помогает пробудить в сознании читателя образ

этой храброй женщины, а Ксеркс (Кир или Дарий) ассоциативно пробуждает образ царя-захватчика. Таким образом, при анализе исторических произведений следует не упускать из виду взаимосвязь между образом и местом событий, хронотопом (хронологией) исторического события. Действительно, «эпическое время и пространство относительно медленны, последовательны и широко выражены» [13. С. 80]. И это требует более точного определения проблем образа и хронотопа, образа и конфликта в составе художественной композиции. Именно поэтому Миркарим Осим назвал эту повесть по имени исторической фигуры в отличие от других своих исторических произведений. В других его произведениях выбор названий был несколько иным. Например, произведение об Алишере Навои автор назвал «Свет во тьме», работа о Беруни называется «Облака над Джейхуном», творение об Аль Хорезми именуется как «Рождение Алжабра», сказание о Машрабе носит название «Сломанный сетор». Действительно, в названиях произведений «Ибн Сино», «Ширак» фигурируют имена исторических деятелей. Примеры показывают, как автор использовал образные выражения для освещения вклада исторических деятелей в жизнь общества («Свет во тьме», «Рождение алгебры»), аллегорические выражения биографической информации («Облака над Джейхуном», «Сломанный сетор»). В работах «Тумарис», «Ширак», «Ибн Сино» имена

исторических личностей прямо упомянуты в названиях. Здесь учитывается то, насколько заглавие, выполняя большую поэтическую функцию, в полной мере свидетельствует о художественно-эстетической концепции писателя при создании произведения, а также о внимании, которое он уделил роли композиции в произведении, в частности в структуре образов. Следовательно, с точки зрения единства исторического времени и пространства тот факт, что название воплощает в себе имя человека, изменившего историю, точнее, человека, поднявшего развитие вклада исторических деятелей в жизнь общества на совершенно новый уровень, тем самым осуществляя замысел автора произведения, имеет большую значимость для читателя.

Таким образом, в результате активного использования почти всех видов композиции была усовершенствована художественность исторического произведения. Миркарим Осим в своей повести «Тумарис», начиная с экспозиции и используя такие части композиции, как сюжет, фабула, рассказчик, описание, разместил их в логической последовательности, основанной на четкой цели. Художественно-эстетическая концепция писателя позволила обеспечить произведению незаурядное творческое совершенство, соединив воедино все направления и составляющие композиции, что, несомненно, придало повествованию «Тумарис» гармонию единства формы и содержания.

Список литературы

1. Cuddon J. A. A dictionary of literary terms and literary theory. 5th ed. 2013. 784 p. URL: www.atibook.ir.
2. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М.: Совет. энцикл., 1987. 752 с.
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998. 285 с. URL: www.libword.by.ru.
4. Миркарим О. Тумарис (повесть). Ташкент. Б. 13—28. URL: www.ziyouz.com/kutubxonasi.
5. Поспелов Г. Н. Теория литературы. М.: Высш. шк., 1978. 351 с.
6. Рахимов А. Искусство романа. Фергана, 2015.
7. Рене У., Остин У. Теория литературы. М.: Прогресс. 1978.
8. Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория литературы. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Академия, 2004. 252 с.
9. Хализев Е. В. Теория литературы. М.: Высш. шк., 1999. URL: www.gumer.ru.
10. Эрматов Б. С. Образ Амира Тимура в литературе стран Западной Европы (источники представления и толкования): дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 2018. 257 с.
11. Куронов Д., Рахмонов Б. Очерки западной критико-литературной истории. Ташкент: Наука, 2007.
12. Quronov D. Adabiyotshunoslik nazariyasi asoslari. Toshkent: Akademnashr, 2018. 480 б.
13. Юлчиев К. Развитие лирического хронотопа в узбекской поэзии // FarDU. Ilmiy xabarlar — Научный вестник. ФерГУ. 2019. № 2. С. 77—81.

Сведения об авторе

Икромхонова Фируза Икромовна — кандидат педагогических наук, доцент, завкафедрой «Языки» Ташкентского института текстильной и легкой промышленности, Ташкент, Узбекистан. feruzaikr@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 1 (447). *Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 55—60.*

THE COMPOSITIONAL STRUCTURE OF MIRKARIM OSIM'S HISTORICAL NOVEL "TUMARIS"

F. I. Ikromkhonova

Tashkent Institute of Textile and Light Industry, Tashkent, Uzbekistan. feruzaikr@mail.ru

The article discusses the theoretical views of foreign and domestic literary scholars, their common and conflicting ideas on understanding of the historical novel structure and composition. Based on the question of the plot implementation, we express our personal views on the unity of form and content as exemplified by Mirkarim Oshim's historical novel "Tumaris". The main purpose of the article is to identify the similarities and differences of each image with reality through the analysis of the compositional structure of the work. This leads us to the necessity of relying on universal principles of literary analysis incidentally showing the level of national literature. This analysis proves that Uzbek literature has long been a work of art.

Keywords: *composition, plot, exposition, composition of a work, plot composition, composition of images, speech composition.*

References

1. Cuddon J. A. (2013) A dictionary of literary terms and literary theory. 5th ed. 784 p. Available at: www.atibook.ir.
2. Kozhevnikov V. M., Nikolayeva P. A. (eds.). (1987) *Literaturniy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 753 p. [in Russ.].
3. Lotman Yu. M. (1998) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the literary text] *Ob iskusstve* [About art]. St. Petersburg: Art. 285 p. Available at: www.libword.by.ru [in Russ.].
4. Mirkarim O. *Tumaris (povest')* [Tumaris (story)]. Pp. 13—28. Available at: www.ziyouz.com library [in Russ.].
5. Pospelov G. N. (1978) *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow, Higher School. 351 p. [in Russ.].
6. Rakhimov A. (2015) *Iskusstvo romana* [The art of the novel]. Fergana. 72 p. [in Russ.].
7. Welleck R., Austin W. (1978) *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow, Progress. 286 p. [in Russ.].
8. Tamarchenko N. D., Tyupa V. I., Broymtan S. N. (2004) *Literaturnaya teoriya. T. 1. Teoriya khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika* [Theory of literature. Vol. 1. Theory of art discourse. Theoretical poetics]. Moscow, Academy. 252 p. [in Russ.].
9. Khalizev Ye. V. (1999) *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow, Higher School. Available at: www.gumer.ru [in Russ.].
10. Yermatov B. S. (2018) *Obraz Amira Timura v literature stran Zapadnoy Yevropy (istochniki predstavleniya i tolkovaniya)* [The image of Amir Timur in the literature of Western Europe (sources of presentation and interpretation). Thesis]. Tashkent. 257 p. [in Russ.].
11. Kuronov D., Rakhmonov B. *Ocherki zapadnoy kritiko-literaturnoy istorii* [Essays on Western Critical and Literary History]. Tashkent, Science, 2007.
12. Kuronov D. (2018) *Adabiyotshunoslik nazariyasi asoslari A* [Fundamentals of literary theory]. Tashkent, Akadem Nashr. 480 p. [in Uzbek.].
13. Yulchiyev K. (2019) *FerSU. Ilmiy xabarlar*, no. 2, pp. 77—81 [in Uzbek.].

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ АВИАЦИОННОЙ ЛЕКСИКИ

Л. Р. Исаева, Е. В. Шестакова

*Филиал ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в Челябинске,
Челябинск, Россия*

Военная авиационная терминология как объект лингвистического исследования рассматривается с точки зрения деривационного аспекта. Необходимость изучения специфического пласта профессиональной лексики обусловлена его активным использованием в военной авиационной области, постоянным пополнением авиационной терминосферы, одним из источников которого является деривация. На основе деривационного анализа составлена первичная типология военных авиационных терминов, выявлены наиболее продуктивные способы их образования.

Ключевые слова: *военная авиационная лексика, деривация, термин, типология.*

Исследование деривационных процессов в современной лингвистике становится все более актуальным, поскольку процесс словообразования в языке носит постоянный и непрерывный характер, особенно в условиях активного взаимодействия различных языков, которое наблюдается в последние десятилетия.

Имея в виду динамику процесса изменения языка, можно утверждать, что словообразование в отдельных дискурсах заслуживает пристального внимания, анализа и описания. Это утверждение звучит во многих исследованиях. Так, М. Н. Шанский отмечает, что любое явление в области словообразования «в силу диахроничности процесса возникновения новых слов и динамичности словообразовательной системы можно глубоко и всесторонне познать только с помощью комплексного диахронического исследования, рассматривая слова как результат деривации в большом контексте языковой современности и истории» [14. С. 16].

Актуальность темы данного исследования подтверждается необходимостью анализа динамических процессов в области словообразования, связанных с влиянием на языковую систему временных реалий: социально-политических, экономических и научно-технических преобразований. Современная дериватология, основанная на системном принципе анализа языковых единиц в синхронно-диахронном аспекте, дает возможность увидеть механизмы словопроизводства, закономерности этих процессов, их историческую динамику, а также является перспективным направлением в лингвистике XXI в.

Синхронические и диахронические процессы в языке описаны в работах многих ученых-лингвистов (Ф. де Соссюр, И. А. Бодуэн де Куртене, А. А. Потебня, М. Н. Шанский, А. И. Смирницкий, Н. Н. Лопатникова, Л. Блумфилд, Ю. С. Степанов и др.). Современные исследователи также уделяют немало внимания этой проблеме. Так, в работе О. И. Дмитриевой рассматриваются синхрония, диахрония и динамика словообразовательных подсистем в целом, а И. Ю. Первухиной продуктивные словообразовательные модели представлены на материале конкретного дискурса — нижегородской прессы. Другими словами, проблемы деривационной синхронии и диахронии на протяжении долгого времени остаются актуальными, а изучение, анализ и описание их затрагивают различные аспекты языковой системы.

Кроме того, современные тенденции в изучении языка наметили сближение синхронного и диахронного подходов к анализу лексики, что позволило проводить исследования синхронно-диахронного характера в языкознании. Наше исследование выполнено в рамках данного направления.

В качестве материала исследования авторами статьи выбран корпус военной авиационной лексики, а методы составления картотеки позволили провести синхронно-диахронное исследование деривационных процессов. Картотека составлялась методом сплошной выборки из военно-авиационного словаря, составленного в 1966 г., что позволило проанализировать способы словообразования терминов с момента формирования военной авиационной лексикографии; в свою очередь лингвистический эксперимент, проведенный методом

анкетирования, показал динамику изменений в военно-авиационном словаре на современном этапе развития языка.

Историческая динамика изменений в языке отразилась и в материале исследования. Было отмечено устаревание и переход в пассивный словарь многих лексических единиц, что связано чаще всего с выходом из обращения самих объектов наименования, то есть совершенствование технической стороны процесса (*дирижабль, батчлер, главвоздухфлот* и др.). При этом архаизация в процессе формирования словаря также присутствует (*альтернатор — генератор, барражирование — патрулирование, бензозаправщик — топливозаправщик* и др.). Однако стоит отметить, что деривационные модели, вышедшие из активного словаря, не потеряли своей актуальности. Методика, использованная в нашем исследовании, представляет один из допустимых вариантов решения вопросов анализа лексического материала.

Термин «деривация», появившийся еще в 1970-х гг., постепенно претерпевает изменения. Изначальное понимание деривации как процесса словообразования в целом постепенно трансформируется и на современном этапе представляет собой синтез традиционного понимания и когнитивного подхода. Влияние когнитивистики на понимание и изучение дериватологии обусловлено актуальным в современных научных реалиях направлением антропоцентризма в изучении языковой картины мира.

Несомненно, анализ языковых процессов, рассматриваемых через призму сознания носителя языка, позволит увидеть динамику изменения языка под влиянием языковых и внеязыковых факторов.

Традиционно процесс формирования новых значений у лексемы неморфемным путем рассматривался отдельно от морфемных способов словообразования, однако в последнее время эти два направления объединились и большинством исследователей понимаются как два направления деривации: лексическая и синтаксическая.

Впервые на это обратил внимание В. В. Виноградов, отметив, что лексико-семантический способ словообразования — это «переосмысление прежних слов, формирование омонимов путем распада одного слова на два» [3. С. 156].

Отличие синтаксической деривации от лексической видится в принадлежности производных форм к той или иной части речи. Таким образом, если лексическое значение производных слов отличается от производящих без изменения часте-

речной принадлежности, справедливо говорить о лексической деривации, в то время как в сфере синтаксической деривации происходит смена части речи производного слова.

Вслед за польским лингвистом Е. Куриловичем производные единицы синтаксической деривации принято называть синтаксическими дериватами (отглагольные, отадъективные существительные, субстантивированные прилагательные).

Под семантической деривацией понимается формирование новых значений лексем путем метафоризации и метонимизации. Она находится на следующем этапе после лексической и синтаксической деривации и привносит субъективный элемент в процесс словопорождения, поскольку включает антропоцентрический фактор, то есть формирование лексического значения через отражение языкового сознания конкретного носителя языка — языковой личности либо группы носителей.

Как уже отмечалось, методом сплошной выборки была составлена картотека военных авиационных терминов, затем авторами исследования было проведено анкетирование курсантов и офицерского состава — представителей авиационной специальности — с целью выявления частотности употреблений данных терминов в профессиональной деятельности. В результате опроса респондентов составлена следующая первичная типология лексем — военных авиационных терминов с позиции деривационного подхода:

- *Аффиксальная деривация:*
 - синтаксическая (суффиксальный способ, сложение, аббревиация, субстантивация);
 - лексическая (аффиксальный способ).
- *Безаффиксная деривация:*
 - сложение самостоятельных знаменательных слов без помощи интерфикса;
 - образование сложных слов с компонентом интернационального характера в составе.
- *Семантическая деривация.*

По материалу картотеки наиболее многочисленной оказалась группа аффиксальных дериватов. Продуктивными аффиксами образования терминов являются суффикс абстрактных имен существительных *-ениј-*, суффиксы *-тель-*, *-ник-*: *фиксирование, давление, ориентирование, приземление, виньетирование, заборник (воздуха), двухзвенник*. Суффиксальным способ с помощью суффикса *-к-* образован ряд лексем, например: *обшивка, обувька* — отглагольные; *змейка* — от другого существительного; *восьмерка* — числительное в составе производящей основы.

Такой способ словообразования, как сложение, также частотен для военной авиационной терминосистемы и представлен как сложением основ, так и части основы с полной основой: *бомбометание, гироскоп, паровоздухоотделитель, парогазогенератор, самолетовождение, бортинженер, бортрадист, бортехник, бортнаек, пламегаситель*. Некоторые наименования видов конструкций самолета также образованы методом сложения с использованием интерфикса: *низкоплан, высокоплан, среднеплан*.

Регулярное использование терминологии является неотъемлемой частью профессионального общения военнослужащих. Значительный пласт военных авиационных терминов представляет собой сложное многокомпонентное единство, которое не используется в речи в развернутой форме, а сокращается по моделям аббревиации: *ВВС (Военно-воздушные силы), ВА (воздушная армия), ВПП (взлетно-посадочная полоса), ЛА (летательный аппарат), БПЛА (беспилотный летательный аппарат), ВКС (воздушно-космический самолет), АНО (аэронавигационные огни)*. Отдельно следует сказать о наименованиях типов самолетов, образованных посредством сокращения имен собственных — инженеров-авиаконструкторов: *МиГ (А. И. Микоян, М. И. Гуревич), Ту (А. Н. Туполев), Ил (С. В. Ильюшин), Як (А. С. Яковлев)*.

Примером субстантивации может служить наименование должности: *дежурный* (курсант, подготавливающий аудиторию к занятиям), *курсовой* (название должности командира учебных отделений).

Лексическая деривация предполагает изменение лексического значения производящей лексемы при сохранении одной части речи производного и производящего слова. Как правило, термины, входящие в данное типологическое объединение, образованы аффиксальным способом. Например, это термины — номинанты основных элементов конструкции самолета. *Крыло самолета* (планера, крылатой ракеты) — «одна из главных частей самолета, имеющая в сечении по направлению потока профилированную форму и предназначенная (в основном) для создания подъемной силы при поступательном движении самолета» [2. С. 185]. Приставочно-суффиксальным способом образованы следующие терминологические лексемы: *предкрылок, закрылок, подкрылок*.

Достаточно объемное словообразовательное гнездо представлено с корневой лексемой *план*. В первую очередь это обозначение боевого документа либо по управлению полетами, либо пла-

нирующего боевые действия авиации в операции. *План полета штурманский* представляет собой «заранее составленный порядок действий экипажа в воздухе от взлета до посадки, обеспечивающий выполнение полетного задания» [Там же. С. 258]. Производящая лексема дает цепочку образования таких терминов, как *планер, планеризм, планерист, планирование*, лексическое значение которых абсолютно трансформировалось. Так, *планер* — это летательный аппарат. *Планерист* — лицо, которое имеет соответствующую подготовку для выполнения полетов на планере, *планеризм* — многозначная лексема: 1) теория и практика полетов на планере; 2) вид воздушного спорта. Термин *планирование* обозначает «равномерное движение самолета с остановленным двигателем по прямолинейной нисходящей траектории» [Там же].

Отметим также в качестве примеров группы лексических дериватов такие термины, как *обтекание, обтекатель; ориентир — ориентирование, ориентировка; парашют — парашютизм, парашютист, парашютирование; пилотаж — пилотирование; фильтр — фильтрация*.

Второе, менее объемное объединение терминов составляют лексемы, образованные безаффиксным способом, например: *взрыв, выбег, заброс*. Кроме того, в данную группу входят термины, созданные путем сложения самостоятельных знаменательных слов без помощи интерфикса: *генерал-майор, вакуум-насос, земля-воздух, воздух-воздух*.

Наиболее высокую деривационную активность в данной группе демонстрируют интернациональные компоненты, которые входят в состав сложных терминов:

- авиа (*авиагоризонт, авиамодель, авиатранспорт, авиаопыливание, авианосец*);
- анти (*антидетонатор, антиконтр, антиобледенитель*);
- аэро (*аэростатитка, аэрофотоаппарат, аэрофотозатвор, аэроэкспонометр, аэрофотограмметрия*);
- би (*биплан*);
- баро (*барограф, барокамера, барометр, бароспидограф, баростат*);
- гамма (*гамма-дефектоскопия, гамма-излучение*);
- дельта (*дельта-крыло, дельта-древесина*);
- моно (*моноплан, монокок*);
- пиро (*пиропатрон, пиропистолет, пиросвеча, пиростартер*).

Семантическая деривация приводит к расширению семантического объема слова, трансформации

семантической структуры слова. Данную группу дериватов составляют термины, которые в военной авиационной сфере выступают в несвойственном значении. Например, лексема *башимак* — конструктивная деталь стержневой системы, служащая для соединения отдельных стержней в общий узел с помощью сварки, клепки или болтового соединения [Там же. С. 36]; сама лексема *деривация* — не только лингвистический термин, но и военный авиационный: «отклонение снаряда от плоскости бросания вследствие его вращательного движения» [Там же. С. 104]. *Ветрянка* — часть предохранительного механизма авиационного взрывателя, удерживающая его от срабатывания до отрыва бомбы от самолета или при сбрасывании бомб на невзрыв [Там же. С. 51]. Составной термин *автоштурман* является наименованием не лица, а «навигационного устройства, решающего задачу счисления и прокладки пройденного самолетом пути» [Там же. С. 14].

Группа семантических дериватов включает термины, семантическая структура которых трансформировалась посредством метонимии. Например, лексема *апогей* — точка эллиптической орбиты Луны (искусственного спутника), наиболее удаленная от поверхности Земли [Там же. С. 19]. Свойство «высшая степень чего-либо» в данном случае проявляется в степени удаленности спутника.

Метонимический перенос на основе семы «преследование» наблюдаем в семантической структуре термина *охота*: «вид боевых действий одиночных самолетов (мелких групп) с задачей самостоятельного поиска и уничтожения целей» [Там же. С. 245].

Перенос на основе смежности качественных характеристик субъекта/объекта представлен в дефинициях терминов *жало* и «*жабры*»: «острая часть ударника в авиационных взрывателях для накола капсуля», «поплавки для обеспечения поперечной остойчивости лодочного гидросамолета, имеющие вид коротких крыльев, установленных у контура плавания на лодке по одному с каждой стороны» [Там же]. В первом случае — характеристика степени остроты, во втором — расположения и внешнего вида.

С позиции синхронии характеризуют представленную группу термины с устаревшим лексическим значением, например: *кабан* — «комплект стоек и расчалок, жестко крепивших центроплан над корпусом самолета» [Там же. С. 146].

По материалу картотеки выделяем группу терминов-словосочетаний, имеющих следующие структурные модели: *имя существительное в И. п. + имя собственное в Р. п.*, *имя существительное в Р. п. + имя существительное в Р. п.* К первой группе относятся такие примеры, как *азбука Морзе, петля Нестерова, кобра Пугачева, кривая Христиановича*. Продуктивным и частотно употребляемым компонентом второй группы является лексема «коэффициент»: *коэффициент безопасности, коэффициент быстроходности, коэффициент вязкости, коэффициент давления*. Представленная структурная модель расширяется еще одним компонентом-именем существительным в Р. п. или именем прилагательным: *коэффициент заполнения винта, коэффициент избытка воздуха, коэффициент использования мощности, коэффициент горизонтального оперения, коэффициент внутреннего трения, коэффициент индуктивного сопротивления*.

Будучи живой, постоянно изменяющейся системой, язык модифицируется прежде всего путем трансформации лексической системы. Познание закономерностей развития языка невозможно без анализа процесса словопорождения, изучения деривационного аспекта эволюции языковой системы. Исследование же узкоспециальных сфер лексики актуально не только в теоретическом плане, но и с точки зрения практического применения результатов научной работы: составление словарей специальной лексики, включение материала в спецкурсы, спецпрактикумы, пополнение лексикона специалистов соответствующей области профессиональной деятельности и т. д. Данное исследование находится в ряду работ, предвещающих изучение деривационного аспекта формирования словаря военных-авиаторов, поскольку охватывает не все способы словообразования, а также видится перспективным ввиду малоизученности данного пласта профессиональной лексики.

Список литературы

1. Алферов А. В. Образование и функционирование глагольных речевых единиц во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
2. Березин П. Ф., Васильков Г. С., Гарцев В. П. Военно-авиационный словарь. М.: Воен. изд-во М-ва обороны СССР, 1996. 473 с.
3. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. 409 с.

4. Блумфилд Л. Язык. М., 1968. 607 с.
5. Лопатникова Н. Н. К вопросу о словообразовательном анализе в диахронии и синхронии // Сборник научных трудов. М.: МГПИ им. Ленина, 1972. С. 65—79.
6. Рященко М. А. К вопросу о разграничении морфемного и словообразовательного анализа слова // Современные пути развития науки и образования: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 31 июля 2015 г. Смоленск: Новаленсо, 2015. С. 114—115.
7. Словарь авиационных терминов. URL: <http://aviaros.narod.ru/slovar-a.htm> (дата обращения 04.11.2020).
8. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Иностран. лит., 1956. 260 с.
9. Степанов Ю. С. Структура французского языка: морфология, словообразование, основы синтаксиса в норме французской речи. М.: Высш. шк., 1965. 182 с.
10. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968. 257 с.
11. Тратникова А. В. Понятие семантической деривации // Актуальные вопросы филологических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (Казань, октябрь 2015 г.). URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/176/8647/>.
12. Халифман Э. А., Макеева Т. С., Раевская О. В. Словообразование в современном французском языке. М.: Высш. шк., 1983. 128 с.
13. Цыбова И. А. Проблема словообразовательного анализа и синтеза: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 41 с.
14. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968. 310 с.
15. Шанский Н. М. Лексическая деривация в русском языке // Русский язык в школе. 1977. № 3. С. 16—21.

Сведения об авторах

Исаева Лилия Расиховна — кандидат филологических наук, доцент 5-й кафедры иностранных языков филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» Министерства обороны Российской Федерации в Челябинске, Челябинск, Россия. fatt86@rambler.ru

Шестакова Екатерина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент 5-й кафедры иностранных языков филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» Министерства обороны Российской Федерации в Челябинске, Челябинск, Россия. katja81-07@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 1 (447). Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 61—66.

DERIVATIONAL FEATURES OF MILITARY AVIATION VOCABULARY

L. R. Isaeva

Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin of the Ministry of Defence of the Russian Federation (branch, Chelyabinsk), Chelyabinsk, Russia. fatt86@rambler.ru

E. V. Shestakhova

Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin of the Ministry of Defence of the Russian Federation (branch, Chelyabinsk), Chelyabinsk, Russia. katja81-07@mail.ru

This work deals with military aviation terminology considered as an object of linguistic research in terms of derivative aspect. The need to study a specific layer of professional vocabulary is due to its active use in the military aviation sphere, the constant dynamic changes of its vocabulary, as well as the replenishment of aviation terminology, one of the sources of which is derivation. Based on the derivative analysis, the authors have compiled the primary typology of lexemes — names of aviation terms, and identified the most productive ways of military aviation terms formation. The research was conducted from the point of view of synchronic and diachronic approaches to the vocabulary analysis, based on the material of specialized dictionaries of military aviation terms, and with the help of polling representatives of this professional activity.

Keywords: *military aviation vocabulary, derivation, term, typology.*

References

1. Alferov A. V. (1990) *Образование и функционирование глагол'ных речевых единиц во французском языке* [Education and functioning of verb verbal units in French. Abstract of thesis]. Moscow [in Russ.].
2. Berezin P. F., Vasil'kov G.S., Gartcev V. P. (1996). *Военно-авиационный словарь* [Military-Aviation Dictionary]. Moscow, Military Publishing House of the USSR Ministry of Defence. 473 p. [in Russ.].
3. Vinogradov V. V. (1977) *Osnovnye tipy leksicheskikh znachenij slova* [Main types of lexical meanings of a word]. Moscow. 409 p. [in Russ.].
4. Bloomfield L. (1968) *Yazyk* [Language]. Moscow. 607 p. [in Russ.].
5. Lopatnikova N. N. (1972) *K voprosu o slovoobrazovatel'nom analize v diahronii i sinhronii* [To the question of word formation analysis in diachrony and synchrony]. Moscow, Lenin MSPI. Pp. 65—79 [in Russ.].
6. Ryashchenko M. A. (2015) *K voprosu o razgranichenii morfemogo i slovoobrazovatel'nogo analiza slova* [To the question on differentiation of morpheme and word-formation analysis of a word]. Smolensk, Novalenso Publ. Pp. 114—115.
7. *Slovar' aviacionnykh terminov* [Dictionary of aviation terms]. Available at: <http://aviaros.narod.ru/slovar-a.htm>, accessed 04.11.2020 [in Russ.].
8. Smirnit'skiy A. I. (1956) *Leksikologiya anglijskogo yazyka* [English Lexicology]. Moscow, Inostr. lit. Publ. 260 p. [in Russ.].
9. Stepanov Y. S. (1965) *Struktura francuzskogo yazyka: morfologiya, slovoobrazovanie, osnovy sintaksisa v norme francuzskoj rechi* [Structure of the French Language: morphology, word formation, basics of syntax in the norm of the French speech]. Moscow, High School. 182 p. [in Russ.].
10. Stepanova M. D. (1968) *Metody sinhronnogo analiza leksiki* [Methods of Synchronous Vocabulary Analysis]. Moscow. 257 p. [in Russ.].
11. *Tratnikova A. V. Ponyatie semanticheskoy derivacii* [Concept of Semantic Derivation]. Available at: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/176/8647/>, accessed 05.11.2020 [in Russ.].
12. Khalifman E. A., Makeeva T. S., Raevskaya O. V. (1983) *Slovoobrazovanie v sovremennom francuzskom yazyke* [Word formation in modern French]. Moscow, High School. 128 p. [in Russ.].
13. Tsybova I. A. *Problema slovoobrazovatel'nogo analiza i sinteza* [Problem of Word-Formation Analysis and Synthesis. Abstract of thesis]. Moscow, 1990. 41 p. [in Russ.].
14. Shanskiy N. M. (1968) *Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu* [Essays on Russian Word Formation]. Moscow. 310 p. [in Russ.].
15. Shanskiy M. N. (1977) *Russkij jazyk v shkole*, no. 3, pp. 16—21 [in Russ.].

АЛГОРИТМ ИНТЕГРАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЙ КАК КОМПОНЕНТОВ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА

Е. М. Каргина

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

Статья посвящена рассмотрению алгоритма интеграции лексической и грамматической категорий как компонентов структуры языка. Обосновывается необходимость дополнения традиционного подхода к делению языкового материала на лексический и грамматический алгоритмом интеграции данных категорий на основе системы понятий и отношений. Приводятся и анализируются на конкретном примере этапы рассматриваемого алгоритма.

Ключевые слова: *алгоритм интеграции, лексическая категория, грамматическая категория, компонент структуры языка, система понятий и отношений.*

Анализ лингвистической, методической и психолого-педагогической литературы свидетельствует об актуальности проблемы взаимодействия лексической и грамматической категорий как компонентов структуры языка, что находит отражение в работах исследователей в следующих концептах: «лексический и грамматический уровни» (Н. Н. Арват [2]); «лексико-грамматическое поле» (О. М. Воеводская [6]); «грамматико-лексические поля» (Е. В. Гулыга [8]); «лексико-грамматические классы и разряды» (Л. Г. Лузина [14]); «лексико-грамматический компонент языковой компетенции» (И. Ф. Мусаелян [15]) и др.

Это обусловлено тем фактом, что данная лингвистическая проблема все еще полностью не решена как в плане организации лексико-грамматического материала (К. Е. Зоммерфельдт [10], Е. С. Потрикеева [16], Е. И. Шендельс [20] и др.), так и в аспекте определения места и роли лексики и грамматики в системе преподавания иностранного языка (И. Л. Бим [3], А. С. Куваева [12], Б. А. Лапидус [13] и др.).

Научно-педагогический обзор и опыт практической деятельности свидетельствуют о том, что методическую организацию лексико-грамматического материала традиционно начинают с отбора (Н. Г. Вишнякова [5], И. Ф. Динабург [9], С. Ю. Стрелкова [18] и др.). При этом единая проблема отбора лексико-грамматических средств делится, как правило, на две самостоятельные проблемы: отбор лексических средств и отбор грамматических средств. Результатом отбора лексических средств становится составление словаря-минимума. Отбор грамматических средств основывается

на грамматической форме и часто приводит к достаточно искусственным построениям.

В дальнейшем при разработке учебных тренировочных текстов возникает задача воссоединить отдельно отобранные лексические и грамматические средства в единое целое. Однако в связи с отсутствием для этого надежной методической основы осуществить подобную интеграцию достаточно трудно. На практике это часто приводит к тому, что грамматические и лексические средства оказываются оторванными друг от друга. Грамматический материал располагается и излагается в учебниках так, как он описан лингвистами в систематических грамматиках, а лексический материал включается в учебники либо на основе отобранных тематических материалов, либо на основе отрывков из аутентичных источников.

Научная новизна решения обозначенной проблемы отбора лексико-грамматического материала заключается, по мнению автора, в выборе приоритета не формы при учете содержания (понятия), как это часто происходит на практике, а содержания (понятия) при учете формы.

Для этого традиционное деление языкового материала на грамматический, предлагаемый в грамматических справочниках, и лексический, даваемый в словарях, необходимо дополнить таким алгоритмом интеграции лексической и грамматической категорий, в основе которого будет лежать система понятий и отношений.

Алгоритм интеграции лексико-грамматического материала на основе понятийных категорий соответствует естественному стремлению обучающегося иностранному языку — в условиях, когда

родной язык стал уже инструментом мысли, — идти от понятия к форме.

Данная идея находит отражение в работах ряда методистов. В частности, А. С. Хорнби [19] в большинстве случаев придерживается принципа перехода «от понятия к форме», когда говорит о способах выражения приказа, обещания, желания, возможности и т. д. Аналогичной, по существу, точки зрения придерживается и ряд сторонников «функциональной грамматики» (В. Г. Адмони [1], А. В. Бондарко [4], В. Г. Гак [7], Н. А. Слюсарева [17] и др.), которые считают, что языковой материал должен группироваться не вокруг отдельных форм языка, а вокруг определенных мыслительных и эмоциональных категорий.

Для создания группировки, или классификации, лексико-грамматических средств на основе системы понятийных категорий целесообразно использовать основной метод исследования математической логики. Данный метод, называемый структурным анализом, или моделированием, широко применяется в науках, связанных с дискретными системами.

В терминах математической логики, язык — это не просто система, а дискретная система систем. Моделировать исследуемую систему можно в любой субстанции. С точки зрения поставленных задач наиболее удобной «субстанцией», в которой следует моделировать язык, являются понятия и отношения. Понятие предмета и понятие отношения выступают, таким образом, в качестве исходных элементов структурной модели [11]. Моделируя в глубину, можно выделить любые необходимые отношения и лишь потом на основе выделенных отношений собрать воедино все лексико-грамматические средства, использующиеся для выражения этих отношений.

Для того чтобы показать, что существующая методика отбора языкового материала, основанная на раздельном исследовании и отборе грамматических форм и лексических средств, не вполне отвечает требованиям и должна быть дополнена моделированием системы отношений (понятий), рассмотрим в данном плане в качестве примера грамматическое явление, которое в систематических грамматиках называется степенями сравнения.

Следуя логике алгоритма интеграции лексико-грамматического материала на основе понятийных категорий, можно сделать вывод, что более целесообразно обучать не степеням сравнения, а способам выражения сравнения в иностранном языке.

Сделав подобный вывод, можно начать исследование языкового материала на основе принятой в данное время методики отбора, то есть начать с исследования форм (грамматики и лексики). В результате исследования стало бы возможным классифицировать лексико-грамматические средства следующим образом:

- а) слова-сравнения;
- б) устойчивые словосочетания сравнения;
- в) свободные словосочетания сравнения;
- г) морфологические средства сравнения (суффиксы сравнения, супплетивные формы слов), которые вместе со словами сравнения образуют категории степеней сравнения.

Конечно, пользуясь разработанными в методике принципами, возможно произвести отбор лексико-грамматических средств и на основе данной классификации. Однако если на первое место поставить не языковую форму, а содержание (понятие, отношение), то можно построить более полную классификацию, которая будет являться более качественной основой для отбора рационального минимума.

Исследуя взаимосвязи между понятиями, объединенными общим понятийным концептом сравнения, можно построить следующий алгоритм интеграции лексической и грамматической категорий как компонентов структуры языка:

I. Выражение отношения сравнения, связанное с выражением *тождественности*:

- 1) сравниваемых предметов,
- 2) сравниваемых признаков,
- 3) сравниваемых чисел (количеств),
- 4) сравниваемых действий,
- 5) сравниваемых качественных характеристик действий.

II. Выражение отношения сравнения, связанное с выражением *сходства*;

III. Выражение отношения сравнения, связанное с выражением *различия*.

Структурный анализ позволяет построить и иной алгоритм. Так, в качестве исходных элементов структуры можно использовать не тождественность (I), сходство (II) и различие (III), а сравнение предметов (1), сравнение признаков (2), сравнение чисел (3), сравнение действий (4) и их качественных характеристик (5). Тогда тождественность, сходство и различие будут выступать в качестве микроэлементов.

Затем, следуя алгоритму и перейдя к языковой субстанции, можно предложить такую классификацию:

Лексико-грамматические средства, которые используются для выражения понятийной категории сравнения:

А. При сравнении предметов:

- I. Выражение тождественности предметов.
- II. Выражение тождественности определенных признаков и «предметов».
- III. Выражение неполноты сходства.
- IV. Выражение сходства (подобия).
- V. Подчеркивание тождественности, сходства.
- VI. Выражение различия (отличия).
- VII. Модификация различия (отличия).
- VIII. Противопоставление тождественности и различия.

Б. При сравнении признаков (качеств) предметов:

- I. Наличие качества выражается новым прилагательным.
- II. Подчеркивание качества.
- III. Достаточность качества.
- IV. Избыток качества.
- V. Неполнота качества.
- VI. Тождественность качества.
- VII. Различие в качестве.
- VIII. Наличие большего (или меньшего) качества (сравнительная степень).
- IX. Превосходство в качестве (превосходная степень).
- X. Зависимость степени одного качества от другого.

В. При сравнении действий и их качественных характеристик:

- I. Тождественность действий.
- II. Сходство (подобие) действий.
- III. Различие действий.
- IV. Модификация различия.
- V. Наличие большего или меньшего качества.
- VI. Превосходство в качестве действия.

Г. При сравнении числа (количества) предметов:

- I. Тождественность чисел и количеств.
- II. Различие в числе единиц измерения.
- III. Сравнение трех предметов, разных по числу единиц измерения.
- IV. Сравнение предметов, отличающихся друг от друга в определенное число раз.

Систематизируя рассмотренный пример интеграции лексико-грамматического материала на основе понятийных категорий, следует отметить, что сравнение как один из элементов структуры языка представляет собой сложную структуру, в качестве микроэлементов которой можно выделить еще четыре микроструктуры (А, Б, В, Г). Моделирование микроструктур позволяет выделить в них микромик-

роэлементы: в микроструктуре А можно выделить восемь микромикрорэлементов (I—VIII); в микроструктуре Б можно выделить десять микромикрорэлементов (I—X); в микроструктуре В можно выделить шесть микромикрорэлементов (I—VI); и в микроструктуре Г можно выделить четыре микромикрорэлемента (I—IV). Всего выделяется 28 микромикрорэлементов. Если теперь перейти к языковой субстанции, то будет очевидно, что из 28 «видов» отношений сравнения только десять «используют» для своего выражения в языке такое языковое средство, как степени сравнения, причем и в этих случаях степени сравнения выступают не самостоятельно, а в качестве элемента определенной языковой микромикросистемы. Следовательно, неправомерно при включении в содержание учебников по иностранному языку лексико-грамматических средств сравнения ограничиваться только степенями сравнения.

Таким образом, проанализировав проблему интеграции лексической и грамматической категорий как компонентов структуры языка, можно сделать следующие выводы:

1. Традиционное деление языкового материала на лексический и грамматический необходимо дополнить алгоритмом интеграции лексической и грамматической категорий как компонентов структуры языка, в основе которого будет лежать система понятий и отношений, поскольку подобный алгоритм соответствует естественному стремлению познания идти от понятия к форме.

2. В алгоритме интеграции лексической и грамматической категорий как компонентов структуры языка следует выделить определенные логически взаимосвязанные этапы: а) классификация с помощью моделирования лексико-грамматических средств на основе отношений (понятийных категорий); б) отбор минимума лексико-грамматических средств, объединенных тем или иным отношением; в) разработка и систематизация учебных тем на основе отношения с последующим составлением обучающих текстов; г) разработка системы упражнений.

3. Подобный алгоритм подтверждает тезис о единстве лексического и грамматического в языке. Следовательно, лексические минимумы и грамматический материал необходимо отбирать не раздельно, поскольку это противоречит сути языка как системы, а в их взаимодействии. Основой такого взаимодействия, а следовательно, и отбора, должна быть понятийная категория. И лишь после того, как лексико-грамматический материал будет отобран на основе понятийной категории, он может быть

конкретизирован в одной учебной теме или в ряде учебных тем.

4. Систематизация материала на основе понятийных категорий создает более объективную основу для отбора рационального минимума необходимых средств. Подобная систематизация материала дает больше возможностей для применения разработанных в методике принципов отбора, что позволяет учесть возрастные особен-

ности изучающих иностранный язык и требования дидактики.

5. Лексико-грамматический материал, сгруппированный на основе понятийных категорий, дает возможность построить более эффективную систему упражнений. Так, в основе упражнений для рассмотренной группы явлений могут стать схематические изображения и антонимические пары тождества-различия.

Список литературы

1. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. Л.: Наука, 1964. 106 с.
2. Арват Н. Н. О взаимосвязи лексического и грамматического уровней (при обучении русскому языку как иностранному) // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис / сост. В. И. Красных. М.: Рус. яз., 1980. С. 63—73.
3. Бим И. Л. Подход к проблеме упражнений с позиции иерархии целей и задач // Общая методика обучения иностранным языкам: хрестоматия. М.: Рус. яз., 1991. С. 92—99.
4. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 136 с.
5. Вишнякова Н. Г. Терминологическая лексика, методика и принципы ее отбора для обучения иностранному языку в технических вузах: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1969. 22 с.
6. Воеводская О. М. Лексико-грамматическое поле концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. 182 с. С. 111—113.
7. Гак В. Г. О функциональном подходе к изучению грамматических явлений // Иностранные языки в высшей школе. 1974. № 6. С. 3—12.
8. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. 184 с.
9. Динабург И. Ф. Принципы отбора терминологического минимума для неязыкового вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1964. 21 с.
10. Зоммерфельдт К. Е. О взаимоотношении лексики и грамматики // Иностранные языки в школе. 1984. № 5. С. 3—6.
11. Каргина Е. М. Функциональный принцип в методике обучения иностранным языкам // Вестник ПГУАС: строительство, наука и образование. 2016. № 1 (2). С. 84—89.
12. Куваева А. С. Система упражнений в современной компетентностной парадигме обучения устной иноязычной речи: дис. ... канд. пед. наук. М., 2018. 250 с.
13. Лapidус Б. А. К теории упражнений по иностранному языку // Иностранные языки в высшей школе. 1975. Вып. 10. С. 17—26.
14. Теория грамматики: лексико-грамматические классы и разряды слов // Сборник научно-аналитических обзоров / ред.-сост. Л. Г. Лузина, Г. Д. Стрельцова. М.: ИНИОН, 1990. 201 с.
15. Мусаелян И. Ф. Формирование и контроль лексико-грамматического компонента языковой компетенции у студентов неязыкового вуза: дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 256 с.
16. Потрикеева Е. С. Взаимосвязанное обучение лексической и грамматической сторонам говорения на немецком языке: Начальный этап обучения: дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 236 с.
17. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М.: Наука, 1981. 206 с.
18. Стрелкова С. Ю. Интегративное обучение иноязычной грамматике: от предложения к дискурсу: монография. М.: Либроком, 2012. 184 с.
19. Хорнби А. С. Конструкции и обороты английского языка / пер. с англ. А. С. Игнатъева. М.: Буклет, 1992. 336 с.
20. Шендельс Е. И. Взаимодействие между лексическими и грамматическими значениями // Иностранные языки в школе. 1962. № 4. С. 92—102.

Сведения об авторе

Каргина Елена Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки» Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, Пенза, Россия. kargina-elena@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 1 (447). Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 67—72.

INTEGRATION ALGORITHM OF LEXICAL AND GRAMMATICAL CATEGORIES AS COMPONENTS OF THE LANGUAGE STRUCTURE

E. M. Kargina

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia. kargina-elena@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the integration algorithm of lexical and grammatical categories as components of the language structure. The need to supplement the traditional approach to dividing language material into lexical and grammatical by an algorithm for integrating these categories based on a system of concepts and relationships is justified. As stages of the algorithm are proposed: a) classification of lexical and grammatical means based on conceptual categories; b) selection of lexical and grammatical means minimum integrated by a certain relation; c) development and systematization of educational topics based on the relationship with the subsequent compilation of educational texts; d) development of an exercise system. The selected stages of the algorithm are analyzed using the example of the conceptual category of comparison degrees. The conclusion about the possibility of creating a more effective system of exercises based on the presented algorithm is formulated.

Keywords: *integration algorithm, lexical category, grammatical category, language structure component, system of concepts and relations.*

References

1. Admoni V. G. (1964) *Osnovy teorii grammatiki* [Basics of grammar theory]. Leningrad: Nauka Publ. 106 p. [in Russ.].
2. Arvat N. N. (1980) *O vzaimosvyazi leksicheskogo i grammaticheskogo urovnej (pri obuchenii russkomu yazy'ku kak inostrannomu)* [About the relationship between lexical and grammatical levels (when teaching Russian as a foreign language)]. *Problemy uchebnika russkogo yazyka kak inostrannogo. Sintaksis* [Problems of the textbook of Russian as a foreign language. Syntax]. Moscow, Russkij yazyk Publ. Pp. 63—73 [in Russ.].
3. Bim I. L. (1991) *Podkhod k probleme uprazhnenij s pozicii ierarxii celej i zadach* [Approach to the problem of exercises from the position of hierarchy of goals and tasks]. *Obshhaya metodika obucheniya inostrannym yazykam: Khrestomatiya* [General methodology of teaching foreign languages]. Moscow, Russkij yazyk Publ. Pp. 92—99 [in Russ.].
4. Bondarko A. V. (1984) *Funkcionalnaya grammatika* [Functional grammar]. Leningrad, Nauka Publ. 136 p. [in Russ.].
5. Vishnyakova N. G. (1969) *Terminologicheskaya leksika, metodika i principy ee otbora dlya obucheniya inostrannomu yazyku v texnicheskix vuzax* [Terminology vocabulary, methodology and principles of its selection for teaching a foreign language in technical universities. Abstract of thesis]. Moscow. 22 p. [in Russ.].
6. Voevudskaya O. M. (2001) *Leksiko-grammaticheskoe pole koncepta* [Lexical and grammatical field of the concept]. I. A. Sternin (ed.). *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezhskij gosudarstvennyj universitet Publ. Pp. 111—113 [in Russ.].
7. Gak V. G. (1974) *Inostrannye yazyki v vysshej shkole*, no. 6, pp. 3—12 [in Russ.].
8. Gulyga E. V., Shendels E. I. (1969) *Grammatiko-leksicheskie polya v sovremennom nemeckom yazyke* [Grammar-lexical fields in modern German]. Moscow, Prosveshhenie Publ. 184 p. [in Russ.].

9. Dinaburg I. F. (1964) Principy otbora terminologicheskogo minimuma dlya neyazykovogo vuza [Principles of selection of terminological minimum for non-lingual university. Abstract of thesis]. Leningrad. 21 p. [in Russ.].
10. Zommerfeldt K. E. (1984) *Inostrannye yazyki v shkole*, no. 5, pp. 3—6 [in Russ.].
11. Kargina E. M. (2016) *Vestnik PGUAS: stroitelstvo, nauka i obrazovanie*, no. 1 (2), pp. 84—89 [in Russ.].
12. Kuvaeva A. S. (2018) *Sistema uprazhnenij v sovremennoj kompetentnostnoj paradigme obucheniya ustnoj inoyazychnoj rechi* [Exercise system in the modern competence paradigm of teaching oral foreign language speech. Thesis]. Moscow. 250 p. [in Russ.].
13. Lapidus B. A. (1975) *Inostrannye yazyki v vysshej shkole*, no. 10, pp. 17—26 [in Russ.].
14. Luzina L. G., Strelczova G. D. (eds.). (1990) *Teoriya grammatiki: leksiko-grammaticheskie klassy i razryady slov* [Grammar theory: vocabulary and grammar classes and word categories]. Moscow, INION Publ. 201 p. [in Russ.].
15. Musaelyan I. F. (2011) *Formirovanie i kontrol leksiko-grammaticheskogo komponenta yazykovej kompetencii u studentov neyazykovogo vuza* [Formation and control of the vocabulary component of language competence in students of a non-language university. Thesis]. Moscow. 256 p. [in Russ.].
16. Potrikeeveva E. S. (2000) *Vzaimosvyazannoe obuchenie leksicheskoj i grammaticheskoj storonam govoreniya na nemeckom yazyke: Nachalnyj etap obucheniya* [Interrelated teaching of the lexical and grammatical aspects of speaking German: Initial stage of training. Thesis]. Moscow. 236 p. [in Russ.].
17. Slyusareva H. A. (1981) *Problemy funkcionalnogo sintaksisa sovremennogo anglijskogo yazyka* [Problems of functional syntax of modern English]. Moscow, Nauka Publ. 206 p. [in Russ.].
18. Strelkova S. Yu. (2012) *Integrativnoe obuchenie inoyazychnoj grammatike: ot predlozheniya k diskursu* [Integrative teaching of foreign language grammar: from sentence to discourse]. Moscow, Librokom Publ. 184 p. [in Russ.].
19. Hornbi A. S., Ignatev A. S. (ed.) (1992) *Konstrukcii i oboroty anglijskogo yazyk* [Constructions and turns of the English language]. Moscow, Buklet Publ. 336 p. [in Russ.].
20. Shendels E. I. (1962) *Inostrannye yazyki v shkole*, no. 4, pp. 92—102 [in Russ.].

КОММУНИКАЦИЯ И ПРАВОМЕРНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ, СВЯЗАННЫХ С ЭТИМ ПОНЯТИЕМ

Е. Т. Кененбаев

Чирчикский государственный педагогический институт, Чирчик, Узбекистан

Исследуется значение широко используемых в научной литературе терминов: общение, коммуникация, речевое общение, вербальная коммуникация и невербальная коммуникация. На основании анализа и сопоставления этих терминов, неоднозначной их интерпретации в различных публикациях, делаются выводы о соответствии их внутреннего содержания внешней терминологической номинативности.

Ключевые слова: *коммуникация, общение, речевое общение, вербальная коммуникация, невербальная коммуникация.*

В современной научной литературе с каждым днем появляется все больше и больше публикаций, исследующих понятие «коммуникация» в самых различных областях науки. Это неудивительно на фоне стремительной трансформации нашего индустриального общества в общество информационное.

Поскольку в каждой области науки есть свои подходы к тому или иному понятию в сфере коммуникации, а терминологическая база, определяющая эти понятия, остается одинаковой для всех, иногда возникают неоднозначные интерпретации этих понятий при изучении тех или иных научных источников.

В нашей работе рассматриваются понятия «вербальная коммуникация» и «невербальная коммуникация» и делается вывод о терминологической неточности их использования.

Еще одним понятием, требующим, с нашей точки зрения, уточнения, является «общение». Это понятие интересует нас с позиции его соответствия понятию «коммуникация». Проблема заключается в том, что в научных публикациях трактовка понятия «общение» очень сильно различается. По соотношению к понятию «коммуникация» понятие «общение» разнится от признания их синонимами, до констатации того, что у них нет ничего общего между собой. В работах, связанных с понятием «коммуникация», уточнение термина «общение» необходимо, так как оно очень тесно связывается с коммуникацией, причем часто в различных работах эти увязки приходят в противоречие друг с другом.

Одно определение, обозначающее общение, приведем с позиции лингвистической (И. А. Стернин), другое — с позиций психолингвистики

(Т. Л. Рыжковская). «Общение выступает как осознанный, рационально оформленный, целенаправленный информационный обмен между людьми, сопровождающийся индивидуализацией собеседников, установлением эмоционального контакта между ними и обратной связью» [18. С. 8]. «Общение — это осуществляемое знаковыми средствами взаимодействие субъектов, вызванное потребностями совместной деятельности и направленное на значимое изменение в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях партнера» [16. С. 104].

Далее приведем определение понятия «коммуникация» известного лингвиста Д. П. Гавры: «В узком смысле под коммуникацией следует понимать эффективное синхронное и диахронное взаимодействие социальных субъектов (людей и/или их общностей), которое возникает в результате обмена между одним субъектом (источником) и другим (получателем) информацией, имеющей смысл для обоих субъектов (коммуникативной субстанцией или сообщением в идеальной или идеально-материальной форме)» [5. С. 45].

Таким образом, имея несколько определений понятий «общение» и «коммуникация», мы получаем возможность проведения анализа в проекции их соответствия или различия. Но для того, чтобы этот анализ был подкреплен конкретной аргументацией, предварительно рассмотрим несколько высказываний, имеющих место в научной среде и определяющих соотношение понятий «общение» и «коммуникация».

С этой целью приведем для начала два диаметрально противоположные определения, характеризующие взаимосвязь понятий «общение» и «коммуникация». Первое утверждение — о том, что это

два разных понятия. Такой точки зрения придерживается Е. В. Синцов, утверждая: «Общение — обмен мнениями, идеями, речевое взаимодействие в самом широком смысле» [17]. Коммуникацию же ученый определил как теорию связи. Как видим, при такой трактовке между общением и коммуникацией остается мало чего общего.

Второе утверждение, что эти два понятия — синонимы, взяты из двух словарей:

— «коммуникация — 2. ж. Общение, контакт» [6];

— «коммуникация — 2) Общение, передача информации от человека к человеку» [13].

Как видим, словари однозначно относят эти два понятия к синонимам.

Синонимами эти два понятия опосредованно названы и И. А. Стерниным: «коммуникативная культура личности или культура общения личности. Оба выражения используются нами как синонимы, но первое — как научный термин, а второе — как его популярный синоним, который проще для восприятия неподготовленным читателем или слушателем, более понятен широким слоям населения» [18. С. 49].

Между противоположными мнениями относительно синонимии или отсутствия синонимии между указанными понятиями существуют и другие высказывания о понятиях «общение» и «коммуникация», определяющие их отношение друг к другу и взаимосвязь.

В качестве примера можно привести определение, включающее коммуникативный процесс как одну из составляющих процесса общения: «Коммуникативная сторона общения, или коммуникация в узком смысле слова, состоит в обмене информацией между общающимися индивидами. Интерактивная сторона заключается в организации взаимодействия между общающимися индивидами, то есть в обмене не только знаниями, идеями, но и действиями. Перцептивная сторона общения означает процесс восприятия и познания друг друга партнерами по общению и установления на этой основе взаимопонимания» [2. С. 68].

На это определение ссылаются во многих научных работах, делая вывод о различных значениях, понимаемых под терминами «коммуникация» и «общение». Указанные три стороны общения детализируются, получают свои характеристики, по ним пишутся научные статьи. В качестве примера приведем несколько высказываний, касающихся этой темы.

«В русском языке общение и коммуникация часто используются как синонимы, независимо от их различного происхождения. Однако содержание понятий “общение” и “коммуникация” близки, но не тождественны» [10]. «Понятие “коммуникация” шире общения: оно включает в себя и технические аспекты, и обмен информацией в обществе в целом и в его подсистемах» [3]. «Существует и противоположная трактовка соотношения понятий “общение” и “коммуникация”, в которой основной категорией считается общение, а в структуре последнего выделяются коммуникация (обмен информацией), интеракция (организация взаимодействия и воздействия), перцепция (чувственное восприятие как основа взаимопонимания)» [4]. «В работах по изучению социальной коммуникации авторы часто используют понятия “общение” и “коммуникация”, которые иногда взаимозаменяются, а слова, выражающие эти понятия, употребляются как синонимы. Однако эти понятия синонимами не являются, о чем свидетельствуют, например, их толкования в различных словарях» [19]. «Значимое отличие общения от коммуникации заключается в наборе средств, которые используются для взаимодействия индивидов» [15].

Вместе с тем нигде в ссылках мы не обнаружили продолжение вышеуказанного определения, а именно: «Естественно, что все эти термины весьма условны. ...Конечно, в реальной действительности каждая из этих сторон не существует изолированно от двух других» [2. С. 68]. Отсюда следует, что понятие «общение» нельзя рассматривать как слабое трех ее сторон, оно может восприниматься только как нечто цельное.

Внимательное изучение и сравнение вышеуказанных определений общения и коммуникации приводит к выводу об отсутствии каких-либо характеристик, указывающих на их отличие друг от друга. Следовательно, эти два понятия являются синонимами и в дальнейшем предлагается именно с этой позиции рассматривать их в научных лингвистических работах.

Разночтение терминов «общение» и «коммуникация», как нам кажется, может быть вызвано и различным подходом к ним со стороны лингвистики и психологии. И то, что в русскоязычной научной литературе в основном принимают к сведению психолингвистическую трактовку термина «общение», и вызывает разные интерпретации понятий «общение» и «коммуникация».

Подтверждением сделанного нами вывода может служить и то, что в зарубежной лингвистике,

в основном англоязычной, обмен мыслями и информацией при помощи устных или письменных знаков подразумевает и общение, и коммуникацию. Перевод отдельных русскоязычных работ, рассматривающих отличие общения от коммуникации, вызывает определенные трудности, связанные с тем, что оба эти термина переводятся одним англоязычным словом *communication*.

В зарубежной лингвистике общение принимают как проявление коммуникативной функции языка в конкретных речевых ситуациях, и такой подход, видимо, больше соответствует изучению общения с лингвистических позиций. Для подтверждения этого утверждения приведем несколько высказываний ученых.

«На одной из последних Международных конференций по проблемам языкового сознания (Тамбов, сентябрь 2011 г.) многократно была озвучена, в основном западными коллегами (в частности, *Sunc Vork Steffensen*), мысль о том, что лингвистика движется от всех известных и освященных традицией дихотомий в сторону дихотомии язык/не-язык» [7].

Ю. М. Лотман отметил: «Нам не только важно получить какую-то информацию от другого человека, но важно вступить в контакт, и говорение есть в значительной мере форма контакта» [11].

М. Томаселло, развивая идеи совместной интенциональности, отмечает: «Способность создавать общий смысловой контекст (совместное внимание, совместный опыт, общие культурные представления) представляет собой абсолютно неотъемлемое измерение человеческой коммуникации, включая языковую коммуникацию, со всеми ее “он”, “она”, “оно”» [20].

С. Коули и его коллеги определяют язык как «непрерывную деятельность в реальном времени, в результате которой происходит мягкая сборка мотиваций, предвосхищений и аффективных состояний» [8].

В англоязычной лингвистической литературе термин «коммуникация» понимается как обмен мыслями и информацией в форме речевых или письменных сигналов. Таким образом, для западных лингвистов общение — это актуализация коммуникативной функции языка в различных речевых ситуациях, и здесь разницы между общением и коммуникацией нет.

Вышеуказанные высказывания в значительной степени снимают ряд противоречий, имеющих место в языкознании, например «язык — речь», «общение — коммуникация», и создают основы для изучения вербального и невербального вза-

имодействия в рамках лингвокультуры как целостного феномена.

Для полноты проводимого исследования было решено обратиться к статистическим данным употребления слов «коммуникация» и «общение» в различных источниках письменной речи. Данные, полученные из Национального корпуса русского языка, выявили следующее соотношение между этими двумя словами в плане частотности их употребления:

Коммуникация — найдено 104 документа.

Общение — найдено 2411 документов.

Анализ употребления этих слов показал, что слово «коммуникация» в основном используется в научных и официальных документах. Примеры, приведенные ниже, взяты из Национального корпуса русского языка [21]:

«У социальных насекомых обнаружена сложная коммуникация, устойчивые иерархические отношения, а пребывание в коллективе для них — жизненная необходимость» [22].

«Правила коммуникации здесь пока неизвестны, трудно даже сказать, есть ли у нас коммуникация, а не простое собрание текстов» [23].

«Людам вокруг нужна веселенькая коммуникация — ну я им ее и даю, а остальное — тишина и пустота» [24].

«Общение» — нейтральный по стилю и достаточно широкозначный термин, он встречается в гораздо большем количестве контекстов, например:

«В универе очень интересно течет жизнь, постоянно новые знакомства, общение... мероприятия... в общем супер!» [25].

«На сферу общения ребенка, овладение им речью, на развитие личности и самосознания оказывает влияние общение ребенка со взрослым; самооценку детей этого возраста практически полностью формирует отношение к ним взрослого» [26].

«Общение с Ершовым, который одной из основных проблем трансляции считал задачу экономии памяти, подтолкнуло Лаврова к разработке собственной теории оптимизации распределения памяти» [27].

Как видно из количества примеров в НКРЯ, слово «общение» имеет гораздо больше случаев употребления в письменных источниках, чем слово «коммуникация». Вместе с тем семантический анализ использования этих слов показывает практическую идентичность употребления их в различных словосочетаниях. Приведем примеры сочетаний этих слов в словосочетаниях в таблице (с. 76).

Примеры словосочетаний

С прилагательными		С существительными		С глаголами	
<i>общение</i>	<i>коммуникация</i>	<i>общение</i>	<i>коммуникация</i>	<i>общение</i>	<i>коммуникация</i>
Человеческое общение	Человеческая коммуникация	Общение человека	Коммуникация человека	Наладить общение	Наладить коммуникацию
Деловое общение	Деловая коммуникация	В общении с человеком	Коммуникация с человеком	Вступить в общение	Вступить в коммуникацию
Живое общение	Живая коммуникация	Общение как жизнь	Коммуникация как жизнь	Осуществлять общение	Осуществлять коммуникацию
Личное общение	Личная коммуникация	Общение личностей	Коммуникация личностей	Разрушать общение	Разрушать коммуникацию
Дружеское общение	Дружеская коммуникация	Общение друзей	Коммуникация друзей	Выйти на общение	Выйти на коммуникацию
Педагогическое общение	Педагогическая коммуникация	Общение педагога	Коммуникация педагога	Рассматривать общение	Рассматривать коммуникацию
Духовное общение	Духовная коммуникация	Общение душ	Коммуникация душ	Выстраивать общение	Выстраивать коммуникацию

Данные таблицы подтверждают синонимичность этих двух слов. Однако при более детальном анализе коннотаций можно заметить, что слово «коммуникация» более уместно в деловом и научно-официальном стиле. Так, например, словосочетание «коммуникация друзей», хотя и дает нам представление того, о чем идет речь, в плане стиля вызывает определенные сомнения.

В данном случае мы имеем дело с одним из компонентов прагматической зоны лексической семантики. Прагматический компонент определяется как «сумма коннотаций (созначений, добавочных к когнитивному) — социальных, культурных, исторических, этических, эмотивных, экспрессивных — сопутствующих лексическому значению и частично входящих в его структуру» [28. С. 31].

Итак, стилистическая информация является одним из компонентов прагматической зоны лексической семантики. Этот компонент содержит в себе информацию об употреблении слова, о типе контекстов, в которых оно возможно, — в разговорной речи, книжных или специальных текстах.

Рассматривая исследуемые два слова с точки зрения этого компонента и приведенных примеров, можно сделать вывод о более узком поле использования слова «коммуникация», ограниченном рамками книжных и специальных текстов, по сравнению со словом «общение», имеющим хождение во всех контекстах. Разграничивая поле использования этих двух слов, стилистический компонент вместе с тем подтверждает их общее значение, отличающееся только стилями речи, в которых они употребляются.

Большее количество употребления слова «общение» вызвано тем, что оно используется во всех стилях письменной речи, в то время как слово «коммуникация» в основном применяется в научной, официальной и деловой сфере. С другой стороны, слово «коммуникация» в одном из примеров употреблено в разговорной речи для придания оттенка веселости всей фразе при сохранении общего смысла высказывания, что свидетельствует о возможности использования его и в разговорном стиле для создания эффекта комичности. Подобное смешение стилей не нарушает семантической идентификации слова «коммуникация», что также является доказательством его синонимичности слову «общение».

Следует отметить, что отличия внутри идеографико-стилистической синонимии терминов «общение» и «коммуникация» оказывается не столь существенным для постановки и решения значимых для современности вопросов, например вопроса об инструментальности человека в коммуникации: «и в сфере собственно человеческой коммуникации — в сфере общения — человек может также играть роль инструмента. Ведь в майевтическом диалоге именно собеседник помогает другому участнику коммуникации осознать факт наличия у него некоторого знания. А в диалектическом диалоге его участники помогают друг другу прийти к истине» [12].

Следующим понятием, вызвавшим у нас определенные вопросы, стало понятие «речевое общение». Большое количество ссылок в научных работах, размещенных в Интернете, утверждает, что, по исследованиям ученых, две трети общения составляет речевое общение. Первым вопросом, который вы-

зывает это утверждение, является уточнение того, что понимается под речевым общением. Вторым вопросом является уточнение того, что представляет из себя одна треть общения, которая не относится к речевой.

Приведем одно из научных определений этого понятия: «Речевая коммуникация — это общение людей, понимаемое в широком смысле слова не только как разговор, беседа, а как любое взаимодействие с целью обмена информацией. Одним из основных средств коммуникации является речь, речевое общение. По подсчетам ученых, человеческое общение на две трети состоит из речевого общения» [13. С. 11].

Первая часть высказывания, где говорится об общении как о речевой коммуникации при любом взаимодействии, подтверждает сделанный нами выше вывод о коммуникации и общении как о синонимах. Вместе с тем во второй части высказывания говорится, что речевое общение составляет две трети человеческого общения. Получается, что речевое общение составляет две трети речевой коммуникации. Такое противоречие вызвано тем, что в первой части высказывания принимается лингвистическая точка зрения на понятие «общение», а во второй — точка зрения психологов. С позиции психологов, как мы уже выяснили, общение кроме коммуникативной стороны имеет еще две стороны — интерактивную и перцептивную, которые, впрочем, называются весьма условными, и выделяемыми только в порядке экспериментальных исследований. Скорее всего, именно эти две условно существующие стороны и имеются в виду, когда ведется речь об одной трети общения, не занятой речевым общением. Как видим, терминологическая путаница приводит к различным интерпретациям одного и того же понятия.

Кстати, источника утверждения о том, что речевое общение составляет больше половины всего общения, несмотря на огромное количество ссылок, нам найти так и не удалось. Во всех изученных работах ссылок на источник не было, а в высказываниях говорилось только об исследовании ученых, выявивших это явление.

Все вышесказанное дает нам возможность детально вникнуть в суть понятий «вербальная коммуникация» и «невербальная коммуникация» и рассмотреть их с точки зрения соответствия требованиям научной терминологической точности и правомерности использования в тех или иных научных сентенциях. На наш взгляд, оба эти понятия не в полной мере отвечают терминологической

точности, принятой в научном мире, что приводит к различной интерпретации в научных работах.

Чтобы не быть голословными, попробуем внимательно рассмотреть оба эти понятия с позиций определяющих их терминов. Н. Корягина и Е. Михайлова, определяя понятие «вербальная коммуникация», охарактеризовали его следующим образом, процитировав высказывание на эту тему В. А. Лабунской: «Вербальная коммуникация использует в качестве знаковой системы человеческую речь, естественный звуковой язык, то есть систему фонетических знаков, включающую два принципа: лексический и синтаксический» [9. С. 212].

Это определение является одним из самых цитируемых и используемых в русскоязычных научных работах, что может служить показателем принятия его как основного в научной среде.

М. С. Андрианов так определил понятие невербальной коммуникации: «это обмен значимой информацией, не выраженной словами. ...Невербальная информация может усилить значение, позволить точнее и полнее понять сказанное» [1. С. 10]. Во второй части цитаты автор уточняет, что невербальная информация только усиливает значение сказанного, а это значит, что заменить полностью сказанное оно не может. Это важно для итоговых выводов нашего исследования.

Не вызывает никакого сомнения, что в вышеприведенных определениях под термином «вербальная» понимается применение слов, так же как под термином «невербальная» понимается их отсутствие. Никаких противоречий в такой проекции данных определений не возникает. Проблема в терминологической проекции начинается, когда их ставят в едином словосочетании со словом «коммуникация».

Возможно ли получить коммуникацию в полном ее понимании путем использования исключительно вербальных средств, или, по-другому, слов? Как было отмечено ранее, коммуникация невозможна без взаимодействия и полного понимания общего смысла в ситуации обмена информацией. Мы полагаем, что мы не сможем передать точно смысл передаваемой нами информации без помощи невербальных средств выражения мыслей и, наоборот, только невербальными средствами без помощи слов.

Исключение из речи всех невербальных средств приведет к тому, что она станет однотонной, без пауз, без интонации, не подкрепляемая мимикой, взглядом, выразительным молчанием. Понять подобную речь в принципе возможно. Но при этом

мы, так или иначе, будем стараться разбить эту речь на понятные нам отрезки, путем подстановки пауз, логических ударений, интонации, то есть вставлять отсутствующие невербальные средства коммуникации. Подобная ситуация имеет место не только в устной речи. Так же будут обстоять дела и в ситуации с письменной речью, из которой мы уберем все символы, отражающие невербальную составляющую информации — точки, запятые, пробелы, восклицательные и вопросительные знаки, междометия. Даже в шрифте Брайля, созданном для письма и чтения слепыми или плохо видящими людьми, предусмотрены вышеуказанные пунктуационные обозначения невербальных средств. Согласно исследованиям ряда ученых (А. Мейерабиан, А. Пиз), доля невербальных средств при передаче информации составляет до 93 %, и только оставшиеся 7 % приходятся на долю слов.

С другой стороны, сможем ли мы понять информацию, передаваемую нам без вербального контента, посредством одних невербальных знаков? На первый взгляд, доводом, свидетельствующим о возможности такого понимания, может служить общение между собой глухонемых людей, которое они проводят только при помощи жестов. Но может ли это общение соответствовать понятию исключительного применения невербальных средств? Скорее всего, нет. Основная часть жестов глухонемых — это лишь особое отражение слов, так называемая вторичная речь, имеющая свою специфику, но по сути своей являющаяся вербальной составляющей информации.

Резюмируя исследование понятий «вербальная коммуникация» и «невербальная коммуникация», можно сказать, что информация, передаваемая исключительно вербальными или невербальными средствами, не может по отдельности создавать процесс коммуникации. Несмотря на широкое параллельное и независимое использование

в научном мире, такие понятия, как «вербальная коммуникация» и «невербальная коммуникация», на наш взгляд, не отвечают требованиям терминологической точности, принятой в науке. Понятия вербальности и невербальности неотделимы друг от друга в процессе, который мы обозначаем как коммуникация, и могут рассматриваться отдельно только как вербальные средства и невербальные средства передачи информации. Только вместе, в тесном взаимодействии, эти знаки могут составить процесс коммуникации. В противном случае мы должны будем признать, к примеру, что слова и знаки пунктуации в письменной речи относятся к двум видам коммуникации. По нашему мнению, правильнее будет говорить о двух различных средствах коммуникации, которые во взаимодействии и создают процесс коммуникации.

Исходя из всего вышесказанного считаем, что для однозначного понятия процесса, называемого коммуникацией, такие термины, как «вербальная коммуникация» и «невербальная коммуникация», применять в научных работах нецелесообразно в силу различных интерпретаций, которые могут возникнуть при их чтении. На наш взгляд, достаточно ограничиться названиями «письменная коммуникация» и «устная коммуникация», однозначно определяющими это понятие с позиций всех его составляющих. Имеются в виду понятия коммуникативной ситуации, коммуникативного поведения, коммуникативного действия и других сторон, выстраивающих общее обозначение коммуникации.

В заключение подчеркнем, что стремительно развивающаяся информационно-коммуникативная сфера ставит перед наукой задачу своего теоретического обоснования, и уточнение терминологической базы различных понятий является одной из необходимых сторон систематизации знаний, полученных практическим путем с целью их сохранения и подведения под них теоретической базы.

Список литературы

1. Андрианов М. С. Невербальная коммуникация: монография. М.: Ин-т общегуманитар. исследований, 2007. 256 с.
2. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник. М.: Аспект Пресс, 2009. 229 с.
3. Василик М. А. Основы теории коммуникации. М.: Гардарики, 2003.
4. Вержинская Е. А. «Коммуникация» и «общение»: соотношение понятий // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2010. № 1—2 (55). С. 58—61.
5. Гавра Д. П. Основы теории коммуникации: для бакалавров и специалистов: учеб. пособие для вузов по направлению «Журналистика». СПб.: Питер, 2011. 284 с.
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000.
7. Колмогорова А. В. Концепции и модели коммуникации в современном гуманитарном знании // Вестник науки Сибири. 2012. № 1 (2).

8. Коули С. Дж. Понятие распределенного языка и его значение для волеизъявления / пер. с англ. А. В. Кравченко // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 192—227.
9. Корягина Н., Михайлова Е. Социальная психология. Теория и практика: учеб. и практикум для СПО. М.: ЮРАЙТ, 2013. 419 с.
10. Лето Я. Понятия «общение» и «коммуникация» в психологии // *Молодой ученый*. 2016. № 12 (116). С. 770—772. URL: <https://moluch.ru/archive/116/31756/> (дата обращения 27.11.2020).
11. Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб.: Искусство СПб, 2005.
12. Месеняшина Л. А. Инструмент или собеседник? // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2019. № 10 (432). Филологические науки. Вып. 118. С. 98—103.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2006. 944 с.
14. Попова Е. П. Бондаренко О. В. Кострулева И. В. Теория и практика профессиональной коммуникации на русском языке: учеб. пособие (курс лекций). Ставрополь, 2011.
15. Прокопец А. В. «Общение» и «коммуникация»: соотношение понятий в свете полипарадигмального состояния современной лингвистики. 2015. № 30-1. URL: <https://novainfo.ru/article/2895>.
16. Рыжковская Т. Л. Основы психологии и педагогики: учеб. пособие. Минск: Изд-во МИУ, 2010. 441 с.
17. Синцов Е. В. Русский язык и культура речи. Лекция 8. Речевое общение. URL: <https://litresp.com/chitat/ru/%D0%A1/sincov-evgenij-asiljevich/russkij-yazik-i-kuljtura-rechi/9>.
18. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие: монография. Воронеж, 2001. 227 с.
19. Степанова Г. Общение и коммуникация: традиции и новации. Современные проблемы новой коммуникативной реальности // *Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования*. Вып. 5. М.: ИФ РАН, 2011. С. 215—236.
20. Томаселло М. Истоки человеческого общения / пер. с англ. М.: Языки рус. культуры, 2011. 328 с.
21. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения 05.02.2021).
22. Ефремов К. Размышления у книжной полки: Бегство от одиночества // *Знание — сила*. 2003.
23. Филиппов А. Участь эксперта // *Отечественные записки*. 2003.
24. Коллективный. «Веселуха» на 11 тысяч знаков (14.03.2015).
25. Коллективный. Форум: Универ (институт) VS школа. Плюсы и минусы. Где в итоге лучше и почему? (2011).
26. Захирина Л. А., Бережная Н. Ф. Особенности развития старших дошкольников при перинатальной патологии ЦНС // *Вопросы психологии*. 2004.
27. Дубова Н. Орбита Лаврова // *Computerworld*. 2004.
28. Кузьмина Н. А. Современный русский язык. Лексикология теория, тренинг, контроль. Омск, 2010.

Сведения об авторе

Кененбаев Еркин Тойлибаевич — преподаватель кафедры русского языка и литературы Чирчикского государственного педагогического института, Чирчик, Узбекистан. pargos1@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 1 (447). *Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 73—81.*

DIFFERENCES IN INTERPRETATION OF SOME TERMS RELATED TO THE CONCEPT OF COMMUNICATION

E. T. Kenenbayev

Chirchik State Pedagogical Institute, Chirchik, Uzbekistan. pargos1@mail.ru

The paper examines the meaning of the terms communication, communication, verbal communication, verbal communication and non-verbal communication widely used in scientific literature. Based on the analysis and comparison of these terms, their ambiguous interpretation in various publications, conclusions are drawn about the correspondence of their internal content to external terminological nominativeness. The need for this study is due to the difficulties arising in the study of scientific literature, where these terms are used. Their interpretation is sometimes diametrically opposite in the works of certain authors, which interferes with the correct

perception of the meaning inherent in publications. In our work, we propose an unambiguous interpretation of these concepts from a linguistic position, since in various fields of science that study communication, these concepts are approached from their points of view

Keywords: *interaction, communication, conversation, verbal communication, non-verbal communication.*

References

1. Andrianov M. S. (2007) Neverbal'naya kommunikatsiya [Non-verbal communication]. Moscow, Institute of General Humanitarian Research. 256 p. [in Russ.].
2. Andreyeva G. M. (2009) Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Moscow, Aspekt Press Publ. 229 p. [in Russ.].
3. Vasilik M. A. (2003) Osnovy teorii kommunikacii [Basics of communication theory]. Moscow, Gardariki [in Russ.].
4. Verzhickaja E. A. (2010) *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 1—2 (55), pp. 58—61 [in Russ.].
5. Gavra D. P. (2011) Osnovy teorii kommunikatsii [Fundamentals of the theory of communication]. St. Petersburg, Peter Publ. 284 p. [in Russ.].
6. Yefremova T. F. (2000) Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy [New dictionary of the Russian language. Interpretive and derivational]. Moscow, Russian language Publ. [in Russ.].
7. Kolmogorova A. V. (2012) *Vestnik nauki Sibiri*, no. 1 (2) [in Russ.].
8. Kouli S. Dzh. (2009) Ponjatie raspredelenno go jazyka i ego znachenie dlja voleiz'javlenija [The concept of a distributed language and its meaning for the expression of will]. *Studia linguistica cognitiva. Vyp. 2: Nauka o jazyke v izmenjajushhejsja paradigme znaniya*. Irkutsk. Pp. 192—227 [in Russ.].
9. Koryagina N., Mikhailova E. (2013) Sotsial'naya psikhologiya. Teoriya i praktika [Social psychology. Theory and practice]. Moscow, Yurayt Publ. 419 p. [in Russ.].
10. Leto Ja. (2016) *Molodoj uchenyj*, no. 12 (116), pp. 770—772. Available at: <https://moluch.ru/archive/116/31756/>, accessed 27.11.2020 [in Russ.].
11. Lotman Ju. M. (2005) Vospitanie dushi [Soul education]. St. Petersburg, Iskusstvo SPB [in Russ.].
12. Mesenyashina L. A. (2019) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10 (432), pp. 98—103 [in Russ.].
13. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (2006) Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. ITI Technologies Publ. [in Russ.].
14. Popova Ye. P., Bondarenko O. V., Kostruleva I. V. Teoriya i praktika professional'noy kommunikatsii na russkom yazyke [Theory and practice of professional communication in Russian]. Stavropol, 2011. 64 p. [in Russ.].
15. Prokopec A. V. (2015) "Obshhenie" i "kommunikacija": sootnoshenie ponjatij v svete poliparadigmalnogo sostojanija sovremennoj lingvistiki ["Interaction" and "communication": the relationship of concepts in the light of the polyparadigmatic state of modern linguistics], no. 30-1. Available at: <https://novainfo.ru/article/2895> [in Russ.].
16. Ryzhkovskaya T. L. (2010) Osnovy psikhologii i pedagogici [Bases of psychology and pedagogy]. Minsk, MIU Publ. 441 p. [in Russ.].
17. Sintsov Ye. V. Russkiy yazyk i kul'tura rechi. Lektsiya 8 [Russian language and culture of speech. Lecture 8. Speech communication]. Available at: <https://litresp.com/chitat/ru/%D0%A1/sincov-evgenij-vasiljevich/russkij-yazyk-i-kuljtura-rechi/9>, accessed 25.07.2020 [in Russ.].
18. Sternin I. A. (2001) Vvedeniye v rechevoye vozdeystviye [Introduction to speech influence]. Voronezh. 228 p. [in Russ.].
19. Stepanova G. "Obshhenie i kommunikacija: tradicii i novacii". Sovremennye problemy novoj kommunikativnoj real'nosti [Interaction and communication: traditions and innovations. Modern problems of new communicative reality]. *Chelovek vchera i segodnja. Mezhdisciplinarnye issledovanija*. Iss. 5 [in Russ.].
20. Tomasello M. (2011) Istoki chelovecheskogo obshhenija [The origins of human communication]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury. 328 p.

21. National corpus of the Russian language]. Available at: <http://ruscorpora.ru/index.html>, accessed 05.02.2021 [in Russ.].
22. Yefremov K. (2003) *Znaniye — sila* [in Russ.].
23. Filippov A. (2003) *Otechestvennyye zapiski* [in Russ.].
24. Kollektivnyy (2021) “Veselukha” na 11 tysyach znakov [“Veselukha” for 11 thousand characters]. 02.08 [in Russ.].
25. Kollektivnyy. (2021) Forum: Univer (institut) VS shkola. Plyusy i minusy. Gde v itoge luchshe i pochemu? [University (Institute) VS School. Pros and cons. Where is the bottom line better and why?]. 02.08 [in Russ.].
26. Zakhirina L. A., Berezhnaya N. F. (2004) Osobennosti razvitiya starshikh doshkol’nikov pri perinatal’noy patologii TSNS [Features of the development of older preschoolers with perinatal pathology of the central nervous system]. *Voprosy psikhologii* [in Russ.].
27. Dubova N. (2004) Orbita Lavrova [Lavrov’s orbit] *Computerworld* [in Russ.].
28. Kuz’mina N.A. (2010) *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksikologiya teoriya, trening, control* [Modern Russian language. Lexicology theory, training, control]. Omsk [in Russ.].

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОГО КОНЦЕПТА «ЖЕНСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

О. П. Королева, Н. В. Коробова, Н. А. Цыбина

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Рассматриваются особенности структурирования гендерного концепта «женская ментальность» в англоязычных СМИ с позиций когнитивного моделирования. Когнитивная модель гендерного концепта имеет вид иерархически организованной фреймовой структуры, раскрывающей его содержание посредством заполнения слотов данного фрейма. Анализ материала позволяет описать характерные признаки феномена женской ментальности в текстах СМИ.

Ключевые слова: *гендер, концепт, ментальность, фрейм, когнитивное моделирование, стереотип.*

Введение

В данной статье предпринимается попытка раскрыть содержание гендерного концепта «женская ментальность» в современном англоязычном языковом сознании с помощью когнитивного моделирования. Для этого целесообразно использовать фреймовый анализ концепта. Фреймовый анализ позволяет через типовые ситуации и события описать лексические единицы, объединенные гендерным концептом «женская ментальность». Изучение фреймовой структуры гендерного концепта происходит с привлечением статей, взятых из англоязычных СМИ (*The Evening Standard, The Guardian, The Observer*), поскольку в настоящее время именно СМИ предстают как источник, доминирующий в формировании общественного мнения и оказывающий существенное влияние на мышление отдельных членов социума.

В настоящее время не существует четкого определения термина «ментальность». Иногда понятия «менталитет» и «ментальность» трактуются некоторыми учеными как равнозначные и тождественные. Однако следует подчеркнуть более узкий характер термина «ментальность». Под ментальностью принято понимать общие представления, воображение, видение мира, повседневную сторону сознания, стереотипы поведения, систему ценностей. По мнению А. Я. Гуревича, ментальности выражают внеличностную сторону общественного сознания, получающую выражение в языке, а также в других знаковых системах, обычаях, традициях и верованиях [5]. В лингвистическом плане средствами выражения категории ментальности признаются такие языковые феномены, как отдельные слова, фразеологизмы, тексты и концепты, которые

взаимосвязаны между собой, образуя ментальное пространство языка [2. С. 83]. Представляется возможным выделять ментальность людей, объединенных в группы по тому или иному признаку: этническому, социальному, историческому [11. С. 42]. Настоящее исследование посвящено изучению ментальности, а именно женской ментальности, с позиций гендерной лингвистики.

Основными категориями гендерного анализа, выделяемыми лингвистами, являются две категории — «мужчина» и «женщина». По словам В. А. Детковой, мужчина и женщина предстают основой человеческого мироздания, различающимися созданиями, «жителями разных планет», но дополняющими друг друга [6. С. 54].

Для раскрытия содержания гендерного концепта «женская ментальность» эта дихотомия, базирующаяся на современном понимании гендера как социального конструкта и опирающаяся на новую теорию категоризации [4. С. 103], приводит к осмыслению женской ментальности как феномена, не заданного природой, а формирующегося в новых социальных условиях современного мира. Иными словами, новая оппозиция «мужское» — «женское» подчеркивает человеческий опыт, который изменяет представление о роли женщины в современном мире.

Гендерные представления структурируются в различные модели, одной из которых является фрейм. Согласно теории М. Минского, фрейм имеет вид сети, включающей конфигурацию узлов и связей между ними. Вершины фрейма четко выделяются, так как они образованы понятиями, справедливыми по отношению к предполагаемой ситуации. На нижних уровнях имеется набор со-

ставляющих единиц — вершин-терминалов или «ячеек» для заполнения характерными примерами или данными. М. Минский рассматривает фрейм как множество вопросов, ответы на которые раскрывают исследуемую ситуацию. В процессе анализа ситуации уточняются темы, необходимые для развертывания того или иного концепта, что позволяет конкретизировать сведения о нем с целью дальнейшего структурирования концепта [9].

Фреймовая организация концепта «женская ментальность»

На первом этапе исследования гендерного концепта «женская ментальность» были выделены ядро и периферия. Ядро чаще всего соотносится с основными значениями слов, которые его вербализуют. Как правило, это стереотипные элементы, наиболее устойчивые по своему характеру и разделяемые большинством членов социума [10]. Схематично гендерный концепт «женская ментальность» имеет вид модели, отраженной на рисунке ниже.

Моделирование фрейма гендерного концепта «женская ментальность» учитывает социальные стереотипы, присущие англоязычному языковому сознанию. Как видно из схемы, структура концепта «женская ментальность» включает два субфрейма — «женщина — female» и «ментальность — mentality». Первый из них содержит доминантный аспект концепта — согласно дефиниционному анализу выделяются три гендерно маркированных признака: 1) противопоставление мужскому полу; 2) возможность деторождения; 3) типично женские качества [12].

Второй слот (субфрейм) гендерного концепта дополняет его содержание и раскрывает отношение женщины к окружающей действительности.

Однако выявленные из лексикографических источников женские свойства имеют двойственный характер, так как стереотипные параметры включают как позитивные, так и негативные коннотации исходя из дефиниционного анализа. Лексические

единицы ladylike (refined), womanly (feminine), motherly, caring, sweet, kind, loving свидетельствуют о положительном восприятии качеств женщины, в то время как другие реакции на свойства женщины могут акцентировать негативные коннотации — a loud woman, a nagging wife, a silly woman, a doll, chicken's mind [Ibid.].

Слот № 1 можно разбить на терминалы меньшего объема: 1) биологические характеристики; 2) психологические характеристики; 3) социальные характеристики; 4) профессиональная сфера.

Биологические характеристики гендерного концепта представлены в оппозиции «мужчина» — «женщина» и отражены в дефиниции лексической единицы woman. Этот терминал включает параметры возраста (young — old), внешности (physiological attractiveness — unattractiveness), уровень развития интеллекта (clever — silly) и является практически исторически неизменным в отличие от трех других терминалов. Женский гендерный стереотип непосредственно связан с биологической привлекательностью как самым распространенным показателем женственности, в то время как женский ум не принимается всерьез [1. С. 41]. Сведения о внешности, а также о дополнительных факторах (одежда, аксессуары) по-прежнему играют большую роль в формировании женской ментальности. Мода — важный элемент жизни женщины:

Fashion is indestructible. Even in the midst of horror, this image by the legendary fashion photographer Cecil Beaton is saying, women's lives go on [14].

...editor of Vogue Audrey Withers had thrived on the idea of doing something meaningful. She realised that Vogue had a purpose beyond promulgating fashion. *It was really about influencing women's lives [Ibid.].*

Wear something noticeable, take pride in your look, don't be afraid to be daring or dramatic [13].

Гендерный концепт «женская ментальность», имеющий весьма сложную структуру, включает психологические ассоциации. В газетных статьях женская ментальность структурируется с учетом

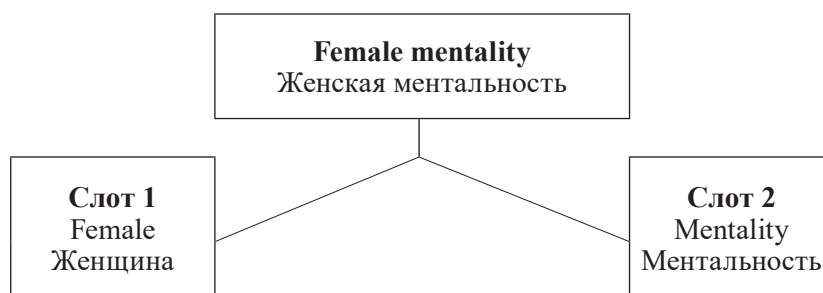

Схема гендерного концепта «женская ментальность»

разнообразных морально-психологических качеств. Психологические характеристики образуют второй терминал в составе первого слота. Контекстуальный анализ позволил выделить ряд дескрипторов, таких как *difficult, clever, brilliant, confident, grumpily wonderful, stoic, empowering, confidence building, healing and life changing*, которые акцентируют качества женщин образованных, трудолюбивых, настойчивых в достижении целей.

Третий терминал слота № 1 связан с социальным статусом женщины — ее матримониальным положением. Единственной сферой реализации женщины долгое время считалась только семья. В условиях современного мира, где женщины стремятся сначала сделать карьеру, создание семьи отходит на второй план, либо, следуя современной тенденции, женщины живут в гражданском браке, не регистрируя официально свои отношения, что в патриархальном обществе было невозможно. Лексема *partner* может использоваться для обозначения взаимоотношений, либо *boyfriend — girlfriend* может замещать оппозицию *husband — wife*.

Гендерные социальные роли подверглись серьезной трансформации, когда ведение хозяйства перестает быть прерогативой женщины. Стереотип хранительницы домашнего очага заменяется на социальный стереотип деловой (работающей) женщины, что отражается в языковом сознании в виде оппозиции лексем с мужской и женской референцией: *househusband — housewife, paternity leave — maternity leave, single father — single mother*.

Few laws can truly change society like **those that govern parental leave**, which is probably why they have changed so slowly, in a series of reluctant tweaks and fudges [14].

When the Hampstead and Kilburn MP Tulip Siddiq found out she was pregnant with her second child, “I said to Chris, my husband: ‘Thank God it’s [due at] the end of January — that means I can vote.’” *Siddiq, for her part, is not taking maternity leave* [15].

Fathers have become more engaged with their children in recent years, with *the number of stay-at-home dads rising* [14].

Четвертый терминал слота № 1 включает профессиональную сферу. Учитывая тенденцию современных женщин к реализации в профессиональной деятельности, следует отметить, что языковое сознание концептуализирует женскую ментальность с позиции уверенности, независимости, желая оказывать заметное влияние на жизнь общества. В ходе контекстуального анализа были выделены такие должности и профессии, как *editor, politician,*

actor (pejor actress), playwright, director, chief executive, photographer, minister, engineer, fundraiser, которые подчеркивают высокую значимость карьерного успеха в жизни женщин, несмотря на то что эти лексические единицы четко указывают на гендерную асимметрию языка.

While the mind might instantly conjure up images of men in vans climbing poles and lifting manhole covers, *the reality is a number of those who kept Britain talking and Zooming were women* [Ibid.].

Natasha Carpenter was one of an army of telecoms engineers putting in “bigger pipes” for Vodafone... She left a “boring” admin job in an office 12 years ago to train as a telecoms engineer and now loves the challenge of every day being busy, and different [14].

Winsome Pinnock, *a black British female playwright* “I’ve been supported all my career, predominantly by women artistic directors” [15].

Слот № 2 «ментальность» также представляется возможным разбить на несколько блоков (терминалов): 1) система ценностей; 2) стиль поведения; 3) стереотипы поведения.

Первый терминал слота № 2, включающий ценностные характеристики женской ментальности, регистрирует тенденцию женщин откладывать рождение детей вследствие изменения релевантных ценностей. В настоящее время для женской ментальности приоритетным выступает карьерный фактор, что обуславливает повышенный интерес к образованию. Нацеленность на карьерный рост и достижение материального благополучия собственными усилиями доминируют над материнством.

In 2050, *will it be more normal for women in their 50s, or even 60s and beyond, to become mothers?* [14].

...generally, there will certainly be *more women having babies in their 40s*, unless there is a huge change in mindset [14].

The age at which women are having children is going up and up, and I can’t really see an end to that [Ibid.].

Второй терминал слота № 2 подчеркивает воинственный стиль женской ментальности. По мнению В. Ф. Нигматуллиной, женщина в современном обществе тесно связана с феминизмом и равенством с мужчинами [8. С. 112]. Благодаря достижению феминизма женщины получили доступ к мужскому миру конкуренции и новым профессиям. На первый план в современных англоязычных СМИ выступает отношение женщин к обществу:

1) Женщины борются за равноправие в профессиональной деятельности, что в настоящее время свидетельствует о высокой социальной активности.

Polly Kemp, *the actor and founder of gender equality campaign group Era 50:50*, said the research supported anecdotal accounts from female actors and directors, who have experienced sexism in UK theatre. “There’s still a sense that you’re taking a risk when you go with a woman,” she said. “The fact that we’re even still talking about it in 2020 should be shocking, but as an actor who is campaigning for increased representation, it doesn’t surprise me” [15].

The playwright Jennifer Tuckett said ACE (Arts Council England) needed to do more *to ensure gender equality* was being taken seriously at British theatres, and said the 10-year strategy did not offer any “concrete solutions” [15].

Rudd, who stepped down as an MP at the last election, was supposed to be interviewed about her earlier role as minister for women and equalities and was due to speak about *encouraging women to get into politics* [14].

Small shops and businesses run by women in London have been displaying messages of empowerment in their window fronts to celebrate International Women’s Day. Quotes and aphorisms have been written on glass panes throughout the capital this week as part of *a growing campaign to encourage female entrepreneurship*, ahead of the international day on Sunday [13].

2) Женщины стремятся брать инициативу в свои руки: в данном случае инициатива относится как к работе, профессиональной деятельности, так и к личной жизни. В языке появляются новые лексические единицы — например, понятие *girlpower* (из песни английской группы Spicegirls) обозначающее, что девушки должны перехватить инициативу в ухаживании [7. С. 69].

Women will continue to make strides in the workforce [14].

There are many recent examples of *high-profile women* who have decided to change things not by shouting the loudest or by drawing attention to themselves, but by *starting initiatives that promote other women*: take Reese Witherspoon’s multimedia brand, Hello Sunshine, Jameela Jamil’s «I Weigh» campaign (encouraging people to «weigh» their life achievements) and Sharon Horgan’s production company, Merman [14].

It’s a date that comes around only once every four years — February 29, Leap Day. It’s also a day that, for traditionalists, marks the day a woman is ‘allowed’ to propose to her partner. While, of course, *most of us believe that women can propose whenever and to whomever she pleases* [13].

3) Женщины стремятся быть независимыми: стремление к независимости проявляется в раз-

ных сферах жизни — от желания самостоятельно платить по счету в кафе *to go dutch* (быть в доле) до обращения Ms как к замужним так и к незамужним женщинам. Появление формы Ms было обусловлено стремлением женщин избегать упоминания о семейном статусе, поскольку форма Mr такой информации не содержит. Эта форма должна была вытеснить прежние формы обращения Miss и Mrs, однако этого пока не произошло [1. С. 43].

When I was a child in the 70s, it was common for me to be told to be quiet and stop showing off — at home, at school, by adults of all kinds. It was not until I was much older that I realised I was not being loud or showing off — I was just talking... [14]

Can anybody explain why, in this day and age, women are still asked on almost every form they fill in whether they are married or not? This is the only information that is gathered by asking women to opt for one of the “Mrs”, “Miss” or “Ms” options. In which scenario is this at all relevant? [Ibid.]

Ms Smith said: “Shannon (demolishing worker) has been working since she was 15... she was paying the majority of the bills and looking after her mum” [13].

Третий терминал слота № 2 включает стереотипное представление о женском поведении. К описанию стереотипного поведения представляется возможным отнести контексты, в которых женщины характеризуются как носители отрицательных качеств:

1) Женщины ведут себя неправильно: (a loud woman, a nagging wife).

Many women will say that they learned from an early age that *being loud* — whatever this means — *was not welcome behaviour* [14].

Most fundraisers are women. *It’s time to stop calling them ‘girls’ and expecting them to seduce donors* [14].

“I’ve no idea why, *you don’t have to be a man to hold a screwdriver*. When I turn up or call ahead on a job, people are really surprised a woman’s coming out to their site. A guy at a petrol station recently asked me to double check which pump I’d used because I was asking to pay for fuel at a pump next to a van with a ladder on top” [Ibid.].

2) Женщины подвергаются насилию и дискриминации: добившись юридического равноправия, женщины до сих пор являются объектом явлений дискриминации в частной и профессиональной сферах.

Hayes is a leading figure in the Million Women Rise march, for which thousands of women will head to central London on Saturday *to protest against violence against women and girls* [Ibid.].

Today's charity fundraisers are largely women — 76%, according to the Institute of Fundraising. But even in a female-dominated profession, *glass ceilings and everyday sexism still exist* [14].

Women miss out on bonuses and promotions into leadership as they balance work and family [14].

...why has Dr Katie Bouman's name fallen into a black hole? The New York Times had not mentioned her in its article on the team that captured the first photo of one, though a number of male colleagues got their names in print [13].

The girls were paid terrible compared to the men. It makes you feel stupid [15].

Заключение

Фрейм гендерного концепта «женская ментальность» включает такие параметры (сферы), которым женщины в настоящее время уделяют большое внимание. Семейно-родственный статус, материнство, как показало проведенное исследование, не является приоритетным для феномена «женская ментальность». Профессиональная деятельность женщин акцентирует серьезный сдвиг ролевых отношений — с домохозяйки на деловую (работающую) женщину, что влечет за собой существенное изменение женской ментальности. Ментальность как социальный феномен подвергается изменению, хотя изменения

в ней происходят медленно [3. С. 17]. Понадобилось несколько веков, чтобы стереотипные представления о женской ментальности, ограничившей деятельность женщин семьей, детьми, домом, бытом, изменились в пользу независимости, феминизма, равенства с мужчинами, карьерных успехов.

В результате контекстуального анализа текстов англоязычных СМИ и когнитивного моделирования представляется возможным выделить следующие релевантные характеристики фреймовой организации гендерного концепта «женская ментальность»: фрейм состоит из двух основных слотов (субфреймов), которые разбиваются на несколько блоков, меньших по объему. Гендерный концепт «женская ментальность» основан на фундаментальной оппозиции «мужское» — «женское». Однако анализ фактического материала показал, что современная женская ментальность стремится избегать поляризованных отношений «мужчина» — «женщина» и выступает против гендерной дискриминации. Многослойность и изменчивость первого слота гендерного концепта влияют на содержание второго слота данного концепта. Содержание гендерного концепта претерпело значительное изменение в современном обществе, что является следствием изменения социальной роли женщины как носительницы женской ментальности.

Список литературы

1. Архипенко О. С., Никитинская Л. В. Национально-культурная специфика концепта «Woman» как выражение английской ментальности // Актуальные вопросы когнитивной лингвистики. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2011. С. 38—43.
2. Буянова А. Ю., Начкебия Э. В. Ментальность как лингвистическая категория // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 4 (33). С. 82—85.
3. Горбенко А. Ю., Демкина Е. В. Генезис и сущность понятий «ментальность», «социальная ментальность» // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2015. Вып. 4 (169). С. 15—22.
4. Гриценко Е. С. Язык. Гендер. Дискурс. Н. Новгород, 2005.
5. Гуревич А. Я. Книга Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989. С. 75—89.
6. Деткова В. А. Отражение женской ментальности в русских и английских поговорках семантической группы «семейные отношения» как иллюстрация национального характера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34), ч. 3. С. 53—57.
7. Коногорова А. В. Концепт «женщина» // Вестник Бурятского гос. пед. ун-та. Языкознание и литературоведение. 2010. № 11. С. 66—69.
8. Нигматулина В. Ф. Концепт «женщина» в представлении англоговорящих реципиентов (на примере мужских анкет) // Язык. Культура. Коммуникация. Ульяновск, 2008. С. 109—114.
9. Минский М. Фреймы для представления знаний. URL: <https://litres.ru/M/minskij-marvin...predstavleniya-znaniy> (дата обращения 24.07.20).
10. Пицун М. А., Рогозина И. В. Гендерные стереотипы и гендерные когнитивные эталоны. Вопросы терминологии. URL: <file:///C:/Users/Admin/Downloads/givl.pdf> (дата обращения 04.05.2018).
11. Стрельник О. Н. Ментальность как проблема философии и науки // Вестник РИДН. Сер.: Философия. 2016. № 1. С. 35—43.

12. Collins Concise Dictionary. Harper Collins Publ., 1999. 1740 p.
13. The Evening Standard. URL: www.standard.co.uk (дата обращения 03.08.20).
14. The Guardian. URL: www.guardian.co.uk (дата обращения 01.08.20).
15. The Observer (дата обращения 27.01.20).

Сведения об авторах

Королева Ольга Петровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Высшей школы перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия. Queen19@mail.ru

Коробова Наталия Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Высшей школы лингвистики, педагогики и психологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия. nataliekorobova2017@inbox.ru

Цыбина Надежда Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Высшей школы лингвистики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия. tsnadezhda@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 1 (447). *Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 82—88.*

COGNITIVE MODELLING OF THE GENDER CONCEPT “FEMALE MENTALITY”

O. P. Koroleva

Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia. Queen19@mail.ru

N. V. Korobova

Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia. nataliekorobova2017@inbox.ru

N. A. Tsybina

Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia. tsnadezhda@yandex.ru

The article deals with the ways of structuring the gender concept “female mentality” in English-speaking mass-media from the perspective of cognitive modeling. The cognitive model of the gender concept has a hierarchical frame structure revealing its contents by means of filling in the slots of the frame. The gender concept «female mentality» dealing with the opposition “man — woman” is based on stereotypes which are maintained or violated in modern society. The analysis of the material enables to describe the characteristic features of the phenomenon of female mentality in texts of mass-media and come to the conclusion that contemporary female mentality aims at opposing polarized relations and gender discrimination. The contents of the gender concept “female mentality” reveal the changes it has undergone.

Keywords: *gender, concept, mentality, frame, cognitive modeling, stereotype.*

References

1. Arhipenko O. S, Nikitinskaja L. V. (2011) Nacional’no-kulturnaja specifika koncepta Woman kak vyrazhenije anglijskoj mentalnosti [The national-cultural peculiarity of the concept Woman as a means to express English mentality]. *Aktual’nyje voprosy kognitivnoj linvistiki* [Actual questions of cognitive linguistics]. Cheboksary. Pp. 38—43 [in Russ.].
2. Buyanova A. Yu., Nachkebija E. V. (2009) *Kul’turnaja zhizn’ yuga Rossii*, no. 4 (33), pp. 82—85 [in Russ.].
3. Gorbenko A. Yu., D’emkina E. V. (2015) *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (169), pp. 15—22 [in Russ.].
4. Gricenko E. S. (2005) *Yazyk. Gender. Diskurs*. [Language. Gender. Discourse]. N. Novgorod. 267 p. [in Russ.].
5. Gurevich A. Ya. (1989) *Kniga vseobshhaja istorija: disskussii, novyje podhody* [The book of world history: discussions, new approaches]. Iss. 1. Pp. 75—89 [in Russ.].

6. Detkova V. A. (2014) *Filologičeskije nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 4 (34), pp. 53—57 [in Russ.].
7. Konogorova A. V. (2010) *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. Serija: Jazykoznanije i literaturovedenije*, no. 11, pp. 66—69 [in Russ.].
8. Nigmatulina V. F. (2008) Koncept «zhenshhina» v predstavlenii anglogovorjashih recipientov (na primere mužskih anket) [Concept «woman» in the representation of English-speaking recipients (on the example of men's questionnaires)]. *Jazyk. Kul'tura. Kommunikacija* [Language. Culture. Communication]. Ul'janovsk. Pp. 109—114 [in Russ.].
9. Minskij M. Frejmy dlja predstavlenija znaniy. [Frames for presentation of knowledge]. Available at: <https://litres.ru/M/minskij-marvin...predstavleniya-znaniy>, accessed 24.07.20 [in Russ.].
10. Picun M. A., Rogozina I. V. Gendernyje stereotypy i gendernyje kognitivnyje etalony [Gender stereotypes and gender etalon]. Available at: <file:///C:/Users/Admin/Downloads/givl.pdf>, accessed 04.05.18 [in Russ.].
11. Strel'nik O.N. (2016) *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Filosofija*, no. 1, pp. 35—43 [in Russ.].
12. Collins Concise Dictionary. Harper Collinns Publ., 1999. 1740 p.
13. The Evening Standard. Available at: <http://www.standard.co.uk>, accessed 03.08.20.
14. The Guardian. Available at: <http://www.guardian.co.uk>, accessed 16.02.2019.
15. The Observer, accessed 27.01.20.

ТИПОЛОГИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ РОЛЕЙ АКТАНТОВ ПРЕДИКАТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

О. А. Кукатова

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

Статья посвящена понятию семантической роли и ее интерпретации в рамках теории предикатно-аргументной структуры высказывания, а также принципам выделения семантических ролей актантов предикатов, их составу и численности. Представлены существенные различия в подходах к описанию семантической структуры высказывания: формальный, логический, коммуникативно-прагматический, предикатно-аргументный.

Ключевые слова: *семантическая роль, предикат, агенс, пациенс, локатив, экспериент, каузатор, адресат, бенефициант, комитатив.*

Введение

Типология семантических ролей предикатов в лингвистической литературе рассматривается прежде всего в связи с проблемами описания семантической структуры предложения. Среди наиболее актуальных проблем, относящихся к семантической стороне предложения, можно назвать такие, как определение понятия семантической структуры предложения, выявление и характеристика отдельных структурных элементов и их соотношение.

В изучении семантической структуры предложения сложилось несколько отличных друг от друга подходов: формально-семантический, логический, коммуникативно-прагматический, предикатно-аргументный.

В «Русской грамматике» (1980) предложен формально-семантический подход, который предполагает «взаимное действие» семантики структурной схемы и лексических значений слов, заполняющих эту схему [30. С. 123—126]. Значения, которые формируются на основе такого взаимодействия, Н. Ю. Шведова называет «категориями семантической структуры предложения, или его семантическими компонентами» [Там же. С. 124]. Под семантическими компонентами понимаются предикативный признак, субъект и объект предложения, которые также находятся во взаимодействии. Исследователь отмечает, что семантическая структура простого предложения может содержать как элементарные семантические категории (предикативный признак, субъект и объект предложения), так и неэлементарные (семантические компоненты с определительными и обстоятельно-определятельными значениями) [Там же. С. 125].

К подходу, предложенному Н. Ю. Шведовой, близки и работы Н. Н. Арват. В них семантическая структура предложения описывается с опорой на такие категории, как субъект, предикат, локализатор, атрибут и другие, которые, взаимодействуя, отражают «связь типизированных элементов действительности» [5. С. 33]. Семантические компоненты организованы на иерархических условиях: базовые (субъект и предикат) и дополнительные, специфика которых предопределяет семантические типы предложений [Там же].

Логический подход предполагает установление соответствия семантической структуры предложения структуре мысли [9]. При таком подходе основной задачей в изучении смысла предложения становится определение логико-синтаксических начал, то есть типов отношений между логическим субъектом и логическим предикатом. Н. Д. Арутюнова выделяет следующие типы отношений: логическое отношение идентификации (тождества) (*Автор книги — Иван*), логическое отношение экзистенции (бытийности) (*Ночь*), логическое отношение номинации (*Это Сергей*), логическое отношение характеристики (*Сергей — студент*) [Там же].

Коммуникативно-прагматический подход, реализованный в работах Е. В. Падучевой, ориентирован на установление соответствия ролевой структуры высказывания его коммуникативной структуре¹, которая характеризует центр (фокус) и периферию зоны внимания говорящего [26. С. 23; 28. С. 51—78]. Участники, соответствующие обстоятельством членам предложения, как правило, находятся в зоне периферии [27. С. 22]. В Фокусе внимания

¹ Ср. сходное понятие «перспектива» Ч. Филлмора [33. С. 524—529].

говорящего находятся участники, соответствующие таким членам предложения, как подлежащее и дополнение. Таким образом, при этом подходе объектом рассмотрения является не пропозициональная структура предложения, а диатеза — высказывание, задающее фокусировку внимания на том или ином участнике ситуации [28].

Предикатно-аргументный подход (или пропозициональный) был предложен в работах У. Чейфа, Ч. Филлмора, В. Г. Гака и др. [4; 11; 31—36]. Он предполагает разграничение поверхностно-синтаксической и глубинно-семантической структуры высказывания. При этом под поверхностно-синтаксической структурой понимаются глагол и его распространители. Глубинно-семантическая структура трактуется как отношение между предикатом и его актантами (аргументами, участниками, партиципантами), получающими семантическую интерпретацию в терминах семантических ролей (глубинных падежей, семантических актантов, семантических валентностей, семантических аргументов, релятем).

Особенностью предикатно-аргументного подхода является то, что он связывает семантическую структуру высказывания, с одной стороны, с семантикой предиката — с другой, с определенным составом и содержательными характеристиками актантов, названными семантическими ролями. С помощью языковых средств семантические роли по-разному интерпретируются в поверхностно-синтаксической структуре высказывания и приписываются актантам предиката. Однако непосредственно природа семантической роли понимается исследователями по-разному. Так, по мнению Ч. Филлмора и У. Чейфа, семантические роли рассматриваются в качестве компонентов глубинно-семантической структуры предложения, соотносимых с участниками некоторого положения дел и находящихся в определенном отношении к предикату [33. С. 400—419; 35. С. 113—123]. Развитие этой идеи наблюдаем в работах Е. В. Падучевой, которая отмечает, что семантическая роль «характеризует участника ситуации на денотативном уровне, то есть с точки зрения места соответствующего объекта в обозначаемой глаголом ситуации», в соответствии с этим «содержание семантической роли является частью толкования глагола» [26]. Например, «Агенс — это тот, кто действовал. Участникам Место, Исходный и Конечный пункт соответствуют компоненты 'быть в Месте' и 'перемещаться из/в Месте'. Эксперименту соответствует компонент 'X воспринимает (видит, слышит, ощу-

щает)» [Там же. С. 23]. К определению, предложенному Е. В. Падучевой, близка дефиниция, сформулированная В. А. Плунгяном, согласно которой семантическая роль «является частью семантики предиката и отражает общие свойства участников определенных групп ситуаций» [29. С. 164]. С точки зрения Н. Н. Грідневой, семантические роли «отражают отношения между предикатом и именной группой» [16. С. 30]. Предикатами называют «особые семантические сущности» [12. С. 8], которые могут быть выражены различными частями речи. Предикат включает в себе в свернутом виде набор всех обязательных семантических ролей, поэтому типология предложений на основе организации их смысла непосредственно связана с типом предиката и его семантическими признаками. В концепции И. П. Сусова сделана попытка представить семантику предложения как единство трех уровней: реляционного, предикационного и уровня выражения логической (мыслительной) структуры предложения. На реляционном уровне, определяемом как мыслительное отражение ситуации, в качестве компонентов смысла выделены *релятемы*, соотносимые с понятием семантической роли [31].

Таким образом, предикатно-аргументный подход к изучению семантической структуры высказывания позволяет установить соотношение между семантической структурой предиката и зависимыми от него семантическими ролями, выявить типологию семантических ролей при определенном типе предиката и показать их своеобразие, полнее и точнее описать семантическую структуру предложения, поставить вопрос об особенностях соотношения глубинно-семантической структуры предложения и его поверхностно-синтаксической структуры.

Семантические роли и их интерпретация в рамках теории предикатно-аргументной структуры высказывания

В лингвистической литературе актанты понимаются либо как формальные сущности, либо как семантические. Наиболее дискуссионным представляется вопрос об основаниях выделения, составе и численности семантических ролей актантов предикатов. Первоначально этот аспект изучения семантических ролей нашел свое отражение в работе Л. Теньера [32], где глагол понимается как структурный центр предложения, а актант характеризуется с семантической точки зрения, как «тот, который осуществляет действие» (субъект, первый актант),

«тот, который испытывает действие» (второй актант), «актант, в чью пользу или в ущерб которому совершается действие» [Там же. С. 124]. Ряд ученых отмечают, что при анализе конкретных примеров актанты трактовались Л. Теньером как формальные сущности, а не семантические [24. С. 73; 15]. В качестве компонентов глубинно-семантической структуры актанты интерпретируются в работах Ч. Филлмора, который предложил типологию семантических ролей в терминах глубинных падежей [33; 34]. Главным и основным принципом выделения того или иного глубинного падежа, по Ч. Филлмору, является принцип универсальности, подразумевающий наличие того или иного глубинного падежа во всех языках мира независимо от наличия в них грамматической категории падежа. В рамках же теории Московской семантической школы принято противопоставлять семантические актанты синтаксическим [3; 11; 15. С. 22; 31].

Разграничивая глубинный и поверхностный уровни структуры высказывания, Ч. Филлмор трактует семантическую роль как «глубинное синтаксико-семантическое отношение», понимаемое как отношение между глаголом и его именными группами (или придаточными предложениями), каждая из которых связана с глаголом логико-синтаксическим отношением. На поверхностно-синтаксическом же уровне семантическая роль кодируется каким-либо поверхностным падежом (падежной формой). Ч. Филлмор подчеркивает, что «объяснительная ценность универсальной системы глубинных падежей заключается в их синтаксической, а не в (просто) морфологической природе» [33. С. 400]. Первоначально Ч. Филлмор выделил шесть падежей: агентив, инструменталис, датив, фактив, локатив, объектив [Там же. С. 405—406]. В следующей работе ученого список семантических ролей был уточнен: вводится понятие *пациенса* и дается ему принципиально иное определение по сравнению с *объективом* — «предмет, который используется» [34. С. 523]. В связи с этим Ч. Филлмор отмечает, что семантическую роль объектива не следует смешивать с пациенсом — участником, подверженным изменению [Там же]. Например: а) *читать книгу, писать письмо, держать ручку, держаться за перила* (объект); б) *выпить воды* (пациенс).

Однако, как отмечают исследователи, Ч. Филлмор не сформулировал принципы описания содержания семантических ролей предикатов, не разграничил событийные и предметные роли. Неясными, по их мнению, остались принципы приписывания ролей,

не были учтены возможности изменения набора ролей в зависимости от изменения значения предиката [7. С. 301; 8. С. 119—120; 19]. Список семантических ролей, предложенный Ч. Филлмором, позднее изменился как в количественном, так и в качественном отношении, что зависело от целей исследования, количества задействованных языков, «порога дробности» [11. С. 66]¹. В целом варьирование количества и состава семантических ролей объясняется отсутствием единых критериев их выделения.

В современной лингвистической литературе существует три основных подхода к классификации семантических ролей: полевого, двухуровневый и поязыковой. В основу полевого и двухуровневого подходов положен принцип универсальности, предполагающий возможность описания семантической структуры высказывания с помощью некоторой системы семантических ролей, применимой к любому языку.

При полевым подходе все семантические роли могут быть рассмотрены как поле, имеющее ядерную и периферийную часть. В ядерную часть включены такие семантические роли, как агенс, пациенс, инструмент, экспериент, локатив, адресат, бенефициант, комитатив, присущие всем или большинству языков [11; 24; 31; 33—35]. Они являются наиболее важными для отдельного языка или языка вообще, отражают основные содержательные категории языка — субъект, объект, инструмент, деятель и др.

Так, *агенс* интерпретируется обычно как тот, кто действует сознательно, целенаправленно, «контролирует ситуацию» [2. С. 220; 20; 21. С. 17; 24; 27. С. 23; 33. С. 405; 35. С. 119]. А. Ф. Дремов отмечает, что агенс является инициатором некоторого события, а также интерпретируется как причина изменения другого участника [17]. Иная точка зрения высказана У. Чейфом, который включает характеристику «целеполагающий» и вводит характеристику «потенционность» (наличие энергии), и, соответственно, агенс может интерпретироваться и как одушевленный, и как неодушевленный [35. С. 128]. Ср.: а) Мальчик бежал и б) Огонь спалил дом, где актанты мальчик и огонь интерпретируются как агенсы. В. Ю. Копров различает три типа агенса: агенс-антропоним, агенс-зооним, агенс-каузатор. Агенс-каузатор имеет три субкатегории: агенс-причина (Пшеница погибла из-за сильного холода),

¹ В концепции Ю. Д. Апресяна фактор «порога дробности» означает, например, дробное представление локатива как начальной точки, конечной точки и места [См. об этом: 3. С. 126].

агенса-инструмент (Ураганом разрушило здание) и агенса-пациенс (Повалившись, дерево разбило машину) [23]. В отличие от агенса экспериент понимается как участник, получающий информацию, чувствующий [2. С. 221; 24; 26. С. 23; 33; 35. С. 167—170; 36. С. 10]. Например: «...Он поражается количеству церковных новостроек, растущих по Львову как грибы» (В. Сердюченко. Вторая мировая революция: война в Ираке // «Лебедь» (Бостон), 2003.07.07)¹.

Пациенс интерпретируется как «предмет, который используется» [34. С. 523], то есть испытывает действие со стороны другого участника, например агенса [35. С. 121—123]. Пациенс интерпретируется также и как гиперроль, то есть семантическая роль, объединяющая в себе значения двух и более семантических ролей, например объекта и собственно пациенса: *Я читаю книгу* (объект) и *Я разлил воду* (пациенс) [22. С. 187; 26. С. 23; 36. С. 9—10].

Инструмент интерпретируется как неодушевленный предмет, с помощью которого нечто осуществляется, то есть не является «инициатором действия» [35. С. 176], «не претерпевает изменений» [20]. Однако в трактовке этой роли имеются и расхождения. Инструмент трактуется либо как участник, «включенный в действие или состояние... в качестве его причины» [33. С. 405], либо не являющийся причиной чего-либо [2. С. 221; 24; 35. С. 176]. Например: *Он режет хлеб ножом*. В данном случае актант *ножом* может интерпретироваться как участник, с помощью которого осуществляется действие. Ср.: *Лодку унесло ветром*, где актант *ветром* понимается как причина действия *унесло*.

Локатив интерпретируется как место (или иначе — местоположение) [2. С. 221; 33. С. 406]. Например: *Я стоял у смотровой щели в предельной боевой готовности, фиксировал бритоголового и амбала и не мог не возмущаться бездействием помощника коменданта* (В. Богомолов. Момент истины (В августе сорок четвертого...)).

Под **адресатом** понимается актант, на который действие направлено «через воздействие на прямой объект» [13. С. 39]. Ср.: а) *Игорь написал письмо брату*. В то же время такие семантические роли, как реципиент — «получатель материального объекта (*отдать письмо брату*), дестинатив — «лицо или предмет, которому предназначается какое-либо действие или предмет» (*сделать*

для отца), включаются в семантическую роль адресата, интерпретируемую в этом случае как гиперроль [Там же]².

Бенефициант определяется как тот, кто теряет, приобретает, владеет чем-то [35. С. 176], а также «является лицом, которое извлекает выгоду» [Там же. С. 171]. Например: *Сочинили липовую историю о том, что у меня есть в собственности здание, которого у меня не было* (А. Братерский, С. Прилукин. Политический пристав Разин Андрей (2002) // «Известия», 25.11.2002).

Комитатив обычно понимается как семантический падеж сопровождения, обычным способом маркирования которого является предлог *с* + творительный падеж. С точки зрения иерархии ролей комитатив является периферийной семантической ролью. Ср. 1а) *Игорь с другом (мамой) поехали в горы*, где возможна трансформация 1б) *Игорь и его друг (мама) поехали в горы*. 2а) *Игорь с подарком идет в школу* при невозможности 2б) *Игорь и подарок идут в школу* [10. С. 50]. Иным является определение этой роли по отношению к другому основному участнику, как выполняющему ту же роль, что и участник, находящийся в позиции подлежащего [Там же]. Таким образом, «комитатив не соответствует никакой фиксированной роли: участник ситуации, маркированный комитативом, имеет одинаковую семантическую роль с одним из остальных участников», так как совместность не является конституирующим признаком комитативной конструкции [Там же. С. 43].

К периферийным ролям отнесены такие, как контрагент, медиатив, элементатив, ономасиатив и др.

Контрагент интерпретируется как «активный участник такой ситуации, в которой принимает участие еще один активный субъект, причем действия этих двух участников не совпадают: предикат описывает полностью только деятельность субъекта, но не деятельность контрагента» [3. С. 128]. Например, в ситуации купли-продажи: субъект покупает, а контрагент продает.

Медиатив — средство [11. С. 176]. Например: *Он чистит поверхность порошком (гелем)*.

Элементатив — неодушевленный производитель действия. Например: *Ветер (ураган) открыл окно* [Там же].

Ономасиатив — «семантическая роль названия, прозвища». Например: *роман «Война и мир»* [Там же].

¹ Все примеры из художественной речи и публицистики извлечены из картотеки Национального корпуса русского языка (www.ruscorgora.ru).

² На общность семантических ролей реципиента и адресата указывает также А. В. Архипов [10. С. 50].

Двухуровневый подход к описанию системы семантических ролей предложен В. Валиным и У. Фоли. Исследователи считают, что ролевую структуру предложения организуют предикат и приписываемые участникам ситуации семантические роли. Ученые разграничивают базисный (непроизводный) и производный уровни. Базисный и производный уровни соотносятся как понятие рода (более общее) и понятие вида (частное). Базисный уровень (то есть исходный) формируют две семантические роли: актер и претерпевающий, из которых актер способен «вызывать и контролировать ситуацию», а претерпевающий «не обуславливает и не контролирует ситуацию» [14. С. 384]. Производными от актора являются агенс, сила, экспериент и другие, производными от претерпевающего являются пациенс, объект и пр. Таким образом, роли агенса, пациенса и экспериента составляют производный уровень. Семантические роли базисного уровня называются гиперролями. Например: 3а) *Ученик читает книгу* и 3б) *Он восхищается пейзажем*, где актанты *ученик* и *он* — акторы, однако предикат *читать* предполагает активного, деятельного участника ситуации, соответственно, участнику *ученик* приписывается роль агенса, тогда как в 3б актант *он* является неактивным, чувствующим участником, которому приписывается роль экспериента; в 3а актант *книга* — пациенс, в 3б актант *пейзаж* — объект. По мнению исследователей, бинарное противопоставление актора и претерпевающего является тем «организующим принципом» ролевой системы языка, который позволяет наиболее адекватно описать ролевую структуру предложения. Основное отличие в интерпретации системы семантических ролей В. Валина и У. Фоли в том, что семантические роли здесь «рассматриваются не как простейшие исходные понятия, а скорее как производные отношения» [Там же. С. 387].

Система семантических ролей, предложенная В. В. Богдановым¹, в основном совпадает с классификациями Ч. Филлмора, У. Чейфа и др. Это агент, пациент, бенефициант, экспериент, объект, перцептив (выступающий «объектом физиологического или психического действия или состояния»), инструмент, медиатив, элементатив, ономасиатив, результатив («результат действия предиката») и др. Она основана на признаке оду-

¹ В. В. Богданов предложил набор семантических ролей, выделенных на материале русского, немецкого, испанского и английского языков.

шевленности/неодушевленности. Так, к одушевленным относятся агент, пациент, бенефициант, экспериент; к неодушевленным — объект, инструмент, медиатив, элементатив. Такие роли, как перцептив, ономасиатив, локатив, результатив и другие, охарактеризованы как одушевленные/неодушевленные. В список ролей В. В. Богданов не включает событийные роли типа каузатора, цели и др. [11. С. 52—55]².

Вслед за Ч. Филлмором, И. П. Сусов приписывает семантические роли участникам ситуации и в соответствии с этим выделяет исходный предмет, которому приписывается семантическая роль агенса, замыкающий предмет, которому приписывается семантическая роль пациенса; связь между ними определяется как отношение активного деятеля и предмета действия агенса. Сопутствующий предмет — тот, «который участвует в отношении косвенно, не будучи ни источником, ни конечной точкой» [31. С. 18]. Основанием выделения указанных типов семантических ролей в высказывании, по мнению И. П. Сусова, является представление о том, что «всякое отношение направлено, то есть исходит из какой-то точки и замыкается в другой точке». Другими словами, сама структура ситуации, существующая в объективной действительности, диктует выделение нескольких типов семантических ролей [Там же].

Классификация типов семантических ролей предикатов, разработанная Ю. Д. Апресяном, включает 25 типов семантических ролей. В ней отдельно представлены исходные и производные друг от друга семантические роли. Так, конечная и начальная точка, маршрут, источник производны от места, цель — от содержания и результата, адресат и посредник — от субъекта, условие, мотивировка, результат — от причины. Выделяются и синкретические роли, то есть такие, которые содержат в себе значения сразу двух семантических ролей. Это, например, роли инструмента и места (*ехать на поезде*) [3. С. 130].

В отличие от полевого и двухуровневого подходов к классификации ролей языковой подход учитывает не только принципиальную множественность семантических ролей, но и все возможные способы их поверхностного оформления в данном

² Сходной по составу является система семантических ролей, предложенная Л. П. Ивановой, включающая десять наименований (агент, пациент, бенефициант, объект, инструмент, медиатив, ономасиотив, локатив, датив, темпораль) [18. С. 118—119]

языке Т. Б. Алисова подчеркивает, что критерием выделения семантической роли «будет сумма всех ее возможных оформлений, а для характеристики функционального диапазона — учет всех ее значений» [1. С. 42].

Заключение

В ряду различных подходов к описанию семантики высказывания предикатно-аргументный подход отличается тем, что представляет семантику высказывания как результат взаимодействия семантики предиката и семантических ролей его актантов.

Семантические роли актантов коррелируют с семантической структурой предиката. В соответствии с этим предикаты, относящиеся к различным семантическим типам, имеют различный набор семантических ролей в падежной рамке. В свою очередь предикаты одного класса имеют один и тот же набор семантических ролей.

Семантические роли актанта представляют собой систему. Важными системообразующими факторами являются их совместимость, возможность наделения двух участников одной и той же семантической ролью, одного участника двумя семантическими ролями, а также возможность расщепления семантической роли.

Существуют различные подходы к описанию системы семантических ролей: полевой, двухуровневый и языковой.

Полевой и двухуровневый подходы к описанию системы семантических ролей различаются степенью точности и детализации. Ядерная и периферийная часть состава семантических ролей дает возможность увидеть все их разнообразие, что позволяет описать особенности ролевой структуры актантов предикатов конкретных языков.

Двухуровневая система описания семантических ролей более компактна и получает развертывание именно при исследовании какого-либо конкретного языка. Что касается языкового подхода, то критерии такой классификации позволяют сделать систему семантических ролей конкретного языка максимально подробной и точной.

Несмотря на разность взглядов, общим для всех концепций является акцентирование внимания на проблеме классификации семантических ролей актантов предикатов, их свойств, характеризующих семантическую роль по отношению к предикату; соотношения семантической структуры предиката и семантических ролей актантов, а также семантической роли и ее синтаксического актанта.

Список литературы

1. Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М.: Либроком, 2009. 296 с.
2. Альтман И. В. Исследование семантики трехчленных конструкций // Проблемы структурной лингвистики — 1976 // Сборник научных трудов. М.: Наука, 1978. С. 215—233.
3. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. М.: Школа «Языки рус. культуры» РАН, 1995. 472 с.
4. Апресян Ю. Д. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов // Проблемы типологии и общей лингвистики. Международный конгресс, посвященный 100-летию А. А. Холодовича: сб. науч. тр. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 15—27.
5. Арват Н. Н. Семантическая структура простого предложения в современном русском языке. Киев: Вища шк., 1984. 157 с.
6. Арутюнова Н. Д. О номинативном аспекте предложения // Вопросы языкознания. 1971. № 6. С. 63—73.
7. Арутюнова Н. Д. Синтаксис // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. С. 259—343.
8. Арутюнова Н. Д. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора // Вопросы языкознания. М., 1973. № 1. С. 117—124.
9. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2003. 383 с.
10. Архипов А. В. Типология комитативных конструкций: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 191 с.
11. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 203 с.
12. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7—85.

13. Бутова А. Ю. К вопросу об основных типах актантов в русском языке // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23—25 мая 2006 г.): тр. и материалы: в 2 т. Т. 2. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. 41. URL: http://www.kls.ksu.ru/boduen/bodart_3.php?d=8&num=4000000.
14. Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Синтаксические теории в американской лингвистике: сб. науч. тр. Вып. 11. М.: Прогресс, 1982. С. 376—410.
15. Гак В. Г. Актант // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Рос. энцикл., 1998.
16. Гриднева Н. Н. Основы семантики синтаксиса: учеб. пособие по теоретич. грамматике англ. яз. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. 48 с.
17. Дремов А. Ф. Системная теория падежей и ее место в эволюции взглядов на падеж в лингвистике XX века. URL: www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/morfolog.doc.
18. Иванова Л. П. Структурно-функциональный анализ простого предложения. Киев: Выща школа, 1991. 180 с.
19. Кацнельсон С. Д. Заметки о падежной теории Ч. Филлмора // Вопросы языкознания. 1988. № 1. С. 110—117.
20. Кибрик А. Е. Лютикова Е. А. Общий синтаксис. URL: <http://www.philol.msu.ru/~otpl/new/main/courses/syntax/php/>.
21. Кибрик А. Е. Агенс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Рос. энцикл., 1998.
22. Коломацкий Д. И. Дистрибуция русских пассивных форм: корпусное исследование: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 335 с.
23. Копров В. Ю. Лексико-грамматические разряды существительных и типология агенса // Живое русское слово: сб. науч. ст. в честь юбилея проф. Т. Г. Аркадьевой. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. С. 48—52.
24. Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г. Падежная грамматика // Современные зарубежные грамматические теории: сб. науч. тр. М.: ИНИОН, 1985. С. 68—109.
25. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славян. культуры, 2006. 512 с.
26. Падучева Е. В. Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1997. № 2. С. 23—28.
27. Падучева Е. В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 3—23.
28. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славян. культуры, 2004. 608 с.
29. Плунгян В. А. Общая морфология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
30. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 2. 709 с.
31. Сусов И. П. Семантическая структура предложения. Тула: ТулГУ, 1973. 141 с.
32. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 653 с.
33. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М.: Прогресс, 1981. С. 369—495.
34. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М.: Прогресс, 1981. С. 496—530.
35. Чейф У. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 430 с.
36. Широглазова Н. С. Система глубинных падежей и средства их выражения: автореф. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2004. 20 с.

Сведения об авторе

Кукатова Ольга Алексеевна — доцент кафедры русской филологии Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан. kukatova.olga@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 1 (447). Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 89—97.

TYPOLOGY OF SEMANTIC ROLES OF ACTORS PREDICATES IN MODERN LINGUISTIC SCIENCE

O. A. Kukatova

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan. kukatova.olga@mail.ru

The article is devoted to the concept of semantic role and its interpretation within the framework of the theory of predicate-argument structure of utterance, as well as to the principles of distinguishing semantic roles of predicate actants, their composition and number. The article describes the essential differences in approaches to describing the semantic structure of a statement: formal, logical, communicative-pragmatic, predicate-argumentative. Attention is focused on the problem of classification of semantic roles of predicate actants, their properties, the relationship of the semantic structure of the predicate and the semantic roles of actants. These directions in the description of the system of semantic roles reflect an attempt to comprehensively analyze the semantic structure of the utterance, but leave open the question of the composition and number of semantic roles of a particular language and human language in General. Semantic roles that reflect the most important content categories of any language include Agent, Tool, Patient, locative, Addressee, Experiment, and Beneficiary.

Keywords: *semantic role, predicate, Agent, Patient, Locative, Experimenter, Causator, Addressee, Beneficiary, Comitative.*

References

1. Alisova T. B. (2009) *Ocherki sintaksisa sovremennogo ital'yanskogo yazyka* [Essays on the syntax of modern Italian]. Moscow, Librokom. 296 p. [in Russ.].
2. Al'tman I. V. (1978) *Issledovanie semantiki trekhchlennykh konstrukcij* [Study of the semantics of trinomial constructions]. *Problemy strukturnoj lingvistiki — 1976. Sb. nauch. tr.* Moscow, Nauka. Pp. 215—233 [in Russ.].
3. Apresyan Yu. D. (1995) *Izbrannye trudy. T. I. Leksicheskaya semantika* [Selected works. Vol. I. Lexical semantics]. Moscow, Shkola Yazyki russkoj kul'tury RAN. 472 p. [in Russ.].
4. Apresyan Yu. D. (2006) *Tipy sootvetstviya semanticheskikh i sintaksicheskikh aktantov* [Types of semantic and syntactic actants correspondence] *Problemy tipologii i obshchej lingvistiki. Mezhdunarodnyj kongress, posvyashchennyj 100-letiyu A. A. Holodovicha.* St. Petersburg: Nestor-Istoriya. Pp. 15—27 [in Russ.].
5. Arvat N. N. (1984) *Semanticheskaya struktura prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Semantic structure of a simple sentence in modern Russian]. Kiev: Vishcha shkola. 157 p. [in Russ.].
6. Arutyunova N. D. (1971) *Voprosy yazykoznanija*, no. 6. Pp. 63—73 [in Russ.].
7. Arutyunova N. D. (1972) *Sintaksis* [Syntax]. *Obshchee yazykoznanie. Vnutrennyaya struktura yazyka.* Moscow, Nauka. Pp. 259—343 [in Russ.].
8. Arutyunova N. D. (1973) *Voprosy yazykoznanija*, no. 1. Pp. 117—124 [in Russ.].
9. Arutyunova N. D. (2003) *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy* [Sentence and its meaning]. Moscow, Editorial URSS. 383 p. [in Russ.].
10. Arhipov A. V. (2005) *Tipologiya komitativnykh konstrukcij* [Typology of comitative constructions. Thesis]. Moscow. 191 p. [in Russ.].
11. Bogdanov V. V. (1977) *Semantiko-sintaksicheskaya organizaciya predlozheniya* [Semantic and syntactic organization of the sentence]. Leningrad. 203 p. [in Russ.].
12. Bulygina T. V. (1982) *K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke* [On the construction of predicate typology in the Russian language]. *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic types of predicates]. Moscow, Nauka. Pp. 7—85 [in Russ.].
13. Butova A. Yu. (2006) *K voprosu ob osnovnykh tipah aktantov v russkom yazyke* [On the question of the main types of actants in the Russian language]. *III Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniya: I. A. Boduen de Kurtene i sovremennye problemy teoreticheskogo i prikladnogo yazykoznanija (Kazan', 23—25 maya 2006): v 2 t. T. 2.* Kazan. S. 39—41. Available at: <http://www.kls.ksu.ru/boduen/bodart3.php?d=8&num=4000000> [in Russ.].

14. Van Valin R., Foli U. (1982) Referencial'no-rolievaya grammatika [Referential-role grammar]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Sintaksicheskie teorii v amerikanskoj lingvistike..* Vyp. 11 Moscow, Progress. Pp. 376—410 [in Russ.].
15. Gak V. G. (1998) Aktant [Actant]. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'*. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya [in Russ.].
16. Gridneva N. N. (2009) Osnovy semantiki sintaksisa [Basics of syntax semantics]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 48 p. [in Russ.].
17. Dremov A. F. Sistemnaya teoriya padezhej i ee mesto v evolyucii vzglyadov na padezh v lingvistike XX veka [System theory of cases and its place in the evolution of views on case in linguistics of the XX century] Available at: www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/morfolog.doc [in Russ.].
18. Ivanova L. P. (1991) Strukturno-funktional'nyj analiz prostogo predlozheniya [Structural and functional analysis of a simple sentence]. Kiev, Vyshcha shkola. 180 p. [in Russ.].
19. Kacnel'son S. D. (1988) *Voprosy yazykoznaniya*, no. 1, pp. 110—117 [in Russ.].
20. Kibrik A. E. Lyutikova E. A. Obshchij sintaksis [General syntax]. Available at: <http://www.philol.msu.ru/~otpl/new/main/courses/syntax/php/> [in Russ.].
21. Kibrik A. E. (1998) Agens [Agens]. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'*. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya [in Russ.].
22. Kolomackij D. I. (2009) Distribuciya russkih passivnyh form: korpusnoe issledovanie [Distribution of Russian passive forms: corpus research]. Moscow, 2009. 335 p. [in Russ.].
23. Koprov V. Yu. Leksiko-grammaticheskie razryady sushchestvitel'nyh i tipologiya agensa [Lexical and grammatical categories of nouns and typology of the agent]. *Zhivoe russkoe slovo*. St. Petersburg. Pp. 48—52 [in Russ.].
24. Kubryakova E. S., Pankrac Yu. G. Padezhnaya grammatika [Case grammar]. *Sovremennye zarubezhnye grammaticheskie teorii*. Moscow, INION, 1985. Pp. 68—109 [in Russ.].
25. Mustajoki A. (2006) Teoriya funkcional'nogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam [Theory of functional syntax: from semantic structures to linguistic means]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury. 512 p. [in Russ.].
26. Paducheva E. V. (1997) *Nauchno-tehnicheskaya informaciya. Ser. 2. Informacionnye processy i sistemy*, no. 2, pp. 23—28 [in Russ.].
27. Paducheva E. V. (1998) *Voprosy yazykoznaniya*, no. 5, pp. 3—23 [in Russ.].
28. Paducheva E. V. (2004) Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury. 608 p. [in Russ.].
29. Plungyan V. A. (2000) Obshchaya morfologiya [General morphology]. Moscow, Editorial URSS. 384 p. [in Russ.].
30. (1980) *Russkaya grammatika. T. 2* [Russian grammar. Vol. 2]. Moscow. 709 p. [in Russ.].
31. Susov I. P. (1973) Semanticheskaya struktura predlozheniya [Semantic structure of the sentence]. Tula, TulGU. 141 p. [in Russ.].
32. Ten'er L. (1988) Osnovy strukturnogo sintaksisa [Fundamentals of structural syntax]. Moscow, Progress. 653 p. [in Russ.].
33. Fillmor Ch. (1981) Delo o padezhe Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 10 [The case of the case. Iss. 10]. Moscow, Progress. Pp. 369—495 [in Russ.].
34. Fillmor Ch. (1981a) *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, iss. 10, pp. 496—530 [in Russ.].
35. Chej'f U. (1975) Znachenie i struktura yazyka [Language meaning and structure]. Moscow, Progress. 430 p. [in Russ.].
36. Shiroglazova N.S. (2004) Sistema glubinyh padezhej i sredstva ih vyrazheniya [System of deep cases and means of their expression]. Izhevsk, Udmurtskij gosudarstvennyj universitet. 20 p. [in Russ.].

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ДИСКУРСЕ СОВЕТСКИХ СМИ 1980—1990 ГГ.

И. А. Наумова, Н. С. Олизько

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются некоторые случаи использования прецедентных феноменов из сферы-источника «Иностранная литература» в советских средствах массовой информации 1980—1990 гг. с целью проведения дискурсивного, контекстуального, лингвистического и когнитивного анализа семантики и функциональных особенностей прецедентных феноменов, выступающих в качестве культурного знака, четко отражаемого представителями какого-либо национального сообщества и демонстрирующего национально-культурные особенности последнего.

Ключевые слова: *прецедентный феномен, сфера-источник, иностранная литература, прецедентный антропоним, цитирование СМИ 1980—1990 гг.*

Введение

Всестороннее изучение явления прецедентности в современной лингвистике не перестает быть актуальным. Как отмечается многими исследователями, это продиктовано объективной трудностью описания данного феномена в межкультурном контексте, необходимостью дополнения классификации прецедентных феноменов, а также уточнения определения данного термина и перечня функций. Тексты статей центральных советских газет и журналов («Известия», «Аргументы и факты», «Огонек» и др.) за 1980—1990 гг. представляют малоизученный с точки зрения прецедентности материал, что также подчеркивает актуальность данного исследования.

1. История возникновения проблемы и ее развитие

Ключевым термином прецедентности в филологии является термин «прецедентный текст», введенный Ю. Н. Карауловым в 1987 г., к которому он относит лично значимые тексты в познавательном и эмоциональном отношениях со сверхличностным характером [8. С. 215]. Д. Б. Гудков смотрит глубже на явление прецедентности и определяет прецедентный текст как «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; полипредикативную единицу, сумма значений компонентов которой не равна смыслу; текст хорошо знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества, обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и симво-

лы» [5. С. 54—55]. Исследователь Н. В. Иноземцева вносит некоторые уточнения в определение прецедентного текста, в результате чего появляется следующее определение: прецедентный текст: 1) хорошо известный представителю того или иного национально-культурного сообщества; 2) многократно воспроизводимый в речи часто в сжатой форме; 3) смысл которого не соответствует сумме значений составляющих его слов; 4) самодостаточный для понимания, то есть способный существовать без контекста [7].

Совершенно очевидно, что не только тексту может быть свойственна прецедентность, но и другим языковым явлениям. В результате более дискретного подхода к явлению прецедентности в филологии появляется понятие прецедентных феноменов. Так, Е. А. Нахимова говорит о том, что «прецедентные феномены — это феномены: 1) известные значительной части представителей лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым обнаруживается в речи представителей соответствующего лингвокультурного сообщества» [15. С. 174].

Применительно к прецедентности в российской печатной рекламе С. Л. Кушнерук определяет прецедентный феномен как ««пусковую кнопку» развертывания в большей или меньшей степени известного сценария, за которым закреплено устойчивое эмоциональное переживание (преимущественно позитивное), формирующее соответствующее отношение к рекламируемому товару или услуге» [10].

Р. З. Назарова, М. В. Золотарев дают следующее определение прецедентным феноменам: под прецедентными феноменами понимаются целостные единицы коммуникации, являющиеся апелляцией к прошлому явлению действительности и обладающие ценностной значимостью для отдельно взятой языковой личности или вплоть до лингвокультурного сообщества в целом [13. С. 22]. В рамках данной работы мы определяем прецедентный феномен как культурный знак, четко отражаемый представителями какого-либо национального сообщества и демонстрирующий его национально-культурные особенности.

2. Типология прецедентных феноменов

Традиционно выделяют три вида прецедентных феноменов: 1) социумно-прецедентные — феномены, известные любому представителю какого-либо социума, например, общие для всех медиков (профессиональный социум) или для всех православных (конфессиональный социум); 2) универсально-прецедентные — феномены, известные любому среднему современному человеку; 3) автопрецедентные — феномены, которые отражаются в сознании конкретного человека, опираясь на его личностную ориентацию [6. С. 103—104]. Данная классификация дополняется В. В. Красных национально-прецедентными феноменами [9. С. 174]. С. В. Банникова предлагает дополнить эту классификацию транснациональными прецедентными феноменами, поскольку они, по результатам исследования прецедентности русских и английских художественных текстов, обладают определенными когнитивными признаками, отличными от национальных прецедентных феноменов [1. С. 10].

Классификация единиц прецедентности также заметно расширилась в связи с изучением явления прецедентности в различных типах дискурсах. Так, И. В. Высоцкая предлагает выделять прецедентное название применительно к рекламным текстам с эргонимами, прецедентный знак, говоря о прецедентных буквосочетаниях, их лигатурах, прецедентных типографских символах, перешедших в разряд символов юникода, прецедентную трансформацию [3], а также такие единицы, как прецедентный стихотворный размер, прецедентная композиция, прецедентный стиль [4. С. 117—137].

Т. И. Тимофеева, проведя исследование прецедентных феноменов на материале англоязычных научных текстов экономической тематики, предлагает выделять прецедентные факты — «положения, хорошо известные представителям экономического

сообщества, не требующие дополнительных подтверждений и объяснений», и прецедентные теоретические и эмпирические прецедентные модели (схемы, диаграммы, графики, таблицы, уравнения, формулы и т. п.), которые широко используются, узнаются и правильно интерпретируются представителями научного экономического сообщества» [17. С. 11].

3. Функции прецедентных феноменов

Традиционный спектр функций прецедентных феноменов: оценочная, моделирующая, прагматическая, парольная, эстетическая, людическая, эвфемистическая [14. С. 216] — дополняется текстообразующей, смыслообразующей, структурообразующей, персуазивной функциями и функцией диалогизации [2]. М. В. Терских в рамках изучения прецедентности в рекламном дискурсе выделяет также делимитативную (адресация рекламы определенной референтной группе) и имиджеобразующую (ориентированную на создание позитивного имиджа) функции [16]. По наблюдениям Е. Н. Лучинской и Б. С. Кабаньян, общественно-политический дискурс является той средой, где активно проявляется идеологическая функция прецедентных феноменов [12. С. 114].

По мнению В. Л. Латышевой, эмотивно-убеждающая функция прецедентных феноменов является самой важной, и для ее успешной реализации необходимо, чтобы прецедентный феномен активизировал ряд других качественно важных функций, при реализации которых прецедентный феномен будет маркировать культурную идентичность, определенные стратегии при межкультурном и монокультурном общении, активизировать коллективное бессознательное, апеллировать к эмоциональной сфере коммуникантов, идентифицировать «своего» и «чужого», закреплять в культурной памяти носителей конкретной культуры сведения, максимально согласующиеся с ядерной частью образа мира, выступать средством апелляции к культурно значимым ценностям определенного лингвокультурного сообщества, а также станет средством социализации и аккумуляции языковой личности [11. С. 299].

4. Материал исследования

В данной работе мы рассматриваем прецедентные феномены из сферы-источника «Иностранная литература» в дискурсе советских СМИ 1980—1990 гг., разграничивая социумно-прецедентные, универсально-прецедентные и автопрецедентные

феномены и уточняя их функциональные особенности. Материалом для исследования стали прецедентные феномены, обнаруженные методом сплошной выборки в текстах статей высокотиражных центральных советских газет и журналов без ограничения тематики («Известия», «Аргументы и факты», «Огонек» и др.) за 1980—1990 гг. Для этих изданий характерен массовый охват читательской аудитории. Проанализировано 70 страниц печатного текста. Корпус отобранных прецедентных единиц составил 83 случая их употребления.

5. Лингво-когнитивный анализ прецедентных названий произведений иностранной литературы, используемых в текстах советских СМИ

Под прецедентными названиями понимаются названия прецедентных текстов, то есть текстов, «значимых для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; имеющих сверхличностный характер, то есть хорошо известных широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной личности» [8. С. 215].

Прецедентные названия зарубежных литературных произведений широко используются в публикациях советских средств массовой информации 1980—1990 гг. Это публикации, освещающие преимущественно политические и социально-экономические события стран НАТО, Варшавского договора, восточного мира, стран Азии и Африки.

В первом примере автор публикации использует название романа-эпопеи французского писателя Виктора Мари Гюго «Отверженные» в оригинальном виде для метафорической характеристики униженного положения южноафриканских горняков. Ср.:

Отверженные («Известия»)

Автор статьи в обличительной форме дает анализ бедственной ситуации, в которой находятся южноафриканские шахтеры, работающие на европейских сырьевых трейдерах, а также подвергает критике порядки буржуазного мира, его лицемерие, ложь, бездушие и жестокость. В этом нами усматривается переключка публикации с одной из главных проблем, которая освещается в романе Виктора Гюго «Отверженные», — неопостижимые лишения бедных. При помощи прецедентного названия литературного произведения

«Отверженные», которое мы относим к универсально-прецедентным феноменам, происходит реализация оценочной и идеологической функций.

Прецедентное название исторического романа Марка Твена «Принц и нищий» также является универсально-прецедентным феноменом и используется для оценочной метафорической характеристики процесса имущественного расслоения общества в США. Антитеза, заложенная в оригинальном заголовке литературного произведения, подчеркивает масштаб социального неравенства в этом обществе. Изменение грамматического числа оригинальных компонентов заголовка демонстрирует читателю охват, высокую степень вовлеченности населения Соединенных Штатов в этот процесс. Ср.:

Принцы и нищие сегодняшней Америки («АиФ», № 51, 1985)

Прецедентное название литературного произведения американского писателя Теодора Драйзера «Американская трагедия» используется в оригинальном виде Телеграфным агентством Советского Союза в новостной публикации, освещающей катастрофический подъем уровня преступности в США в целом и одно шокирующее криминальное событие в городе Сизтле. Статья прямо не указывает на место трагических событий, но современные источники говорят о том, что речь идет о массовом убийстве в подпольном игровом клубе «Ва Ми» с целью ограбления. Позднее эта акция получила название «Резня Ва Ми». Употребление советскими авторами новостного репортажа относительного прилагательного *американская* в контексте описания данных событий реализует оппозицию «мы — они». Здесь же следует отметить, что сочетание этого прилагательного с существительным в переносном значении с отрицательной коннотацией *трагедия* придает усиление оппозиции «мы — они» и дает более четкую репрезентацию контраста между жизнью в США и Советском Союзе. Также в данном прецедентном феномене заложены экспрессивный и оценочный векторы, что позволяет ему реализовывать экспрессивную, оценочную и аттрактивную функции. Ср.:

Американская трагедия («Известия», ТАСС, 22.02.1983)

Прецедентное название литературного произведения американского писателя Джона Стейнбека «Гроздь гнева» используется в качестве заголовка статьи о народных выступлениях против правящего режима военной диктатуры в Пакистане.

Данный универсально-прецедентный феномен активно поддерживает и передает критический настрой автора публикации относительно искусственно разжигаемого Вашингтоном индийско-пакистанского военного конфликта и попыток дестабилизации и без того кризисной ситуации вокруг демократического Афганистана. Универсально-прецедентный феномен здесь также развивает и усиливает эмоциональное воздействие на читателя публикации за счет заложенной в оригинальном названии романа интенсивной эмоциональной окраски, которая передается с помощью лексемы *гнев*. Таким образом, реализуется эмотивная и оценочная функции прецедентного феномена. Ср.:

Гроздья гнева (К. Гейвандов, «Известия», 26.10.1983)

В заголовке к аналитической статье о ливано-израильском конфликте используется прецедентное название повести американского писателя Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи» с лексической заменой. Замена последнего компонента заголовка *во ржи* на *в пустыне* позволяет читателю еще до прочтения понять географическую локацию описываемых международных политических событий. Отрицательная коннотация лексемы *пропасть* (Ср.: *быть на краю пропасти, чертова пропасть* [18]) распространяется на остальные компоненты заголовка и формирует представление читателя о геополитическом положении стран Ближнего Востока как крайне напряженном и неустойчивом. В целом использование универсально-прецедентного феномена в заголовке статьи создает предпосылки к метафорическому осмыслению затяжных военных конфликтов данного региона и реализации идеологической, эмотивной и оценочной функций. Ср.:

Над пропастью в пустыне (Е. Коршунов, «Известия», 28.05.1983)

Прецедентное название юмористического литературного произведения американского писателя Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» используется в видоизмененном виде. Следует отметить, что данный универсально-прецедентный феномен употребляется для описания советской действительности, причем в положительном ключе. Это становится возможным благодаря направленности литературного произведения, юмор которого имеет социально-психологическую и эстетическую, а не политическую основу. Ср.:

Трое в коляске, не считая игрушек (О. Сизова, «Известия» ТАСС)

В заголовке новостной публикации о появлении первой тройни в истории города Железногорска Курской области происходит лексическая замена обстоятельства места *в лодке* на *в коляске* и компонента деепричастного оборота *собаки* на *игрушек*. Обе лексемы-субститута входят в семантическое поле «Детство», что позволяет возникшему вновь заголовку органично встроиться в авторскую идею освещения достаточно неординарного события социального характера. Отметим также, что данные лексические замены сохраняют ритмический рисунок оригинального названия литературного произведения, в результате чего появляется совершенно прозрачная и легко узнаваемая отсылка к юмористическому произведению, что позволяет автору сформировать положительный эмоциональный вектор восприятия публикации.

В следующем примере аналогичный универсально-прецедентный феномен используется в публикации о чрезвычайном происшествии. Ср.:

Трое в лодке, не считая... молнии (А. Бадреев, «Известия»)

В фокус авторского внимания попадают трое отдыхающих, катающихся на лодке по Волге и попадающих в сильную грозу. В лодку ударяет молния и пробивает в ней днище. По счастливой случайности все обходится без человеческих потерь. Использование прецедентного названия литературного произведения, относящегося к жанру юмористической повести, для создания анализируемого заголовка нацелено, на наш взгляд, на нивелирование трагичности описываемой ситуации. Лексическая замена компонента заголовка литературного произведения *собаки* на *молнии* и пунктуационное оформление заголовка публикации создает эффект обманутого ожидания, поддерживая тем самым читательский интерес к освещаемым событиям. Оба примера демонстрируют выполнение аттрактивной, людической и эмотивной функций.

6. Лингво-когнитивный анализ прецедентных имен собственных из произведений иностранной литературы, используемых в текстах советских СМИ

Прецедентное имя собственное (индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, или с прецедентной ситуацией) главного героя сатирического романа французского писателя XVI в. Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», повествующего о двух добрых великанах-обжорах, отце и сыне, используется

в метафорическом значении. С помощью данного прецедентного имени автор публикации критикует масштаб бюджетных расходов США на военные цели и дает ироническую оценку действиям министерства обороны этого государства, а использование лексемы *аппетит* во множественном числе при этом прецедентном имени добавляет высказыванию эмоциональности и экспрессии. Использование метафорического эпитета в виде словосочетания *астрономическая сумма* в сочетании с числительным *270 миллиардов* оправдывает авторский выбор прецедентного имени гротескного персонажа и иронические выпады в адрес военно-промышленного комплекса Соединенных Штатов. В целом данный прецедентный феномен мы определяем как социумно-прецедентный, который, тем не менее, выполняет целый спектр функций: номинативно-оценочную, аттрактивную и людическую. Ср.:

Пентагон обладает аппетитами Гаргантюа: он требует астрономическую сумму 270 миллиардов долларов (Л. Корявин, «Гаргантюа из Пентагона», «Известия»).

В заголовке публикации о проекте городка Жюль Верна используется прецедентное имя собственное главного героя приключенческих романов французского писателя Жюль Верна *Капитан Немо*. Городок Жюль Верна является подобием современных научных парков для детей, а идея аттракционов городка полностью основывается на произведениях писателя. По замыслу создателей городка, в центре должен находиться вулкан, который управляется компьютером с названием «Капитан Немо». Прецедентное имя литературного героя — инженера, изобретателя, конструктора, настоящего исследователя и ученого, увлеченного своим делом человека, в сочетании с заимствованным из английского неологизмом *компьютер* придает особый пафос заголовку и объективно отражает тему публикации: разработка городских общественных объектов, открывающих большое количество образовательных и научно-технических перспектив. Использование данного универсально-прецедентного феномена в заголовке публикации обеспечивает эффективное выполнение аттрактивной и людической функций. Ср.:

Компьютер капитана Немо (Ю. Коваленко, «Известия», 31.03.1986)

События о наращивании производственных мощностей в области разведки и добычи нефти в СССР публицисты описывают с привлечением прецедентного имени собственного главного героя

литературного произведения англо-ирландского писателя-сатирика Джонатана Свифта «Путешествия в некоторые удаленные страны мира в четырех частях: сочинение Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а затем капитана нескольких кораблей». Ср.:

«Табуретки» для Гулливера (З. Корявина, «Огонек», № 21, 1986)

Прецедентный антропоним *Гулливер* входит в состав заголовка в виде именного словосочетания и вступает в подчинительную связь с разговорно-маркированным *табуретки*. Этот компонент заголовка является метафорической репрезентацией сложных во всех отношениях гигантских технических конструкций — глубоководных опор для добычи нефти в Каспийском море. Второй компонент в виде прецедентного антропонима выполняет двойную функцию. Он метафорически описывает не только физические параметры опор, но и является средством положительной метафорической оценочности профессиональных и волевых качеств людей, которые их производят. В силу того, что работы ведутся с большими затратами сил, в крайне неблагоприятных климатических условиях, с известной степенью риска для здоровья, автор публикации использует прецедентный антропоним *Гулливер* с целью придания рядовым рабочим людям образа могучих героев производства текущего времени. Соответственно, данный универсально-прецедентный феномен выполняет идеологическую, номинативно-оценочную и аттрактивную функции.

Интересно представлен в советских СМИ прецедентный антропоним *Золушка* из популярной одноименной западноевропейской сказки, наиболее известной по редакциям Шарля Перро и братьев Гримм. Данный антропоним определяется нами как универсально-прецедентный феномен, в силу того что его связь с западноевропейской культурой уже утрачена и он используется авторами статей прежде всего как средство, позволяющее вызвать эмоционально-оценочный отклик у читателя. В следующем примере данный прецедентный антропоним является метафорической репрезентацией ребенка в публикации об использовании в семьях детского труда в капиталистических странах Европы. Положение детей, вынужденных работать в чужих семьях, а нередко еще и в чужих странах, чтобы финансово поддержать свои семьи, оказывается настолько плачевным, что они находятся на грани самоубийства. Прецедентный антропоним *Золушка* используется в метафорическом смысле, в основе прецедентности здесь лежит, несомненно, роль

прислуги, которую выполняет этот литературный персонаж, но, отметим, что в данном случае за основу прецедентности берется еще и морально-психологическое состояние. Будучи в подзаголовке статьи, сильной позиции текста, в совокупности со словосочетанием *рождественская история*, включающем семантику *волшебство*, *сказка*, и в сочетании с лексемой *современная* прецедентный антропоним *Золушка* усиливает степень читательской вовлеченности в проблему статьи и вызывает сопереживание описываемым событиям. Ср.:

Почти рождественская история про современную Золушку (В. Кузнецов, «Шаг к Роне», «Известия», 27.11.1983)

Аналогичный прецедентный антропоним может использоваться не только в отношении человека. В следующем примере перед нами заголовок публикации, где *Золушка* является средством метафорической оценки ситуации в медицине одного из периферийных регионов СССР. Кроме того, здесь прецедентный антропоним служит реализацией бинарной оппозиции «богатство — бедность». Ср.:

На положении Золушки (Р. Николаенко, «Известия», 1984)

Данные примеры демонстрируют реализацию номинативно-оценочной функции прецедентного феномена.

Прецедентный антропоним *Золушка* легко порождает примеры игры слов. Заголовок публикации о вопиющей ситуации с огромным количеством золошлаковых отходов, которое образуется в качестве побочного продукта на советских ТЭЦ в процессе сжигания угля, представляет собой случай подобной игры. Ср.:

Когда же зола перестанет быть Золушкой? (В. Щепоткин, «Известия», 05.01.1986)

В основе игры слов данного примера лежит использование однокоренных слов *зола* и *Золушка*. При помощи прецедентного антропонима и его созвучности лексеме, которой выражена центральная тема статьи, автор углубляет описываемую проблему. Остальные компоненты заголовка: вопросительное наречие *когда*, усилительная частица *же* и составное глагольное сказуемое *перестанет быть* — образуют риторический вопрос, который подчеркивает особое авторское внимание к ситуации и эмоционально выделяет ее. В целом этот прецедентный феномен выполняет людическую, аттрактивную, оценочную и смыслообразующую функции. Отметим, что все стилистические и синтаксические средства данного заголовка в совокупности нацелены на углубление анализи-

руемой проблемы, которая уже перешла в разряд наболевшей.

В следующем примере мы наблюдаем обращение советских СМИ к прецедентному антропониму романа «Приключения Тома Сойера» американского писателя Марка Твена. Данный прецедентный феномен мы определяем как универсально-прецедентный аналогично предыдущему примеру. Использование прецедентного антропонима *Том Сойер* происходит в сочетании урбанонимом *Констительюшн-авеню*, в результате чего перед читателем предстает совершенно непонятный контекст. Ср.:

Том Сойер с Констительюшн-авеню (А. Палладин, «Известия», 12.01.1982)

Том Сойер — образ, который воплощает лучшие черты юношества: смелость, сострадание, верность друзьям и авантюризм. Это герой с прекрасно развитыми предпринимательскими и организаторскими способностями. Том Сойер — провинциал, город, в котором он проживает, находится на периферии страны. Констительюшн-авеню, в свою очередь, находится в самом центре столицы США. В дни государственных торжеств по ней идут парады и кортежи. Данные онимы не имеют между собой ничего общего, кроме страны происхождения. Рассматриваемая статья размещена в рубрике под названием «Репортаж из ночлежки», которое с учетом вышесказанного о компонентах заголовка делает его контекст и публикационный материал в целом еще менее прозрачным. Очевидно, что в данной ситуации реализация информативной функции заголовка не только не наступает раньше, как это происходит в большинстве случаев с использованием прецедентных феноменов в публикационном материале, но реализация этой функции не происходит совсем. Тем менее следует отметить, что данное положение вещей усиливает аттрактивную и мнемоническую функции заголовка. В ходе прочтения статьи мы узнаем, что с первых строк автор делает отсылку еще к одному произведению о Томе Сойере, пьесе американского драматурга Бернарда Сабата «Автомобиль на веранде». Эта пьеса — своеобразный продукт постмодернизма, ее сюжет строится на авторских размышлениях о том, что могло стать с персонажами Марка Твена в конце их жизни. История у драматурга получилась грустная: ни один герой не был счастлив, оба в одиночестве встретили старость. Далее мы узнаем, что герой репортажа — американский нищий, полный тезка Тома Сойера, живущий возле вентиляционной решетки на Констительюшн-авеню.

Здесь начинает проявляться обоснованность выбора публицистом прецедентного антропонима, который в совокупности с другими стилистическими средствами в полной мере позволяет привлекать и удерживать внимание читателя на протяжении всей статьи, выполняя при этом аттрактивную и людическую функции.

Прецедентный антропоним из литературного произведения английского писателя Артура Конан Дойля *Шерлок Холмс* используется советскими публицистами для метафорической иллюстрации необходимости научно-технического подхода в профессиональной деятельности советских сотрудников правоохранительных органов и понимания ими важности использования современных технических средств. Данный прецедентный антропоним выступает еще и как хронопоказатель. В сочетании с лексемами книжного пласта *высокомерный, жест, джентльмен, отверг*, которые автор использует для экспликации образа литературного героя, и на контрасте с заимствованным из английского неологизмом *компьютер*, прецедентный антропоним *Шерлок Холмс* в данном контексте приравнивается к понятию позапрошлый век.

Примечательно, что имя положительного персонажа, хотя и не лишено некоторых весьма своеобразных черт, имплицитно используется для реализации оппозиции «свой — чужие». Это усматривается ввиду того, что автор, анализируя проблему публикации, наряду с отсылкой к прецедентному имени авторитетного и харизматичного литературного героя делает отсылку еще к одному прецедентному явлению — циклу советских детективных телефильмов «Следствие ведут ЗнаТоКи» и главным героям этого сериала: следователю Павлу Знаменскому, инспектору уголовного розыска Александру Томину и эксперту-криминалисту Зинаиде Кибрит. В результате перед читателем складывается картина того, что советские следователи больше ориентированы на науку и технические средства оснащения, нежели на западные детективы. Отсюда мы видим, что данный универсально-прецедентный феномен реализует идеологическую, оценочную и смыслообразующую функции. Ср.:

Среди ставших популярными Знатоков, ведущих свое бесконечное следствие, есть и эксперт — Зиночка. Без ее экспертиз противники Знаменского и Томина выходили бы сухими из воды. А вот Шерлок Холмс с высокомерным жестом джентльмена отверг бы компьютер: он успешно обходился своим дедуктивным методом. Понимаю:

без современной техники невозможно в наши дни расследование (Ю. Феофанов, «Шерлок Холмс с компьютером», «Известия», 13.12.1986).

7. Лингво-когнитивный анализ прецедентных высказываний из произведений иностранной литературы, используемых в текстах советских СМИ

Современными исследователями выделяются различные виды прецедентных феноменов, среди которых особое место занимает прецедентное высказывание — репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу [6. С. 107]. Прецедентным высказыванием может быть: 1) цитата (дословное воспроизведение отрывка из научного, публицистического, художественного (прозаического или поэтического) и другого произведения); 2) трансформированная цитата; 3) полное воспроизведение небольшого по объему текста.

Цитирование авторов произведений иностранной литературы достаточно широко применяется у авторов советских публикаций. Цитата из пьесы Пьера Огюстена Бомарше «Женитьба Фигаро» «Фигаро здесь — Фигаро там», перешедшая в разряд фразеологизмов, используется в аналитическом обзоре интервью постоянного представителя США при ООН в период с 1985 по 1989 г. Вернона Уолтерса французской газете «Фигаро». Ср.:

По-видимому, название журнала повлияло на стиль генерала-дипломата. Его можно охарактеризовать знаменитыми словами Бомарше: «Фигаро здесь — Фигаро там». Мистер Уолтерс то бросается в Никарагуа, то кидается в Тунис и Марокко. Мы видим его мечущимся между ЮАР и Мексикой, Пакистаном и Таиландом, Чили и Филиппинами (М. Стуруа, «Фигаро здесь — Фигаро там, или Сказки Вернона Уолтерса», «Известия», 1986).

Цитата используется дважды: в первом компоненте заголовка и в самом тексте в части ироничных замечаний по поводу стремлений США в лице Уолтерса осуществлять разного рода вмешательства и устанавливать контроль над внутренними политическими процессами стран Латинской Америки, Африки, Карибского и Восточного регионов. В заголовке цитата кратко и емко иллюстрирует суть международных политических умонастроений, а также деятельности американского дипломата

в целом и продолжается вторым компонентом — сказки Вернона Уолтерса, который поясняет и развивает ироничный подтекст первого компонента. Употребление имени американского политика в сочетании с лексемой *сказка* во множественном числе снимает ее полисемантическую и придает значение *нелепица, ложь, вымысел*, в результате чего появляется отсылка к фразеологизму *бабушкины сказки* с пренебрежительным значением чего-то придуманного, не соответствующего реальности, что усиливает авторскую иронию. Цитата дублируется в тексте публикации в оригинальном виде с упоминанием фамилии автора цитируемого произведения, что, в свою очередь, придает большую оценочность авторскому мнению и стилю работы, морали и этике правительства США в лице Вернона Уолтерса. Данный универсально-прецедентный феномен выполняет широкий спектр функций: персуазивную, аттрактивную, людическую и смыслообразующую.

Цитирование фрагментов поэтических произведений зарубежной литературы представлено в публикациях в основном культурологической направленности. В следующих примерах цитаты из стихов французских поэтов Шарля Бодлера и Поля Верлена включены в статьи культурно-просветительского характера о произведениях французских художников Пабло Пикассо и Клода Моне. Данные включения мы относим к социумно-прецедентным феноменам в силу того, что творчество французских поэтов, скорее всего, не было широко известно массовому читателю. Итак, фрагменты поэтических произведений создают параллельный эстетический план в публикациях, вызывают эмоциональный подъем и придают живость содержанию. Примечательно, что в данных примерах прецедентные явления запускают обратный процесс: не изображение иллюстрирует текст, а текст иллюстрирует изображение. Ср.:

• *Творение молодого Пикассо мгновенно охватывает своей нераскрытостью... Что-то от весталок, древнее, почти жречески ритуальное, исходит от этой застывшей в ожидании одинокой, отстраненной фигуры. Невольно возникают строки Бодлера:*

**«Блеск редкостных камней в разрезе этих
глаз...»**

**И в странном, неживом и баснословном мире,
Где сфинкс и серафим сливаются в эфире...»**

(И. Долгополов, «Пабло Пикассо», «Огонек»)

• *Тихо. Приглушенно звучит ноктюрн бледно-розовых, серых, палевых колеров. Невольно*

вспоминаются строки французского поэта Поля Верлена:

**«Поблекла давно за краскою краска,
Душе все равно...
О, грустная сказка!»**

(«Огонек»)

Цитирование фрагментов поэтических произведений отмечается в автобиографических статьях, подготовленных к юбилейным датам зарубежных поэтов. Интервью к столетнему юбилею французского поэта-анархиста и шансонье, члена творческой группы «Красная муза» (Muse Rouge), Эжена Бизо содержит несколько примеров цитирований его стихотворных произведений. Все они в большей степени призваны проиллюстрировать творческий путь поэта — борьбу *pour les causes généreuses* (фр. «за щедрые дела») за его идеалы мира и братства. Ср.:

**Это — крик с полей и заводов,
Проклятье от тех, кто в неволе,
Кто хочет добиться свободы, и счастья,
и лучшей доли**

(А. Криволатов, «Муза Эжена Бизо», «Известия»)

Среди цитирований зарубежных литературных произведений советские СМИ отдают предпочтение французским авторам. Эта дружественность обусловлена тем, что именно Французская секция Рабочего Интернационала поддержала Октябрьскую революцию 1917 г. и позднее Французская коммунистическая партия одобрила договор о ненападении между СССР и нацистской Германией. США и Великобритания, напротив, принимали активное участие в вооруженной интервенции против Советской республики, а в 1980-х годах проводили жесткую антикоммунистическую политику. Также отметим, что Пабло Пикассо был членом Французской коммунистической партии и лауреатом Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1962). Все рассмотренные примеры прецедентных феноменов в виде цитат из поэтических произведений являются социумно-прецедентными и выполняют иллюстративную функцию в публикационном материале.

Выступления в советских СМИ по поводу назревшей необходимости прекращения гонки вооружений подкрепляются цитированием произведения французского автора Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц», известного своей темой спасения человечества от неизбежной катастрофы. Ср.:

Любое оружие, которое появится за пределами земной атмосферы, в первую очередь будет

направлено на земные города... И все же я верю в светлый разум человечества, поэтому не могу не согласиться со словами Антуана де Сент-Экзюпери: «Чего ради нам ненавидеть друг друга? Мы все заодно, уносимые одной и той же планетой...» (В. Ковалев, «На одной планете», «Огонек», 1986).

Автор публикации убеждает читателя посредством ясных и прямых суждений главного героя литературного произведения в ценности мирного сосуществования всех стран и людей на нашей планете, в причастности к сохранению ее красоты и ответственном отношении каждого. Данный прецедентный феномен мы относим к автопрецедентному, поскольку он употреблен в сочетании с местоимениями и глагольными формами первого лица единственного числа, что указывает на особое личностное, эмоциональное, аксиологическое и познавательное значение для говорящего.

В советских СМИ 1980—1990 гг. отмечаются статьи, освещающие внутренние проблемы зарубежных стран, с содержанием объемных отрывков из публицистических произведений писателей этих стран. Данные отрывки используются, с одной стороны, для объективного и наглядного отражения положения дел в странах, а с другой — для формирования эффекта подачи информации «из первых рук», что особенно важно для советских СМИ, особенно если речь идет о ситуациях в капиталистических странах, как в следующем примере. Ср.:

Южнее Мюнхена вдоль течения Изара простирается Пупплингер Ау. Он считается одним из последних больших естественных речных ландшафтов серединной Европы и должен охраняться как драгоценное украшение. ...Приглядевшись, ты замечаешь, что концы игл и листьев на многих деревьях желтого или коричневого цвета. А это значит — деревья неизлечимо больны. Ученые давно об этом предупреждали. Но непосвященным кажется несерьезным. Их взоры простираются к Альпам, и они также не хотят верить последним пугающим известиям: там, в горах, деревья тоже начинают погибать. «Кислотные дожди» — это сырость, отравленная выхлопными газами, просачивается на склоны гор, и, если не при-

нять срочных мер, гордость Баварии Пупплингер Ау превратится в прокисшую степь, цепи гор будут изъязвлены, и долины зальет мертвая вода («ФРГ: люди и проблемы», «Огонек», 1986).

Это включение в статью происходит из работ известного западногерманского писателя-публициста Фридриха Хитцера о проблеме экологического кризиса в ФРГ, который берет свое начало еще в годы войны в связи с производством химического оружия. С его помощью описание положения в стране предстает перед читателем намного реалистичнее. Мы относим данный прецедентный феномен к социумно-прецедентным, так как оригинальным содержанием западной публицистики, скорее всего, оперирует небольшой круг советских журналистов-международников. Очевидно, что прецедентные феномены в виде цитат выполняют персуазивную функцию.

Выводы

Таким образом, прецедентные названия произведений иностранной литературы, содержащие лексемы с отрицательными коннотациями, и прецедентные антропонимы отрицательных литературных героев используются с целью критической и иронической авторской оценки в анализе политических и социальных ситуаций, имеющих место в странах НАТО. С их помощью происходит формирование, транслирование и укрепление идеологических установок в советском обществе относительно данных стран. Прецедентные антропонимы положительных литературных героев используются с целью придания конструктивности освещаемым событиям внутри страны. Прецедентные высказывания из поэтических произведений иностранной литературы в советских СМИ 1980—1990 гг. преимущественно выступают в качестве иллюстраций к культурно-просветительским статьям, являясь «художественным словом» в публицистическом тексте. Цитаты из произведений прозы выполняют персуазивную функцию. В целом прецедентные феномены из сферы-источника «Иностранная литература» в советских СМИ 1980—1990 гг. служат для успешного выражения самых разнообразных авторских интенций.

Список литературы

1. Банникова С. Прецедентность как лингвокультурный феномен (на материале английских и русских текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 24 с.
2. Богуславская В. В. Актуализация прецедентных феноменов в российском газетно-журнальном дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. 2018. № 3. С. 103—108.

3. Высоцкая И. В. Прецедентные феномены в современной рекламе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6, ч. 2. С. 112—116.
4. Высоцкая И. В. Спорные вопросы теории прецедентности. URL: <http://www.nsu.ru/education/virtual.pdf> (дата обращения 11.03.2020).
5. Гудков Д. Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. М.: МГУ, 2000. 118 с.
6. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
7. Иноземцева Н. В. Прецедентность и интертекстуальность как маркеры англоязычного научно-методического дискурса (на материале англоязычных статей по методической проблематике) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. № 3. С. 167—169.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
9. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
10. Кушнерук С. Л. Использование прецедентных феноменов для ситуативного промоушена в российской печатной рекламе // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 198—204.
11. Латышева В. Л. Признаки и функции прецедентных феноменов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-i-funktsii-pretседentnyh-fenomenov> (дата обращения 23.05.2020).
12. Лучинская Е. Н., Кабаньян Б. С. Прецедентные феномены в общественно-политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6, ч. 2. С. 112—114.
13. Назарова Р. З., Золотарев М. В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, № 2. С. 17—23.
14. Нахимова Е. А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. 2004. Т. 13.
15. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. Ин-т социал. образования, 2007. 207 с.
16. Терских М. Реклама как интертекстуальный феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2003. 26 с.
17. Тимофеева Т. Прецедентные феномены в англоязычных научных текстах экономической тематики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008. 18 с.
18. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2003.

Сведения об авторах

Наумова Ирина Александровна — старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ira_naumova@mail.ru

Олизко Наталья Сергеевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. olizko@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 1 (447). *Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 98—108.*

FUNCTIONAL FEATURES OF USE OF PRECEDENT PHENOMENA IN THE SOVIET MASS MEDIA (1980—1990)

I. A. Naumova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ira_naumova@mail.ru

N. S. Olizko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. olizko@yandex.ru

The article addresses the question of precedent phenomena in the Soviet mass media discourse (1980—1990). Precedent phenomenon is defined as a cultural sign, clearly reflected by representatives of a national community and showing its national and cultural characteristics. The current classification covers a precedent name, a precedent sign, precedent poetic meter, precedent composition, precedent style, precedent facts, precedent theoretical and empirical precedent models. Precedent literary titles, names with negative connotations

are used for critical and ironic evaluation in the analysis of political and social life in NATO countries. They help establish, broadcast and strengthen the ideological attitudes in Soviet society regarding these countries. The names of positive literary characters are used to give constructiveness to the internal events. Quotes from poetry mainly serve as illustrations for cultural and educational articles. Quotes from prose have a persuasive function. Precedent phenomena serve multiple purposes — to evaluate, nominate, persuade, illustrate, make sense and ideology. They also have a ludic and attractive force.

Keywords: *precedent phenomenon, sphere source, foreign literature, precedent anthroponym, quote.*

References

1. Bannikova S. (2004) Precedentnost' kak lingvokul'turnyj fenomen (na materiale anglijskih i russkih tekstov) [Precedence as a linguocultural phenomenon (based on English and Russian texts). Abstract of thesis]. Tambov. 24 p. [in Russ.].
2. Boguslavskaya V. V., Ivushkina V. V. (2018) *Vestnik Voronezhskogo universiteta*, no. 3, pp. 103—108 [in Russ.].
3. Vysotskaya I. V. (2011) *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, no. 6, vol. 2, pp. 112—116 [in Russ.].
4. Vysotskaya I. V. (2013) *Kritika i semiotika*. Available at: <http://www.nsu.ru/education/virtual.pdf>, accessed 11.03.2020 [in Russ.].
5. Gudkov D. B. (2000). *Mezhkul'turnaya kommunikaciya: problemy' obucheniya* [Cross-cultural communication: the problems of education]. Moscow, MSU. 288 p. [in Russ.].
6. Gudkov D. B. (2003) *Teoriya i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii* [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow, Gnozis Publ. 288 p. [in Russ.].
7. Inozemceva N. V. (2010) *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, vol. 12, no. 3, pp. 167—169 [in Russ.].
8. Karaulov Yu. N. (1987) *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow [in Russ.].
9. Krasnyh V. V. (2003) "Svoj" sredi "chuzhih": mif ili real'nost'? [The Cherished Outcast: myth or reality?]. Moscow, Gnozis Publ. 375 p. [in Russ.].
10. Kushneruk S. L. (2006) *Politicheskaya lingvistika Political*, vol. 20, pp. 198—204 [in Russ.].
11. Latysheva V. L. (2020) *Priznaki i funkcii precedentnyh fenomenov* [Features and functions of precedent phenomena]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-i-funksii-pretседentnyh-fenomenov>, accessed 23.05.2020 [in Russ.].
12. Luchinskaya E. N., Kaban'yan B. S. (2017) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 6, vol. 2, pp. 112—114 [in Russ.].
13. Nazarova R. Z., Zolotarev M. V. (2015) *Izvestija. Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*, vol. 15, no. 2, pp. 17—23 [in Russ.].
14. Nahimova E. A. (2004) *Lingvistika. Byulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva*, vol. 13 [in Russ.].
15. Nahimova E. A. (2007) *Precedentnye imena v massovoj kommunikacii* [Precedent names in mass communication]. Ekaterinburg. 207 p. [in Russ.].
16. Terskih M. (2003) *Reklama kak intertekstual'nyj fenome* [Advertising as an intertextual phenomenon. Abstract of thesis]. Omsk. 26 p. [in Russ.].
17. Timofeeva T. (2008) *Precedentnye fenomeny v angloyazychnyh nauchnyh tekstah ekoomicheskoy tematiki* [Specificity of precedent phenomena in English scientific texts on economy. Abstract of thesis]. Tambov, 2008. 18 p. [in Russ.].
18. Serov V. (2003) *Enciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij* [Encyclopedic Dictionary of winged words and expressions]. Moscow, Lokid-Press [in Russ.].

ПРИЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Я. А. КОЗЛОВСКОГО

С. А. Никаноров

Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск, Россия

Обобщаются наблюдения автора над игровым творчеством одного из известных детских поэтов — Я. А. Козловского: анализируются приемы языковой игры, встречающиеся в его произведениях, предлагается их классификация. Завершая исследование, автор делает вывод об особенностях поэтического мира писателя, выражающихся в ориентации внимания читателя на красоту русского слова, стремлении побудить ребенка к самостоятельным «исследованиям» в области творческого освоения языка.

Ключевые слова: языковая игра, играема, игровой код, лингвокреативное мышление.

В последние десятилетия XX — начале XXI в. в отечественной лингвистике большое внимание уделяется изучению языковой игры (ЯИ), в том числе в произведениях отечественной и переводной художественной литературы.

История изучения ЯИ берет свое начало в 1945 г. Именно в это время Л. Витгенштейн создает фундаментальный труд «Философские исследования», где впервые употребляется этот термин (работа издана лишь после смерти ученого, в 1953 г.). Рассуждая, Л. Витгенштейн уподоблял употребление слова «одной из тех игр, посредством которой дети овладевают родным языком», а ЯИ выступает как «целое, состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетен» [1. С. 79]. Теоретические постулаты, выдвинутые в свое время Л. Витгенштейном и в дальнейшем по-новому интерпретированные, нашли отражение в трудах известных российских исследователей: Б. Ю. Нормана [7], В. З. Санникова [9], Т. А. Гридиной [2] и других, кроме того, значительного числа их последователей. Как отмечает Б. Ю. Норман, «языковая игра начинается там, где есть заведомое нарушение заданных и усвоенных правил... Языковая игра представляет собой запредельное использование языковых единиц. Язык при этом является полигоном для моделирования и своего рода познания объективной действительности» [6. С. 39—40]. По мнению Т. А. Гридиной, «языковая игра должна быть охарактеризована как форма лингвокреативного мышления, которое основано на ассоциативных механизмах и проявляет способность говорящих к намеренному использованию нестандартного языкового кода в разных ситуациях речевой деятельности» [3. С. 4]. Способ реализации ЯИ — «играема» (термин Т. А. Гридиной), являющаяся ее выражением. Играема — это объект

с опознаваемыми параметрами прототипа; она возникает «в результате взаимодействия стимула и аттрактантов, составляющих необходимый для выявления парадокса употребления знака ассоциативный контекст» [2. С. 9—10]. Соглашаясь с данным определением, мы полагаем, что играема — это слово, словосочетание... представляющее собой окказиональное образование, практически всегда ориентированное на комический эффект при его восприятии, которое появляется в речи автора произведения с целью воздействия на языковую рефлексию маленького читателя, попытки “ввести” его в процесс порождения новых форм и смыслов» [4. С. 59].

ЯИ в тексте художественной литературы заслуживает отдельного внимания. «В художественном тексте языковая игра принимает разнообразные формы, вырабатывает собственную сложную “технику”, связанную с эстетической сущностью произведения искусства и индивидуальностью творческого почерка его создателя» [3. С. 5]. В литературе же, адресованной детям, как мы считаем, «предельно» выражается имитативный признак языковой игры, выделяемый Т. А. Гридиной, наблюдаемый «в установке на «опознаваемость» прототипных черт в используемом автором речевом коде текста» [Там же. С. 118], а «любая имитация в художественном тексте пропущена через призму социально-культурных оценок того или иного типа речевого поведения» [Там же]. Нам представляется, что писатель, который проникает в речь ребенка, стараясь максимально сродниться в этом отношении с маленьким читателем, умышленно использует специальный код общения, который, по его мнению, понятен последнему. Большую роль играют в этом процессе языковые особенности, «речевые неправильности» детской речи,

легко узнаваемые детьми при чтении и (главное!) **побуждающие ребенка к умышленному созданию подобных.** Ориентация на комический эффект при восприятии «игрового» текста, развитие лингвокреативных способностей ребенка, как нам представляется, — основополагающие цели употребления писателем игрового кода общения с ребенком.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, так как она соответствует основным направлениям современных научных изысканий по исследованию детской речи, в основе которых лежит обращение к языковой картине мира ребенка, отражающейся в его языке. Исходя из того, что проблема **знания языка и владения им** сегодня — одно из основных направлений в отечественной лингвистике, объективный интерес представляет изучение вопросов *речевой активности и творческого начала*, в том числе в речевой деятельности ребенка и **явлениях, влияющих на развитие подобного творческого начала**. Кроме того, менее года остается до столетнего юбилея писателя, чье творчество, по нашему глубокому убеждению, еще ждет внимательного изучения.

Прием использования игрового кода общения, нацеленный на развитие лингвокреативных способностей детей, на становление умения тонко чувствовать слово ярко представлен в стихотворном творчестве Я. А. Козловского, адресованном маленьким читателям.

Учитывая собственные наблюдения над текстами детской художественной литературы ушедшего столетия, заметим, что приемы ЯИ в них используются нередко. Различие в их использовании заключается лишь в том, что каждый художник слова, к ним обращающийся, отдает предпочтение своим приемам. Не является исключением в этом отношении и Яков Абрамович Козловский.

29 июля 2021 г. исполнится 100 лет со дня рождения поэта, заслуженного деятеля искусств Дагестанской АССР Я. А. Козловского (1921—2001), более известного как переводчик поэзии кавказских народов. Именно с его переложений на очень многие языки мира были переведены, например, стихи Расула Гамзатова. Имя Я. А. Козловского как собственно поэта, что называется, не на слуху у массового читателя, но если вспомнить рифмованные строчки, приводимые в качестве примеров на уроках учителями начальной (и средней) школы при изучении тем «Многозначные слова», «Омонимы и их виды» и других, то нередко первое, что придет на память уже взрослому человеку, — именно его стихи. Таким образом, стихи поэта нередко

сопровождают нас с детского или юношеского возраста. Как правило, незатейливый сюжет произведений писателя обращен преимущественно к ребенку младшего школьного возраста (на его восприятие и ориентирован), который находится в процессе постижения слова, поэтому уже начинает чувствовать разницу при употреблении, казалось бы, одинаковых слов в контексте.

Научная новизна исследования обусловлена тем обстоятельством, что нами предпринята попытка всесторонне систематизировать игровое творчество И. Я. Козловского и представить классификацию игровых новообразований поэта.

Согласно нашим наблюдениям, Я. А. Козловский, общаясь с ребенком, нередко сталкивает (рифмуя) в одном стихотворении разные значения многозначных лексем, омонимичные формы слов, употребляя другие, еще неизвестные маленькому читателю (или слушателю) лексические игровые приемы, нацелен, как нам представляется, на эффект их различения и узнавания, что неизменно в итоге выражается в улыбке, детском смехе, а нередко и в тиражировании последних. В этом отношении значение игровых стихов художника, призванных помочь ребенку в процессе постижения языка, переоценить невозможно. Игровое начало его произведений закреплено даже в названиях книг: «О словах разнообразных — одинаковых, но разных» (1963, 1965), «Игры с буквами и словами на уроках в школе и дома» (1998). Всего нами рассмотрено около ста авторских игровых приемов.

В качестве классификации авторских игровых новообразований мы предлагаем собственную, созданную с учетом ее направленности на ментальные ориентиры детского языкового сознания [4. С. 60—72]. Именно в этом ее отличие от известных подобных классификаций — М. В. Китайгородской, Т. А. Гридиной, Н. Н. Розановой, Е. А. Земсковой.

Игры, ориентированные на семантические механизмы ЯИ:

1. Игрема-двусмыслица. Помимо прочих способов выражения, может возникать в случае намеренного употребления в стихотворных строчках омоформ. См., напр.: **спор** (сущ. м. р.) и **спор** (крат. прил. м. р.): *Если спор не очень спор, / Доведет до ссоры спор* («Пословица»); ср.: **спор** (процесс отстаивания своего мнения, столкновение мнений и попытки убедить оппонента) и **спор** (от «спорый» — разг. «быстрый и успешный»). **Напасть** (сущ. ж. р.) и **напасть** (инфинитив): *Нес медведь, шагая к рынку, / На продажу меду крынку. // Вдруг на мишку — вот напасть* — *Осы вздумали напасть!* («Медведь

и осы»); ср.: **напасть** (беда, несчастье, неприятность) и **напасть** (совершить нападение). **Потолок** (форма гл. прош. вр., входящая в состав перефразированного фразеологического оборота «толочь воду в ступе») и **потолок** (сущ. м. р.): *Воду в ступе **потолок**, / Посмотрел на **потолок*** («Лентяй»); ср.: *воду в ступе **потолок*** (значение фразеологизма, в состав которого входит лексема, — «заниматься чем-либо явно бесполезным, бессмысленным») и **потолок** (верхнее внутреннее покрытие помещения) и т. д. Очевидно, подобные игры неожиданно переключают смысловые ориентиры читателя (они нацелены на определение различий между омоформами: максимально неожиданное сходство анализируемых лексем в контексте стихотворения помогает подчеркнуть противоречие подобия формы при различных значениях, потому что игра омоформ — по своему оригинальный вид авторского творчества, требующий повышенного внимания ребенка-читателя при интерпретации значений, появляющихся при осмыслении игровых номинаций).

2. Игры-омографы — самый «простой» способ заинтересовать ребенка в процессе разгадывания стихотворной «задачи». См., напр.: **и́рис** — **ири́с**: *Иголка ходит вверх и вниз, / Вот листья появились. // Сосет Аленушка **и́рис**, / А вышивает **и́рис*** («Вышивание»); ср.: **ири́с** (сорт конфет) и **и́рис** (род корневищных многолетних растений). **Замка́** — **за́мка**: *На двери **за́мка** нет **замка́**...* («В лесном замке»); ср. **за́мок** (укрепленное жилище феодала в средневековой Европе) и **замо́к** (механическое, электронное или комбинированное устройство фиксации). **Окуни́** — **окуни́**; ср. **окуни́** (форма повелит. накл. гл. «окунуть») и **окуни** — вид лучеперых рыб. В некоторых случаях автор самостоятельно «подсказывает» читателю игровой код. См., напр.: **чу́дно** — **чу́дно**: *Мне слово «**чу́дно**» / Изменить нетрудно: / Поставим ударение на «о» — / Исчезло «**чу́дно**», / Родилось «**чу́дно**»* («Ударение»); ср.: **чу́дно** (о месте, обстановке, доставляющих удовольствие, радость чем-либо) и **чу́дно** (странно, необычно). Ребенок, попадающий в водоворот смыслов (или их оттенков) в результате знакомства со словами, способными менять место ударения, порой самостоятельно затрудняется в решении «задачи», и в этот момент на помощь приходят взрослые (родители).

3. Игры-омонимы. Речь здесь идет об использовании собственно омофонических приемов ЯИ (столкновении омонимов) и каламбурных приемов омофонического переразложения — превращения слова в предположно-падежную форму, слово-

сочетание или процессы, обратные указанным. Необходимо отметить, что подобный игровой прием достаточно плодотворно используется поэтом. См., напр.: **такса** и **такса**; ср.: **такса** (коротконогая собака с длинным туловищем) и **такса** (установленная норма оплаты) («Сев в такси...»). **Лук** и **лук**: — *Это кто стрелой из **лука** прострелил голову **лука**?! — Я ни слова, я немой, / Словно выстрел был не мой* («Стрелок»). Данный пример интересен тем, что автором в рамках одного стихотворения рифмуются собственно омонимы (**лук** и **лук**), а также представлен случай омофонического переразложения (**немой** и **не мой**); ср.: **лук** (огородное растение, овощная культура) и **лук** (оружие для метания стрел); **немой** (лишенный способности говорить) и **не мой** (отрицание принадлежности кого/чего-либо говорящему лицу). **О болт усы** и **оболтусы**: *Погладил кот **о болт усы** И молвил: «Видно, с **прибыли** На крышу к нам **оболтусы** В автомобиле **прибыли*** («Оболтусы»). Данное стихотворение иллюстрирует также излюбленный прием поэта употреблять в контексте различные игровые приемы попарно в соответствующей рифме: кроме омофонического переразложения здесь представлена игра омоформ: **прибыли** (сущ. ж. р. в род. п.) и **прибыли** (форма гл. прош. вр. мн. ч.). **Бак**, **алея** и **«Бакалея»**, **нос о бак** и **но собак**: *Стоит пожарный **бак**, **алея**, / Потер Барбос свой **нос о бак**, / Помчался дальше. «**Бакалея**». // Хотел войти он, **но собак** Увидел близкую семью С большими сумками семью* («Пес Барбос»). В данном примере также налицо, кроме того, обыгрывание омоформ; ср.: **семью** (сущ. ж. р. в вин. п.) и **семью** (колич. числ. в тв. п.). Рассмотренные игровые приемы без особого труда узнаются младшими школьниками и вызывают смех в процессе осмысления, потому что и в речи детей этого возраста подобные «загадки» встречаются нередко. В этом отношении вспомним детскую загадку, ответ на которую кроется именно в омофоническом переразложении лексемы: — *В каком городе живут сто девочек и один мальчик? — Севастополь (Сева + сто Польш).*

Большая группа игр в творчестве поэта ориентирована на фонетические механизмы ЯИ:

1. Математически-графический способ различного омофонического прочтения компонентов лексемы. См., напр.: **шестью** и **6 «Ю»**: *Между часами пятью и **шестью** В гости ко мне завалились **6 «Ю»*** («Сто шесть «Ю»»). **О 5** — **опять, Е два** — **Е-2**: *К букве О прибавим 5, / И получится опять. // К букве Е прибавим два: / Встанет пешка на Е-2* («Сложение»). Такие игры рассматриваются читателем как

подобие ребуса-загадки, использование которого в тексте стихотворения актуализирует творческие способности маленького читателя; ребенку необходимо соотнести (развести) в сознании математический и графический код прочтения «задачи».

2. Обыгрывание смысловых различий схожих по звучанию лексем (их намеренное столкновение в тексте произведения). См., напр.: **ворох** — **порох**, **валит** — **палит**, **варит** — **парит**: *Брошен в печь соломы ворох, / Вспыхнул он, как будто порох. // Дым над крышей валит, / Петуха лиса палит. // А зайчиха кашу варит, / А сорока репу парит* («Стал Топтыгин полосатым»). Ср., кроме того: **хряк** — **бряк**, **хрюк** — **брюк**; **щёлку** и **чёлку**, **щёткой** и **чёткой**, *(не) щадит* и *чадит*, *замещает* и *(не) замечает* и т. д.

Таким образом, анализ материала показывает, что стихотворное творчество Я. А. Козловского, адресованное детям, построено исключительно с использованием игрового содержательного алгоритма, ориентировано на комический эффект при его восприятии, что говорит об обоснованном обращении автора к приемам ЯИ.

В результате исследования выяснились авторские предпочтения в употреблении игровых номинаций: игремы-омонимы, игремы-омографы, математически-графические игремы и другие приемы новообразований. Наиболее часто писатель использует игремы-омонимы и игремы-омографы, которые представляют собой визитную карточку поэта. Показывая подобные игровые приемы, писатель подчеркивает поистине неисчерпаемые ресурсы русского языка.

Как мы замечали ранее, анализ множества произведений отечественной литературы, адресованных детям, в которых встречаются приемы ЯИ, дает основание заключить, что каждый художник при выборе игровых средств общения с ребенком-читателем выбирает свой, продиктованный многими частными условиями набор приемов. Определяется это, по нашему мнению, многими факторами: жанровыми особенностями произведения, отнесенностью текста к прозаической или стихотворной форме и т. д. Я. А. Козловский в этом отношении остается верен стремлению семантического или фонетического обыгрывания смысла слов (или их форм), что, без сомнения, после прочтения его произведений выводит знания ребенка об особенностях языка (языкового знака) на новый уровень именно в том возрасте, когда происходит его непосредственное знакомство со СЛОВОМ, зафиксированным на письме; нередко дает толчок к игровому словотворчеству, развитию лингвокреативного мышления. Творчество многих замечательных детских поэтов и прозаиков ушедшего столетия также предполагает (в большей или меньшей степени) обращение к подобным игровым приемам: Э. Мошковской, О. Григорьевой, В. Берестова, Л. Яхнина, Б. Заходера и др. Однако отличительная черта, судя по нашим наблюдениям, поэзии для детей Я. А. Козловского в том, что она насквозь пропитана игровым содержанием, столь необходимым в процессе освоения языка.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. 352 с.
2. Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явления языковой игры): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 563 с.
3. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург, 2008. 165 с.
4. Гридина Т. А., Никаноров С. А. Принципы языковой игры в художественной литературе для детей (эвристика словообразовательных «игрем») // Язык. Система. Личность: материалы докл. и сообщений междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1998.
5. Никаноров С. А. Ментальные ориентиры языковой игры в детской художественной литературе. Шадринск, 2013. 132 с.
6. Норман Б. Ю. Языковая игра как вид познавательной деятельности // Ребенок в современном мире: тез. междунар. конф.: в 3 т. Т. III. СПб., 1993. С. 39—40.
7. Норман Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск: Вышейшая школа, 1987. 220 с.
8. Ретюнских Л. Т. Философия игры. М., 2002. 256 с.
9. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999. 542 с.
10. Суворова С. Л., Никаноров С. А. Приемы языковой игры в творчестве Э. Н. Успенского // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 10 (420). Филологические науки. Вып. 114. С. 240—245.
11. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. М., 1992. 464 с.

Сведения об авторе

Никаноров Сергей Анатольевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии и социогуманитарных дисциплин Шадринского государственного педагогического университета, Шадринск, Россия. Nikanorov-70@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 1 (447). Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 109—113.

TECHNIQUES OF LANGUAGE PLAY IN YA. A. KOZLOVSKY'S WORKS

S. A. Nikanorov

Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia

This paper summarizes the author's observations on the game creativity of one of the famous Russian children's poets Ya. A. Kozlovsky, analyzes various methods of language play found in his works, and suggests their classification. The author considers the methods of language games, most actively used by Ya. A. Kozlovsky: igrema-ambiguity, igrema-homographs, igrema-puns, mathematical-graphical igrema and other "game code" of the writer. At the end of the research, the author concludes about the features of the "poetic world" of the writer, which, among other things, consist in his desire to interest the young reader in the game content, focusing his attention on the beauty of the Russian word, and encourage the child to independent "research" in this area.

Keywords: *language game, igrema (wordplay), game code, linguistic and creative thinking.*

References

1. Vitgenshtein L. (1985) *Filosofskie issledovaniya. Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vyp. 16. Moscow. 352 p. [in Russ.].
2. Gridina T. A. (1996) *Assotsiativnyy potentsial slova i ego realizatsiya v rechi (yavleniya yazykovoy igry)* [The associative potential of a word and its implementation in speech (phenomena of a language game). Thesis]. Moscow. 563 p. [in Russ.].
3. Gridina T. A. (2008) *Yazykovaya igra v khudozhestvennom tekste* [Language game in fiction]. Ekaterinburg. 165 p. [in Russ.].
4. Gridina T. A., Nikanorov S. A. (1998) *Principy yazykovoi igry v hudozhestvennoi literature dlya detei (evristika slovoobrazovatelnykh «igrem»)*. *Yazik. Sistema. Lichnost. Materialy dokladov i soobschenii mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Ekaterinburg [in Russ.].
5. Nikanorov S. A. (2013) *Mentalnyye oriyentiry yazykovoy igry i detskoj khudozhestvennoy literature* [Mental landmarks of the language game in children's fiction]. Shadrinsk. 132 p. [in Russ.].
6. Norman B. Yu. (1993) *Yazykovaya igra kak vid poznavatelnoy deyatel'nosti* [Language game as a form of cognitive activity]. *Rebenok v sovremennom mire: tez. mezhdunar. konf.: v 3 t. T. 3* [A child in the modern world: thesis. Int. conf. in 3 vol. Vol. 3]. St. Petersburg. Pp. 39—40 [in Russ.].
7. Norman B. Yu. (1987) *Yazyk: znakomyj neznakomets*. Minsk, Vyshejschaya shkola. 220 p. [in Russ.].
8. Retyunskikh L. T. *Filosofiya igry* [Game philosophy]. Moscow, 2002. 256 p. [in Russ.].
9. Sannikov V. Z. (1999) *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [Russian language in the mirror of the language game]. Moscow. 542 p. [in Russ.].
10. Suvorova S. L., Nikanorov S. A. (2018) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10 (420). *Filologicheskiye nauki*, vyp. 114, pp. 240—245 [in Russ.].
11. Kheyzinga Y. (1992) *Homo luders. Chelovek igraushchiy* [Homo luders. Man playing]. Moscow. 464 p. [in Russ.].

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КРИЗИСНОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

В. П. Новикова¹, И. Д. Баландина¹, Ал. А. Селютин²

¹Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются понятия «дискурс», «дискурс кризиса», исследуются предпосылки и причины кризиса системы образования во всем мире и его отражение британской прессе. Авторы выявляют и описывают дискурс кризиса и его отражение в СМИ, а также анализируют языковые средства, которые конструируют данный дискурс. Анализ показал, что для подчеркивания абсурдности и нереальности происходящего кризисный дискурс чаще всего обращается к метафорам из сферы цирка. Использование эпитетов с негативным эмоционально-оценочным компонентом, а также синонимических рядов с доминантой «хаос», «бедность», «ограничивать» позволяет сделать вывод, что кризис системы образования видится как безусловно негативное явление, а не как переломный момент, способный подтолкнуть в том числе и к положительным изменениям.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, метафора, коммуникативная стратегия, медиадискурс, дискурс кризиса, covid, синонимическая аттракция.

Дискурсивные исследования стали популярны относительно недавно. Но, несмотря на недолгую историю изучения, дискурс сейчас, пожалуй, одно из центральных понятий в разного рода лингвистических областях. И это неудивительно, ведь подобно концепту он пронизывает всю нашу жизнь, все формы ментального и речевого взаимодействия, будь то повседневное общение, выступление на научном симпозиуме, чтение художественной литературы, посещение государственных учреждений. Особую роль дискурсивные исследования приобрели в последний год в связи с известными событиями: пандемией, локдауном и последовавшим за ним кризисом, когда, изучая освещение происходящих событий в СМИ, исследователи могут выявить «болевы точки», «точки роста», наиболее актуальное и тревожащее людей. В связи с этим представляется необходимым вкратце пояснить, что мы понимаем под дискурсом вообще и дискурсом кризиса в частности.

Под дискурсом мы, вслед за Ю. В. Ключевым, понимаем один из способов представления и категоризации мира, позволяющий в зависимости от меняющихся условий придавать этой категоризации различные значения [5]. Дискурс позволяет отделить утверждения, имеющие значения, от тех, которые значения не имеют [6].

Различные исследователи по-разному рассматривают вопрос о том, чем поддерживается порядок дискурса. Это может быть интертекстуальность или артикуляция [10]. В любом случае порядок

дискурса позволяет не только структурировать дискурс, но и, используя первый в качестве методического инструмента, наблюдать за различными дискурсивными практиками [5].

Проанализировав попытки классификации и систематизации существующих теорий дискурса, можно сделать вывод, что они сосредоточены либо на том, какая область научного знания оказала наибольшее влияние на дискурс на отрезке времени [9], либо на изучении дискурса с когнитивной точки зрения, соотношении текста и дискурса [7], либо на объектах, становящихся основой для дискурс-анализа [9]. Следуя третьему подходу, выделяют множество видов дискурса (публицистический, политический, философский, художественный и т. п.), в том числе дискурс кризиса [3]. Остановимся на этом относительно новом понятии более подробно.

Феномен, появившийся на пересечении дискурса и кризиса, требует уточнения. И если о дискурсе и подходах к его изучению мы говорили выше, то понятие «кризис» требует уточнения. Самое широкое понимание кризиса подразумевает, что кризис — это поворотный пункт в развитии общества. Более узкое — внезапная остановка в процессе, которая может как улучшить, так и ухудшить ситуацию. Однако в рамках данного исследования наиболее перспективным и позволяющим многоплановое его изучение является понимание кризиса как ситуации раскоординированности системы, при которой власть не справляется с решением проблем привычными методами [8].

Используя последний подход к пониманию кризиса, приходим к тому, что кризисный дискурс призван структурировать и описывать признаки самого факта кризиса, изучение его причин и последствий, учет и анализ антикризисной политики и ее эффективность, а также результативность, с которой власть справляется с кризисной ситуацией [7]. В свою очередь анализ кризисного дискурса позволяет выявить наиболее актуальные аспекты жизнедеятельности общества в состоянии кризиса, осознать масштабы и влияние происходящего на социум.

В связи с этим перспективным представляется изучение дискурса кризиса в медийном дискурсе, поскольку именно СМИ оперативно отражают происходящее в обществе.

Научная новизна исследования заключается: а) в изучении феномена «дискурс кризиса» в текстах СМИ, посвященных проблемам образования; б) выявлении языковых средств конструирования реальности конфликта в системе образования в текстах СМИ; в) установлении и описании особенностей языковых средств применительно к кризисному дискурсу СМИ. Целью данного исследования является критический анализ языковых средств дискурса кризиса, отображающих конфликт коллективных установок по вопросам образовательной политики.

Образование является одним из важнейших компонентов социальной системы и обеспечивает эффективную деятельность отдельных индивидов и общественных групп. Учреждения образования не только дают знания, но, являясь главным инструментом социализации, готовят учащихся ко взрослой жизни. В результате пандемии система образования оказалась «на передовой». Поскольку одним из способов сдерживания коронавирусной инфекции явилась социальная изоляция, государственные власти потребовали частичного или полного закрытия образовательных учреждений. Таким образом, школы оказались перед сложным выбором: попытаться перевести образовательный процесс в дистанционный образовательный формат или временно прекратить образовательную деятельность. В результате более 1,5 млрд учащихся по всему миру (91,3 % общего числа обучающихся) оказались отрезаны от своих школ и университетов [1]. Кризис, охвативший систему образования, связан с глобальными потрясениями, вызванными пандемией. Заставив столкнуться с абсолютно новыми вызовами, он обострил и те проблемы образования, которые давно вошли в противоречие

с новыми социальными реалиями и требовали модернизации с целью повышения потенциальных ресурсов образовательных учреждений.

Проявления кризиса находят наиболее полное отражение в заявлениях представителей официальной власти, руководителей учреждений образования, преподавателей, а также самих обучающихся и их родителей, которые по-разному определяют происходящее в системе образования. Более продуктивным оказывается анализ ситуации сквозь призму кризисного дискурса, имеющего в качестве основания экономические, социальные и политические проблемы, с особым акцентом на публицистические материалы интернет-изданий ведущих британских журналов и газет (*The Economist*, *The Spectator*, *The Guardian*, *The Independent*) и новостного сайта британской общенациональной общественной телерадиовещательной организации Би-би-си (BBC) за 2020 г.

Важными точками дискурсивности являются осознание и публичное признание или непризнание обществом существующего кризиса, его глубины и причин. Отбор фактов — это одна из эффективных медиатехнологий, которая позволяет интерпретировать события, так или иначе расставляя политические акценты. В ситуации с пандемией мы наблюдаем признание наличия тяжелого кризиса в системе среднего и высшего образования, подкрепленное фактическим материалом. Как показал опыт весны 2020 г., организовать полноценное онлайн-обучение не удалось по ряду объективных факторов. Среди них — низкий уровень материально-технического обеспечения социально неблагополучных семей, отсутствие единой платформы онлайн-обучения и навыков работы в цифровой среде у педагогов: *Then there is the problem of access to online classes. Nearly half of Native American pupils and 35 % of black and Hispanic ones do not have access to either a computer or the internet at home, compared with 19 % of whites. (Возникает проблема доступа к онлайн-урокам. Почти половина детей коренных американцев, 35 % чернокожих и латиноамериканцев не имеют доступа к компьютеру или интернету дома против 19 % белых школьников.)* (*the Economist*).

Limited or no access to technology was a problem for around a quarter (23 %) of pupils, school leaders told the NFER. (Ограниченный доступ к технологиям или его отсутствие были проблемой примерно для четверти (23 %) учеников, сообщили руководители школ NFER.) (*the BBC*).

Disrupted schooling spells worse results and deeper inequality. This would fall heaviest on black pupils,

who would regress by over ten months'-worth of instruction, and poor ones, who would fall behind by more than a year. There could also be 648,000 more high-school dropouts. (Приостановка школьного обучения приведет к ухудшению результатов и более глубокому неравенству. Сильнее всего это коснется чернокожих учеников, у которых ухудшится успеваемость в результате потери десяти месяцев обучения, и бедных, которые отстают более чем на год. Также может быть на 648 000 больше ребят, бросивших школу (the Economist).

Сегодня в мировом сообществе не выработано достаточного опыта для определения объемов и механизмов финансирования системы онлайн-обучения. Однако, по мере того как школьники возвращаются в классы, остро встает вопрос о необходимом финансировании учебных заведений с целью соблюдения санитарно-эпидемиологических правил и покупки бесконтактных термометров, антисептиков, рециркуляторов и другого оборудования. Многие школы не соблюдают эти меры по ряду объективных причин, связанных с изношенностью зданий и нехваткой площадей:

*Any school child can confirm that most school settings currently **fall into the red zones** on this chart, representing relatively unsafe conditions: **poorly ventilated, high-occupancy environments with people speaking without face coverings for a prolonged period of time.** (Любой школьник может подтвердить, что большинство школ в настоящее время попадают в красные зоны на этой диаграмме, из-за небезопасных условий: плохо вентилируемые многолюдные помещения, в которых люди не используют маски в течение длительного периода.) (the Guardian).*

Кризисная ситуация, связанная с необходимостью дополнительного финансирования, поставила под угрозу бюджеты всех образовательных учреждений и муниципалитетов:

*School leaders have said they are having to weigh up pupil safety against financial stability because their **budgets have been stretched to breaking point** by the burden of the coronavirus pandemic ahead of full re-opening in England this week. (Руководители школ заявили, что им приходится думать о безопасности учеников наряду с финансовой стабильностью, потому что их бюджеты были опустошены из-за пандемии коронавируса в преддверии полного открытия в Англии на этой неделе.) (the Guardian).*

ВОЗ рекомендует применять целый ряд мер, которые могут быть адаптированы к местной эпидемиологической ситуации. Местные органы управле-

ния находятся в лучшем положении для принятия решений об этих мерах и о том, как их надлежит адаптировать и осуществлять. Тем не менее несогласованные действия властей и отсутствие четких рекомендаций продолжают приводить к кризисным ситуациям:

***Clear guidance from the government as to just what these steps are, and when they will be triggered** — for example, if new cases per day rise above 10 or 50 per 100,000 as Independent Sage suggested in a recent report — **is currently sorely lacking.** (Четких указаний со стороны правительства относительно того, что это за шаги и когда они будут инициированы — например, если количество новых случаев в день превышает 10 или 50 на 100 000, как предложила в недавнем отчете научно-консультативная группа по чрезвычайным ситуациям Великобритании, — в настоящее время крайне не хватает.) (the Guardian).*

*In key areas, the government is **well behind** where it needs to be in terms of its thinking, planning and delivery. (В ключевых областях правительство сильно отстает от того, что должно быть эффективно с точки зрения мышления, планирования и выполнения.) (the Guardian).*

Полученный на сегодняшний день опыт свидетельствует о том, что школы играют большую роль в усилении передачи пандемического вируса как внутри школ, так и в рамках более широкого сообщества. Несмотря на то что вспышки болезни в школах, несомненно, являются одной из важных особенностей текущей пандемии, власти, по мнению некоторых журналистов, не хотят признавать опасность данного явления:

*Everyone wants children to be able to continue learning without interruption, but current government school reopening guidelines **fail to incorporate a crucial lesson** we've learned in the past six months: the risk of so-called aerosol transmission by people without symptoms, now understood to be a major mode by which the virus is shared. (Все хотят, чтобы дети могли продолжать обучение без перерыва, но действующие в настоящее время правила открытия государственных школ не учитывают важный урок, который мы усвоили за последние шесть месяцев: риск так называемой передачи вируса воздушно-капельным путем людьми без симптомов, который теперь, как становится ясно, является основным способом распространения вируса.) (the Guardian).*

Другая часть общества, наоборот, считает, что более опасной для школьников будет перспектива остаться дома:

The risks of not going to school are much more severe in terms of emotional, developmental and nutritional health. (Риски непосещения школы гораздо более серьезны с точки зрения эмоционального здоровья, здоровья в плане развития и питания.) (the Independent).

Большую роль в представлении кризисной ситуации играют концептуальные метафоры, которые активно участвуют в формировании личностной модели мира, интегрируют вербальную и чувственно-образную систему человека, а также являются основным инструментом познания действительности. Метафора как стилистический прием, употребляемый в косвенном значении, предоставляет возможность углубить содержание медийных текстов путем вовлечения запоминающихся оценочных, часто особых для культуры образов [4]. Таким образом, употребляемые в СМИ метафоры не только выражают отношение журналистов к кризисным явлениям в образовании, но и обладают потенциалом структурировать отношение читателей данной ситуации.

В рамках прикладного когнитивного и одновременно критического подхода метафоры в кризисном дискурсе интересны не только как индикаторы, позволяющие вести мониторинг наиболее болезненных точек, но и как инструменты, при помощи которых формируется мнение читателей.

Так, кризисная ситуация, связанная с плохим финансированием, попытками учителей, детей и родителей справиться с новыми форматами образовательного процесса, переосмысливается с помощью цирковой сферы-источника. Участники кризиса словно эквилибристы пытаются жонглировать, балансируя и с трудом сохраняя равновесие:

Paul Gosling of Exeter Road community primary school in Devon said he would have ideally liked to have had a cleaner on site from this week to cover shared spaces, but it would have cost £15,000 at a school whose budget may only just balance by the end of the year after many years of cuts.

Covid-19 forcing schools in England 'to juggle pupil and financial safety' (the Guardian).

Young people have missed out on too much school already and as any parent or career will tell you, juggling home learning with home working is not sustainable for either children or adults in the long term (the Guardian).

Создание атмосферы непредсказуемости достигается за счет использования стратегии психологического напряжения: тексты СМИ, посвященные кризису образования, пестрят эпитетами

с негативной коннотацией (*uncertain, tricky, severe, gloomy*), гиперболами (*mushroom, the worst health outcomes, the greatest challenges, a potential threat to the educational development of a generation of children*), экспрессивно окрашенными метафорами «краха» (*desperately shuffling, to fall apart, in big trouble, to be left in a bind*) и «хаоса» (*obfuscating*), переплетающимися с метафорами «игры» и «кулинарии»: *Whether the sort of mingling that happens at school is also a recipe for disaster is best judged by looking at countries where schools have reopened (the Economist).*

This analysis shows that children who already face the greatest challenges have suffered the worst impact to their learning during the lockdown, and that the digital divide is largely to blame. (Этот анализ показывает, что дети, которые уже сталкиваются с самыми серьезными проблемами, пострадали в наибольшей степени во время изоляции и что во многом виноват цифровой разрыв.) (the BBC).

The government could do a lot of good here by taking that uncertainty off the table, but instead it is obfuscating and using incorrect data to claim that schools already have plenty in their coffers (the Guardian).

School leaders who spoke to the Guardian, however, described desperately shuffling budgets, sidelining projects and plans and making do with a fraction of what was required (the Guardian).

Headteachers have been left in a bind by the closure in July of a government support fund that has not reopened in time for the uncertain return of millions of students to classrooms (the Guardian).

Everyone is losing out in this generation, some much more than others (the BBC).

В рамках стратегии создания эмоционального напряжения противостояние образовательных учреждений данным вызовам часто представлено посредством метафор «войны», которые создают множество негативных ассоциаций. Следует заметить, что школы предстают в виде защищающейся стороны, пытающейся справиться с коварным вирусом и его последствиями: *Many of our members have voiced their concerns to us that their schools will struggle to meet these costs, particularly in the context of years of cuts to education budgets. Schools need to be assured that they will be provided with the additional financial and practical resources they need to remain open without cutting corners on safety (the Guardian).*

It is still far from clear whether schools will succeed in re-opening next week, as government ministers, education authorities and unions battle it out over safety — or supposed safety — concerns (the Spectator).

*Such a lag could potentially enable outbreaks to grow rapidly before **they are stifled** by self-isolation. Without widespread surveillance in place, school outbreaks driven by asymptomatic transmission can easily mushroom* (the Guardian).

*The opportunity **to squelch the virus** over the summer has been lost, upending plans for «hybrid» education (part-time in-person instruction)* (the Guardian).

В рамках коммуникативной стратегии героизации журналистами применяется тактика «контраст — сопоставление», базирующаяся на контрасте, цель которого — вызвать положительную реакцию у читателей к тем, кто отважно противостоит кризисной ситуации:

*She **praised the heroic efforts** of teachers and other staff who made reopening possible, but warned there was a danger their goodwill — and that of parents — would be lost if testing troubles meant separating colds from Covid couldn't be done quickly. (Она высоко оценила героические усилия учителей и других сотрудников, которые сделали возможным повторное открытие, но предупредила, что их усилия — и добрая воля родителей — будут поставлены под угрозу, если из-за проблем с тестированием невозможно будет быстро отличить простуду от ковида.)*

*The way in which the school has communicated with understandably nervous parents is also **singled out for praise**. (Также заслуживает похвалы способ общения школы с нервными родителями.)* (the Independent).

Помимо метафор и прочих средств создания дискурса, СМИ прибегают к лексическим средствам: определенному выбору слов и построению предложений. Журналисты эксплуатируют, возможно, неосознанно, закон синонимической аттракции, который гласит, что явления и предметы, наиболее актуальные для общества в определенной период, привлекают к себе наибольшее количество синонимов [2]. В условиях кризиса образования и неспособности современного общества эффективно этот кризис преодолеть развиваются синонимические ряды к лексическим единицам со значением «бедность», «ограничения», «запреты», «изоляция».

Наибольшая длина синонимического ряда наблюдается у лексических единиц со значением «запрещать», «закрывать». Ситуация с распространением коронавирусной инфекции привела к необходимости вводить ограничительные меры, которые существенно повлияли на образовательный процесс. В системе образования на первое место вышли не те проблемы, которые всегда яв-

лялись насущными: учебные планы, содержание учебной деятельности, методы и приемы и т. п. Сейчас на первое место вышли меры безопасности, отсюда и такое количество указанных синонимических рядов. К ним же примыкают синонимические ряды со значением «общение», поскольку одним из эффективнейших методов борьбы с вирусом считается сокращение социальных контактов. Поскольку образование традиционно было сферой, в которой важно не только обучение, но и общение, кризисный дискурс в сфере образования приобрел новые черты:

*The hundreds of thousands of students due to arrive at England's universities in the coming weeks also face a **ban on house parties** under the "rule of six". (Сотни тысяч студентов, которые должны прибыть в университеты Англии в ближайшие недели, сталкиваются с запретом на проведение домашних вечеринок, согласно «правилу шести».)*

*Students must **limit socialising**, staying within separate "households", and be taught in managed groups. (Студенты должны ограничить социальные контакты, не выходить за рамки одного домохозяйства и будут обучаться в закрытых группах.)*

*Manchester students **warned off club nights**. (В Манчестере студентам рекомендуют воздержаться от посещения клубных вечеринок.)*

*University buildings **closed** to everyone except key workers those conducting essential research (В зданиях университетов **запрещено** заходить всем, кроме сотрудников, выполняющих жизненно важные исследования)* (the BBC).

Кроме того, как было указано выше, ситуация с онлайн-обучением обнажила еще одну проблему, не столько очевидную при традиционном образовании: значительную разницу в материальном положении и отсутствие возможности онлайн-обучения для детей из разных социальных слоев. Именно поэтому в СМИ в кризисном дискурсе значительный по длине синонимический ряд получила лексическая единица со значением «бедность», «недостаток», «не успевать»:

*And these areas have high levels of **economic deprivation**, she said. (И в этих районах высокий уровень **бедности**.)*

*Poorer pupils already **lag behind** their classmates and they are **falling further and further behind** when schools close, as they are less likely to have access to at-home support or technology. (Бедные ученики уже отстают от своих одноклассников, и этот разрыв еще больше увеличивается при закрытии школ, когда у них нет доступа к цифровым ресур-*

сам и отсутствует возможность получить помощь.) (the BBC).

И, безусловно, логично, что в британском политическом медиадискурсе вся ситуация с коронавирусом приводит к развитию синонимических рядов со значением «хаос»:

These children have been effectively hit by a triple-whammy of long-term disadvantage, school closures and now testing chaos. (Эти дети оказались под ударом уже третий раз: долговременное неравное положение, закрытие школ, а теперь еще и хаос с тестированием.)

With challenges getting testing already wreaking havoc on our education system, it is also the lack of consistency in direction from the Department for Education and public health authorities which is frustrating school leaders when faced with decisions on whether to send home whole 'bubbles' or not. (Неразбериха с получением тест-систем [на коронавирус] уже вносит хаос в нашу образовательную систему; к ней добавляется отсутствие четких указаний от управлений

образования и здравоохранения, которые выводят из равновесия руководителей школ, когда последние сталкиваются с необходимостью принятия решений: отправлять ли домой целые группы совместно обучающихся школьников.) (the BBC).

На основании вышесказанного мы можем сделать следующие выводы:

Дискурс кризиса приобрел особую актуальность в современной ситуации глобального кризиса образования. Кризис образовательной системы, ее неспособность быстро, эффективно и без потери качества перейти в онлайн-формат нашли отражение в том числе в британском политическом дискурсе. Источниками метафоры являются сферы цирка и войны, что косвенно подтверждает абсурдность и одновременно опасность ситуации. В лексических средствах развитие синонимических рядов со значением «ограничивать», «хаос», «общение», «отставать» показывает, что дискурс кризиса больше сфокусирован на решении и описании текущей ситуации.

Список литературы

1. COVID-19 Educational Disruption and Response. UNESCO. URL: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse> (дата обращения 15.04.2020).
2. Баландина И. Д. Синонимическая аттракция как средство создания языковой картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2 (4). С. 50—55.
3. Данилова С. А. Типология дискурса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1.
4. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). С. 181—187.
5. Ключев Ю. В. Каналы, формы, ресурсы публичного политического дискурса // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2009. Вып. 1, ч. II. С. 207—217.
6. Ключев Ю. В. Дискурс в массовой коммуникации (междисциплинарные характеристики, концепции, подходы) // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2013. Вып. 1. С. 240—245.
7. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
8. Митрохина Т. Н. Кризисный дискурс // Дискурс-Пи. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizisnyu-diskurs> (дата обращения 09.10.2020).
9. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. 177 с. (Дискурсология.)
10. Филипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и методы. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. 334 с.

Сведения об авторах

Новикова Вера Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики преподавания факультета иностранных языков Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия. veranovik@mail.ru

Баландина Ирина Давидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики преподавания факультета иностранных языков Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия. irfrish@mail.ru

Селютин Александр Анатольевич — кандидат филологических наук, заведующий лабораторией цифровых гуманитарных исследований, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. alexsell@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 1 (447). *Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 114—120.*

EDUCATIONAL PROBLEMS FROM THE PERSPECTIVE OF CRISIS DISCOURSE (BASED ON ENGLISH MASS MEDIA)

V. P. Novikova

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. veranovik@mail.ru

I. D. Balandina

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. irfrish@mail.ru

Al. A. Selyutin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. alexsell@mail.ru

The article studies discourse of crisis found in British media. Furthermore the authors research the crisis in educational system giving reasons and results of it. The novelty of the article lies in the fact that the authors have studies crisis discourse in the media, identified and analysed language means employed to create the atmosphere of conflict in the system of education. The purpose of the article was to describe and analyses functioning of linguistic means employed for description collective attitudes in educational sphere. The authors make the point that the media use hyperbole and metaphors, as well as epithets and synonymic rows. The source sphere for the metaphors is circus to emphasis the abnormality of the current situation. The epithets create the atmosphere of horror, while the most frequent synonyms belong to the semantic field of limitations, chaos and poverty. This result contradicts to the understanding of crisis as a challenge that could change the situation for the best. Media discourse sees educational crisis as a totally negative phenomenon.

Keywords: *cognitive linguistics, metaphor, communicative strategy, mediadiscourse, crisis discourse, covid, synonymic attraction.*

References

1. COVID-19 Educational Disruption and Response. UNESCO. URL: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse>.
2. Balandina I. D. (2009) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 2 (4), pp. 50—55 [in Russ.].
3. Danilova S. A. (2015) *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki*, no. 1 [in Russ.].
4. Dobrosklonskaja T. G. (2014) *Nauchnye vedomosti BelGU. Serija: Gumagitarne nauki*, no. 13 (184), pp. 181—187 [in Russ.].
5. Kljuev Ju. V. (2009) *Vestnik St. Petersburg GU. Ser. 9*, iss. 1. pt. II, pp. 207—217 [in Russ.].
6. Kljuev Ju. V. (2013) *Vestnik St. Petersburg GU. Ser. 9*, iss. 1, pp. 240—245 [in Russ.].
7. Kubrjakova E. S. (1997) *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov* [Brief dictionary of cognitive terms]. Moscow. 245 p. [in Russ.].
8. Mitrohina T. N. (2016) *Diskurs-Pi*, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizisnyy-diskurs> [in Russ.].
9. (2006) *Sovremennye teorii diskursa: mul'tidisciplinarnyj analiz* [Contemporary theories of discourse; cross-disciplinary analysis]. Ekaterinburg. 177 p. [in Russ.].
10. Filipis L. Dzh., Jorgensen M. V. (2004) *Diskurs-analiz: teorija i metody* [Discourse analysis: theory and methods]. Kharkiv. 334 p. [in Russ.].

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ В ЛЕКСИКОНЕ ЧЕЛОВЕКА

С. А. Песина¹, Т. Ю. Солончак²

¹Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия

²Старглобэ, Лугано, Швейцария

Представлены результаты психолингвистического эксперимента, направленного на выявление способов репрезентации полисемантов в лексиконе, в частности, на верификацию кластерно-инвариантной структуры полисемантов, выявление сетевой модели организации лексикона, доминантных элементов структуры слова, алгоритмов декодирования переносных значений. Результаты исследования показали, что носитель языка не нуждается в хранении развернутых дефиниций для оперирования значениями слов, а для идентификации значений им достаточен был минимальный набор признаков.

Ключевые слова: семантическая структура слова, экспериментальное исследование, многозначное слово, семантика, значение.

Известно, что семантика, или содержание значений слов, вторична по отношению к знаниям о мире и эволюционирует медленнее своего источника в силу системной консервативности. В этой связи возникает вопрос: произнося слово, актуализирует ли человек в своем сознании совокупность всего накопленного знания в области, связанной с содержанием конкретного значения? Современные психолингвистические и когнитивные теории по речемыслительной деятельности, исследования в области гештальтов показывают, что в этом нет необходимости. Попытка когнитивных лингвистов ответить на этот вопрос важна для нас в плане определения объема знания, стоящего за значением, а также определения того объема содержания, который является достаточным для эффективной коммуникации.

К настоящему моменту не удается получить целостное непротиворечивое представление о функционировании значений слова в лексиконе: имеются известные семантические теории, высвечивающие отдельные аспекты функционирования слов в виде логенов, модулей, когнитивных прототипов, вербализованных концептов, фреймов, концептуальных метафор и т. п. Лингвисты не сходятся во мнении относительно того, пользуемся мы готовыми значениями или происходит их сборка в лексиконе.

Несмотря на большое число публикаций в области функционирования многозначных слов в лексиконе, остаются нерешенными базовые теоретические и практические вопросы, касающиеся следующих основных аспектов:

- Исследования фактически сводятся к двум диаметрально противоположным точкам зрения: запоминание значений списками, аналогичными словарным статьям, или сведение структур слов к общим значениям [1; 2 и др.]. Наиболее широкую поддержку в западных публикациях получила списочная теория хранения и функционирования слов в лексиконе [3; 4], согласно которой значения многозначного слова не связаны семантически и функционируют в лексиконе отдельно как омонимы. Наличие как минимум двух противоречивых теорий определяет необходимость возврата к исследованию функционирования значения и взаимодействия значений внутри структур многозначных слов.

- В когнитивистике постулируется зыбкий характер значений. Встает вопрос об эффективном использовании значений со свойствами текучести и неустойчивости. Такие характеристики значений входят в противоречие с высказыванием известного психолингвиста Л. С. Выготского о том, что значение есть зона, наиболее устойчивая, унифицированная и точная [5. С. 87].

На базе Университета Осло ведутся исследования полисемии учеными I. Falkum и A. Vicente, рассматривающими списочную теорию организации семантической структуры многозначных слов [6]. Данный подход разрозненного хранения значений слова в лексиконе мы считаем малопродуктивным, так как имеются данные, свидетельствующие о структурной целостности полисемантов.

Известные американские психолингвисты [3; 7] в результате пяти экспериментов установили, что

процесс декодирования многозначных лексем сводится к выбору значений из списка, ассоциирующихся с данным словом. Их эксперименты показали, что не существует четкой границы между полисемией и омонимией, так как, по их мнению, несмотря на отсутствие общей составляющей в содержательном плане, разница в хранении и обработке этой лексической информации не имеет серьезного значения и с одной формой ассоциируются все известные носителю языка значения. Авторы утверждают, что время, затрачиваемое на определение необходимого значения, примерно одинаково как внутри структуры полисемантов, так и у омонимичных вариантов [7].

Таким образом, фактически перечеркиваются многолетние исследования в области «семантической компактности» многозначного слова, проводившиеся учеными с конца XIX — начала XX в., получившие тогда название «общее значение». Позже в рамках когнитивной лингвистики семантическая общность внутри семантической структуры слова получала другие названия: содержательное ядро, семантический центр, инвариант и др.

В России исследования по моделированию системы связей между семантическими полями в ментальном лексиконе свидетельствуют о том, что единицы, входящие в состав ментального лексикона, группируются по полевому принципу [11]. Материалом таких исследований служат лексемы, относящиеся к разным лексико-семантическим группам, которые обнаруживают множественные связи между структурами.

В результате масштабных лингвистических экспериментов [8] были сделаны выводы в пользу модулярной теории организации ментального лексикона. В частности, речь идет о том, что в языковом сознании прямые значения хранятся отдельно от переносных: прямые и метонимические значения существительных и глаголов хранятся в одной ментальной репрезентации, а метафорические — в отдельных репрезентациях. Возникает вопрос о том, как именно разобщенно хранящиеся значения удерживаются в ментальном лексиконе в одной структуре и не распадаются на омонимы. По нашему мнению, связанность является одним из основополагающих принципов работы когнитивной системы человека и, в частности, языкового пространства, организованного по принципу семантической сети.

В последнее время предпринимаются спорадические попытки группировки значений слов. Но основная задача, которую данные исследова-

тели (это в основном специалисты по структурной лингвистике и IT технологиям) не могут до конца решить, — это разрешение лексической многозначности (word sense disambiguation), где в качестве инвентаря значений слов используются семантические сети наподобие WordNet [9; 10].

Нейролингвистические исследования могут пролить свет на строение лексикона и помочь ответить на ряд других фундаментальных вопросов семантической организации слов. Экспериментальные данные по энцефалографическому обследованию мозговой активности свидетельствуют о том, что в момент реакции на представленное слово у испытуемого визуализируется активность целой группы взаимосвязанных нейронов, находящихся в соседних областях мозга. Существует теория о том, что в мозге функционируют нейроны, чувствительные к определенным семантическим свойствам и принимающие участие в формировании более чем одной семантической сети [11]. Можно провести аналогию представления семантической структуры полисеманта и внутривидовых связей с нейронной сетью.

Согласно относительно упрощенному «атомистическому» представлению, система языка изображается как «склад» единиц, хранящихся в памяти, которые говорящий «забирает со склада» как кирпичики, составляя из них высказывание. Такая система видится довольно упрощенной, поскольку в памяти индивида не могут быть дискретно зафиксированы все варианты значений всех известных ему слов. Так, индивиду сложно привести списком все зафиксированные в словарях значения, даже если он их и неоднократно использовал. Помимо этого, сама системная информация о единицах языка, или, попросту говоря, значения, хранится в памяти индивида не в форме развернутых словарных дефиниций, а в ином, более компактном виде совместно с известными механизмами актуализаций значений. Компактная форма хранения значений, к которым должны вести множественные связи, призвана способствовать более эффективной коммуникации [12; 13].

В условиях коммуникативного цейтнота не все соединения семантических признаков осознаются, так как скорость обработки лексического материала, как правило, достаточно высока. Поэтому для схватывания значения слова в целом иногда достаточно одного или нескольких общих (инвариантных) признаков [14]. В случае если понимание не наступило, активизируются остальные компоненты, в том числе по необходимости и субъективные.

Таким образом, значение любого многозначного слова представляет собой сочетание доминантных и периферийных признаков, которые в той или иной последовательности формируют представление об объекте. Поэтому в процессе использования значений помимо необходимости иметь «банк значений» у индивида есть необходимость осуществлять «быструю сборку» значений из имеющегося материала (семантических атрибутов), то есть «уметь думать, анализировать».

В целом весь лексикон можно представить как полиструктурное образование, пронизанное сетью разнотипных связей. Лексическая сетевая модель предполагает, что значения и их признаки не существуют изолированно, а значит, вовлечение одного из них обязательно приведет к активации других [15]. Этот факт не требует запоминания всей системы, достаточно сформированных, устойчивых входных данных, которые служат своего рода ключом к «отпиранию» или активации необходимой семантической цепи.

В нашей концепции показывается, что значение рассматривается как зыбкая структура, вследствие того, что для его контекстной реализации не требуются полный комплекс стоящих за ним признаков, достаточны инвариантные компоненты. По нашему мнению, значение формируется и начинает «работать» в момент речи, чтения предложения («Слово совершается в речи» Л. С. Выготский).

Экспериментальные данные, полученные нами в течение ряда лет, дают свидетельства тому, что слова не организованы в нашем языковом сознании по принципу словаря, далеко не всегда первое значение словаря функционирует как первое в индивидуальном лексиконе, информанты довольно субъективны, их толкования значений зачастую абстрактны и сумбурны. Они не могут привести все имеющиеся значения многозначного слова, какие-то всегда бывают упущенными. Кроме того, получив задание дать толкование значению, информанты зачастую толкуют абстракции через абстракции, а фразеологизмы через фразеологизмы.

Осуществлено теоретико-экспериментальное исследование, в котором приняли участие 35 чел., являющихся студентами-филологами, из них — 28 женщин и 7 мужчин в возрасте от 18 до 22 лет.

Каждому участнику эксперимента был предложен список из шести многозначных слов русского языка: *корень*, *ветка (ветвь)*, *цветок*, *лист*, *зерно*, *ствол*. Задача эксперимента состояла в том, чтобы перечислить как можно больше значений предлагаемых слов, разместив их по частотно-

му принципу. Выявление доминантных элементов структуры слова, алгоритмов декодирования переносных значений выявлялось на основе интроспекции и использования таких методов, как лингвистическое наблюдение, описательный метод и сравнение как универсальный лингвистический прием.

Помимо этого, испытуемые должны были дать толкования приведенным значениям. Время на выполнение было ограничено 20 минутами. После обработки результатов три из 35 анкет были удалены из эксперимента, так как участники выполнили менее 50% предложенного объема. На основе полученных результатов были сделаны следующие выводы:

- Выбранные для анализа многозначные слова лексико-семантической группы «Растения и их части» содержит полисеманты с развитой лексической структурой. Однако ни один испытуемый не представил все имеющиеся значения. Если среднее число значений варьировалось от 4 до 6—7, то большая часть опрошиваемых (85%) ограничились 1—3 значениями. Характерно, что в качестве главных значений у таких полисемантов, как «ствол», «ветка», «лист» и «зерно», были представлены такие метафоры, как «оружие», «линия метро», «лист бумаги» и «урожай» соответственно. Это указывает на доминирующие социально-культурные приоритеты информантов и их возрастные особенности.

- Информанты приводили значения, не зафиксированные словарями современного русского языка. Например, «цветок» трактовался как *ласковое обращение*, «ствол» понимался сквозь призму *стволовых клеток человека*, «зерно» толковалось как *кристаллы фотоэмульсии при производстве и обработке фотографий*, а также *мельчайшие детали ювелирных украшений*. Приведенные толкования можно отнести к разряду неологизмов, поскольку они в большинстве своем понятны носителям языка. Даже толкование метафоры «зерно» как *мельчайшие детали ювелирных украшений* вряд ли можно отнести к окказионализму, поскольку оно лишено субъективности и, скорее всего, не вызовет непонимания у носителей языка. По всей видимости, зафиксировать данные значения лексикографически остается делом времени (как говорится, лексикографическая практика в большом долгу у языка). В этой связи исключением служит толкование метафоры «ствол» как *ствол колонны*, что является, на наш взгляд, несколько субъективным.

- Что касается субъективности, то 30 % респондентов привели очень необычные трактовки значений, которые, по нашему мнению, совсем не раскрыли их содержания и не претендовали на неологизмы: «корень» — это *нечто грязное и сырое*, «лист» — это *показатель того, что дерево живое*.

- Очень важным моментом был тот факт, что в качестве толкования семантики значений приводились абстракции. Например, «цветок» — это *нечто распустившееся и красивое*, «корень» — это *основа чего-либо, первоисточник, начало проблемы*, «ствол» — это *нечто прочное и твердое*, «зерно» — это *то, с чего что-либо начинается, основная мысль*, а также *рассуждение, способное вызвать сомнение*, «ветка» — это *разнообразные соединения*. Наличие таких значений и их толкований свидетельствует об особенностях организации семантической сети многозначных слов в лексиконе и особенностях строения ментального и языкового лексикона в целом.

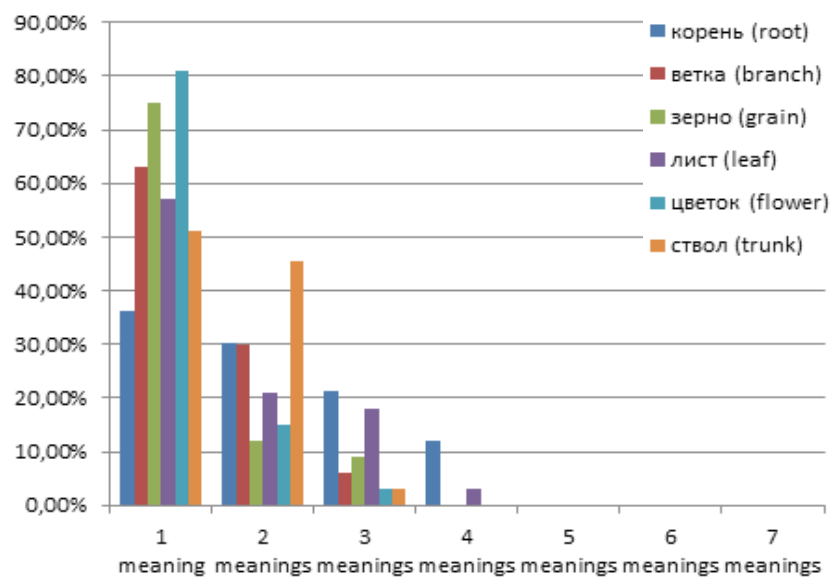
На первый взгляд, данные толкования выглядят слишком общими, неясными и обрывочными. С другой стороны, обобщенные инвариантные значения (мы называем их *лексические инварианты* или *инвариантные группы*) способствуют более эффективной коммуникации, так как обеспечивают быстрый доступ к семантике всего слова, что необходимо в процессе общения вследствие давления, оказываемого коммуникативным цейтнотом. Такой высокий уровень обобщения крайне необходим для глубинного «прочувствования» семантики всего многозначного слова. Он неизменно формируется у носителей языка по мере использования различных переосмыслений, входящих в структуру слова. Это служит показателем степени развитости семантических сетей и взаимосвязи элементов внутри блоков или узлов значений. Использование этих обобщений или лексических инвариантов указывает на сформированность и взаимодействие в лексиконе целых кластеров значений [16] (см. рисунок справа).

Информанты выделили наиболее значимые и актуальные части соответствующих объектов. Интересно,

что А. Р. Лурия утверждал, что изначально человеческий мозг понимает объекты как совокупность компонентов, в которых мозг разделяет полученные изображения или информацию, но с ростом понимания объекта приобретает символизированный характер [6]. Личное субъективное культурно и социально обусловленное восприятие окружающей среды постоянно корректирует их языковую картину мира. То, как некоторые информанты игнорировали первые значения, показало возможное существование и функционирование семантической доминанты, более абстрактной, не представленной в словарях как наиболее частотная. Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что наш лексикон является динамически развивающимся и, с одной стороны, склонным к обобщениям, с другой — в достаточной степени социально, культурно обусловленным хранилищем данных, где личная интерпретация входящей информации часто преобладает над объективной.

Кроме того, испытуемые не использовали развернутых дефиниций значений. Для идентификации значений им достаточен был минимальный набор признаков. Возможно, функционирование концептуальной системы человека осуществляется по принципу семантической сети со многими выходами как сложной многоуровневой системы парадигматических связей, позволяющих эффективно ориентироваться в окружающей среде, адаптироваться к ней и управлять ею.

С вышесказанным связан тот факт, что порядок хранения значений многозначных слов в ментальном лексиконе не соответствует поряд-

Процент числа значений, данных информантами, к общему количеству значений, приведенных в русских толковых словарях

ку, приведенному в толковых словарях, так как на порядок значений в ментальном лексиконе оказывают влияние частотность и ряд экстралингвистических факторов (интерес, окружающая среда и пр.). Как показал эксперимент, часто на первое место носитель языка ставит значение, актуальное для него в данный момент. Последние хранятся либо в довольно свернутом виде, либо в виде набора семантических признаков абстрактного характера [18; 19].

Выявление алгоритмов осмысления переносных значений и взаимосвязи элементов внутри структуры слова в целом может существенно дополнить семантическую теорию. Представление семантической структуры слов в виде семантической сети связанных между собой значений и компонентов имеет ряд преимуществ перед списочной теорией, так как позволяет учитывать ассоциативные, категориальные, инвариантные и другие взаимосвязи между узлами сети.

Список литературы

1. Апресян В. Ю. [и др.]. О методе комплексного семантического, статистического и психолингвистического анализа многозначности // *Русская речь*. 2019. № 1. С. 8—17.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Школа «Языки рус. культуры», 1995.
3. Архипов И. К. Природа и диапазон семантического варьирования слова: к проблемам прототипической семантики // *Современные проблемы теории языка: сб. ст.* СПб.: РГПУ, 2000. С. 33—39.
4. Белоусов К. И., Ерофеева Е. В., Лещенко Ю. Е. Полевой принцип организации ментального лексикона и сценарии активации полей // *Вопросы психолингвистики*. 2018. Ч. 35, № 1. С. 39—53.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь. *Общая психология. Тексты. Раздел III. Субъект познания* // Вып. 1. *Познавательные процессы: виды и развитие*. Ч. 2. М., 1997.
6. Лурия Ф. Р. *Язык и сознание* / под ред. Е. Д. Хомской. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
7. Песина С. А., Солончак Т. Ю. Метафора и лексический инвариант // *European Social Science Journal*. 2014. № 10-1. С. 238—245.
8. Песина, С. А. *Языковой знак и коммуникативные процессы в философском аспекте: монография*. М.: Флинта: Наука, 2012.
9. Песина С. А., Зимарева О. Л., Баклыкова Т. Ю. Экспериментальное исследование семантической структуры слова в свете антропоцентрического подхода // *Гуманитарно-педагогические исследования*. 2019. Т. 3, № 4. С. 34—38.
10. Юсупова Л. Г., Песина С. А. Антропоцентризм как источник пополнения словарного состава языка // *Вестник Башкирского университета*. 2016. Т. 21, № 4. С. 1083—1089.
11. Falcum I. L., Vicente A. Polysemy: Current perspectives and approaches // *Lingua*. 2015. 157.
12. Foraker S., Murphy G. L. Polysemy in sentence comprehension: effects of meaning dominance // *Memory Lang.* 2012. № 67. P. 407—425.
13. Frisson S. Semantic Underspecification in Language Processing // *Language and Linguistics Compass*. 2009. Vol. 3, iss. 1. Pp. 111—127. URL: <http://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2008.00104.x>.
14. Hodges J. R., Patterson K. Semantic memory disorders. *Trends in Cognitive Sciences*. 1997. № 1 (2). P. 68—72.
15. Klein D. E., Murphy G. L. The representation of polysemous words // *J. Memory Lang.* 2001. № 45 (2). P. 259—282.
16. Navigli R., Ponzetto S. Babel P. Net: The automatic construction, evaluation and application of a wide-coverage multilingual semantic network // *Artificial Intelligence*. 2012. Vol. 193. P. 217—250.
17. Panchenko A. [et al.]. Human and Machine Judgements for Russian Semantic Relatedness // *Analysis of Images, Social Networks and Texts: 5th International Conference, AIST 2016, Yekaterinburg, Russia, April 7—9, 2016, Revised Selected Papers*. P. 221—235.
18. Pustejovsky J. *The Generative Lexicon* // *Language*. 2002. № 17. DOI: 10/2307/415891.
19. Solonchak T., Pesina S. The Image as an Initial Element of the Cognitive Understanding of Words // *International Science Conference: International Conference on Language and Technology. World Academy of Science, Engineering and Technology*. 2014. Vol. 8, no. 6, pt. XI, Venice, Italy. P. 994—999.

Сведения об авторах

Песина Светлана Андреевна — доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор кафедры английского языка Магнитогорского государственного университета им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия. spesina@bk.ru

Солончак Татьяна Юрьевна — кандидат филологических наук, юрист компании «Старглобэ Лтд», Лугано, Швейцария. tanusha_mgn@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 1 (447). *Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 121—127.*

WAYS OF REPRESENTATION OF WORD MEANINGS IN HUMAN LEXICON

S. A. Pesina

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia. spesina@bk.ru

T. Yu. Solonchak

Starglobe Ltd, Lugano, Switzerland. irinapulekha@mail.ru

The article presents the results of a psycholinguistic experiment aimed at identifying ways of representing polysemy in the lexicon, in particular, at verifying the cluster-invariant approach to polysemous words structure. Our objective is to identify a network model of the lexicon organization, dominant elements of the word structure, and algorithms for decoding figurative meanings. The results of the study showed that a native speaker does not need to store detailed definitions of meanings, as a minimum set of features was sufficient for their identifying. Dominant semantic features of a general character, representing all the meanings of a word, summarizing its semantics, can provide a quick access to the meaning. As the experiment demonstrated, the informants often put the meaning that is relevant to them at a given moment in the first place. The meanings of polysemous words are stored either in a rather reduced form as a network, or in the form of a set of semantic features of rather abstract nature.

Keywords: *semantic structure of a word, experimental research, polysemous word, semantics, meaning.*

References

1. Apresjan Ju. D. [et al.] (1995) *Izbrannye trudy. T. 1. Leksicheskaja semantika. Sinonimicheskie sredstva jazyka* [Lexical semantics. Synonymous language means]. Moscow [in Russ.].
2. Apresjan V. Ju. [et al.] (2019) *Russkaja rech'*, no. 1, pp. 8—17 [in Russ.].
3. Arhipov I. K. *Priroda i diapazon semanticheskogo var'irovanija slova: k problemam prototipicheskoj semantiki* [The nature and range of semantic variation of a word: towards the problems of prototypical semantics]. *Sovremennye problemy teorii jazyka* [Modern problems of language theory]. St. Petersburg, RGPU, 2000. Pp. 33—39 [in Russ.].
4. Belousov K. I., Erofeeva E. V., Leshhenko Ju. E. (2018) *Voprosy psiholingvistiki*, ch. 35, no. 1, pp. 39—53 [in Russ.].
5. Vygotskij L. S. (1997) *Myshlenie i rech'. Obshhaja psihologija. Teksty. Razdel III. Sub'ekt poznanija* [Thinking and speech. General psychology. Texts. Section III. Subject of Cognition], iss. 1. *Poznavatel'nye processy: vidy i razvitie. Ch. 2.* Moscow [in Russ.].
6. Lurija F. R. (1998) *Jazyk i soznanie* [Language and consciousness]. Rostov on Don, Feniks [in Russ.].
7. Pesina S. A., Solonchak T. Ju. (2014) *European Social Science Journal*, no. 10-1, pp. 238—245 [in Russ.].
8. Pesina S. A. (2012) *Jazykovoju znak i kommunikativnye processy v filosofskom aspekte* [Linguistic sign and communication processes in a philosophical aspect]. Moscow, Flinta, Nauka [in Russ.].
9. Pesina S. A., Zimareva O. L., Baklykova T. Ju. (2019) *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovanija*, vol. 3, no. 4, pp. 34—38 [in Russ.].
10. Jusupova L. G., Pesina S. A. (2016) *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 21, no. 4, pp. 1083—1089 [in Russ.].

11. Falcum I. L., Vicente A. (2015) *Lingua*, 157.
12. Foraker S., Murphy G. L. (2012) *Memory Lang.*, no. 67, pp. 407—425.
13. Frisson S. (2009) *Language and Linguistics Compass*, vol. 3, iss. 1, pp. 111—127. Available at: <http://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2008.00104.x>.
14. Hodges J. R., Patterson K. (1997) *Trends in Cognitive Sciences*, no. 1 (2), pp. 68—72.
15. Klein D. E., Murphy G. L. (2001) *J. Memory Lang.*, no. 45 (2), pp. 259—282.
16. Navigli R., Ponzetto S. Babel P. (2012) *Artificial Intelligence*, vol. 193, pp. 217—250.
17. Panchenko A. [et al.] (2016) Human and Machine Judgements for Russian Semantic Relatedness // *Analysis of Images, Social Networks and Texts: 5th International Conference, AIST 2016, Yekaterinburg, Russia, April 7—9, 2016, Revised Selected Papers*. Pp. 221—235.
18. Pustejovsky J. (2002) *Language*, no. 17. DOI: 10/2307/415891.
19. Solonchak T., Pesina S. (2014) The Image as an Initial Element of the Cognitive Understanding of Words. *International Science Conference: International Conference on Language and Technology*. World Academy of Science, Engineering and Technology. Vol. 8, no. 6, pt. XI, Venice, Italy. Pp. 994—999.

ОБРАЗ ГОРОДА В ТЕГАХ

С. А. Питуна, Г. В. Урванцев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассмотрены особенности репрезентации образа города в тегах на материале приложения для фотографов EyeEm. Представлена подробная классификация тегов, отражающая основные составляющие городского пространства, проанализированы теги английского, русского и немецкого сегментов приложения EyeEm в аспекте контрастивной лингвистики и сопоставительной лингвокультурологии.

Ключевые слова: тег, образ города, приложение EyeEm, составляющая городского пространства.

Введение

Городская среда в последнее время привлекает внимание большого числа исследователей. В контексте актуальных лингвистических дисциплин, в частности лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, особый интерес вызывает изучение концептуального образа города посредством анализа вербальных средств его репрезентации. Одним из таких средств, без сомнения, можно считать теги. Они выполняют ту же функцию, что и ключевые слова, то есть позволяют понять, о чем идет речь в представленном материале, а также выполнить быстрый поиск материала аналогичной тегама тематики.

Если ключевые слова изучены в лингвистике достаточно подробно [См. подробнее работы ученых: 4—8], то теги привлекают внимание исследователей относительно недавно. Ключевые слова и теги анализируются в основном на материале научных статей различной тематики. Так, Е. Г. Абрамов в работе «Подбор ключевых слов к научной статье» подробно описывает разницу между ключевыми словами и тегами. Автор статьи справедливо утверждает, что тег (от англ. «метка») — «некий ярлык, характеризующий статью. По набору таких ярлыков можно быстро понять, чем отличается одна статья от другой... Отличием тега является то, что это слово может и не встречаться в тексте, однако оно будет характеризовать этот текст. Первоначальное обозначение *метатега* как раз и показывает приставкой «мета», что это внешние данные, не являющиеся частью содержания [1. С. 36]. В статье «Особенности подбора ключевых слов в англоязычных статьях (на примере исторических журналов, входящих в SCOPUS)» исследователь М. А. Екимов также подчеркивает разницу между ключевым словом и тегом. По мнению автора, тег — такое слово или словосочетание,

которое входит в состав ключевых слов к статье, но при этом ни разу не упоминается ни в заголовке, ни в аннотации, ни в тексте статьи [3. С. 47]. Автор приходит к выводу, что теги в англоязычных статьях встречаются не так часто по сравнению с русскоязычными статьями. Подчеркнем, что М. А. Екимов анализирует ключевые слова в научных статьях, а не в интернет-приложениях. Кроме того, в приложениях теги создаются не профессиональными учеными-исследователями, поэтому их выбор всегда менее строг и системен, но позволяет судить о специфике создания и восприятия текста-примитива как авторами, так и посетителями приложения. В статье показаны принципы составления ключевых слов для научной статьи, отражены направления использования.

В работах исследователей ключевые слова изучаются как текст-примитив, вторичный текст, что сближает теги и ключевые слова. Вероятно, теги и следует рассматривать как мини-текст, текст-примитив. При широком подходе к понятию «тег» его можно считать синонимом понятию «ключевое слово», при узком подходе согласимся с отличиями, указанными М. А. Екимовым. В данной статье мы придерживаемся широкого подхода к трактовке тега, как и составители многочисленных рекомендаций для создания и продвижения интернет-сайтов [См.: 9; 10 и др.].

Целью настоящей статьи является анализ тегов из приложения для фотографов EyeEm. Выбор обусловлен высокой популярностью данного продукта (свыше 10 млн скачиваний в GooglePlay, общий рейтинг 4,3 из 5), а также его назначением: это приложение-фотосток, где авторы публикуют свои снимки с целью продажи. Теги, используемые в EyeEm, ориентированы на рынок, они призваны помочь потенциальному покупателю найти нужный материал (в отличие от приложения Instagram, ко-

торое имеет еще большую популярность, но предназначено в первую очередь для некоммерческого использования). Таким образом, теги в данном приложении позволяют судить об актуальности тех или иных тем снимков.

Материалы и методы

При отборе материала мы руководствовались следующими принципами:

1. Так как платформа международная, основным языком общения на ней — а также основным языком написания тегов — является английский. Следовательно, в первую очередь мы рассматривали теги с компонентами *city*, *urban* и *town*. Кроме того, для контраста мы рассмотрели теги с компонентами *город* и *Stadt*.

2. Из-за особенностей работы системы поиска тегов указанные нами компоненты были либо самостоятельными тегами (*city*, *town*, *город* и т. п.), либо компонентами словосочетаний (*cityscape*, *city center* и т. д.). Теги, где данные компоненты находились в конце, не рассматривались.

3. Для каждого тега в EyeEm доступны данные о количестве снимков, отмеченных им, что позволяет использовать количественный метод анализа для анализа материала. Порой в приложении встречаются теги, которые отличаются только орфографией или незначительными деталями, но имеют одинаковый смысл (например, *cityscape* = *city scape*, *urban exploration* = *urban exploring*, *Urban art* = *Urban Art* и т. п.). В таких случаях мы учитывали только данные по наиболее популярному их них.

4. Из выборки исключались сочетания с названиями конкретных городов типа City of London и «город Якутск», так как они отражают не образ городской среды как самостоятельного явления, но, скорее, образы отдельных городов. Кроме того, исключались теги типа *urban photography* или *city photography* как малоинформативные.

5. Далее мы группировали найденные теги по тематике, чтобы выявить наиболее значимые составляющие городской среды, а также сравнивали наполнение тегами английского, русского и немецкого сегментов.

Результаты

Всего нами было проанализировано 149 тегов. Определить точное число снимков, помеченных этими тегами, не представляется возможным, так как один и тот же снимок может быть отмечен произвольным числом разных тегов.

Наиболее популярный «городской» тег — *city* (5852 тыс. снимков на октябрь 2020 г.). Далее

следуют *cityscape* (1609 тыс. снимков), *city life* (782 тыс.), *urban skyline* (565 тыс.), *urban* (515 тыс.), *town* (356 тыс.), *city street* (240 тыс.), *urban geometry* (120 тыс.), *TOWNSCAPE* (118 тыс.). Остальные теги присутствуют менее чем на 100 000 снимков, включая наиболее популярные теги в русском (город — 4,9 тыс. снимков) и немецком (*stadt* — 4 тыс. и *stadtansichten* 1,4 тыс.) сегментах. В количественном плане доминируют англоязычные теги, что объясняется, на наш взгляд, тем, что данная платформа является международной.

Все найденные теги можно сгруппировать по категориям, отражающим наиболее значимые и интересные с точки зрения фотографов составляющие городской среды:

1) Виды/пейзажи: *urban skyline*, *urban geometry*, *urban landscape*, *urban architecture*, *urban sprawl*, *urban perspectives*, *urban area*, *urbanscape*, *cityscape*, *city view*, *city lights*, *city landscape*, *city skyline*, *townscape*, *town view*, *town planning*, *городской пейзаж*, *город с высоты*, *городская среда*, *городская архитектура*, *stadtansichten*, *stadtlandschaften*, *stadtbe-sichtigung*, *stadtbild*.

2) Городская жизнь: *urban scene*, *urban lifestyle*, *urban life*, *city life*, *town life*, *townhouse*, *город в мело-чах*, *городская жизнь*, *stadtleben*.

3) Событие/приключение: *urban exploration*, *urban spring fever*, *urban explorer*, *cityexplorer*, *citytour*, *citywalk*, *city break*, *citytrip*, *Stadtreise*, *Städtetrip*, *Stadtfest*, *Stadtrungang*, *Stadtgartenspiel*.

4) Искусство: *urban art*, *urban fashion*.

5) Инфраструктура: *urban road*, *city streets*, *town street*, *Stadtautobahn*, *city centre*, *city gate*, *city location*, *city hall*, *town square*, *town hall*, *town center*, *town wall*, *stadtmauer*, *stadtmitte*, *Stadtter*, *Stadthafen*, *Stadtbad*, *Stadtbesichtigung*.

6) Природа: *urban nature*, *urban gardening*, *city park*, *town nature*, *town park*, *town beach*, *город курорт*, *городнакаме*, *город вепров*, *Stadtpark*, *Stadtwald*, *Stadtgarten*.

7) Негатив: *urban decay*, *urban escape*.

8) Время: *city of the future*, *city at night*.

В приведенном списке тегов можно отметить несколько важных моментов: темы городского искусства, времени в городе, а также негативных сторон городской жизни не раскрыты в русском и немецком сегментах. Русский сегмент также не имеет тегов, связанных с городскими событиями и улицами.

Большая часть тегов перечисленной выше тематики репрезентирована двухкомпонентными словосочетаниями или композитами-существительными

как в английском, так и в русском и немецком сегментах. Особый интерес, на наш взгляд, представляют английские синонимичные теги-бленды: *urbanscape*, *cityscape*, *townscape*, — в которых использована вторая часть существительного *landscape* — ландшафт, делая их узнаваемыми из-за ассоциации со словосочетанием *city landscape*. Следует отметить наличие образных и оригинальных тегов в русском сегменте: *город ветров*, *город в мелочах*. В английском сегменте обнаружены образные словосочетания *urban spring fever*, *city escape*. Значительная часть тегов отличается слитным написанием компонентов словосочетания, намеренно искажая правила написания слов для привлечения внимания посетителей платформы: *городнакаме*, *cityexplorer*, *citytour*, *citywalk*, *city break*, *citytrip*, *Stadtreise*, *Städtetrip*. В целом теги оправдывают свое определение как текст-примитив.

Дискуссия

Различия между наполнением разноязычных тегов во многом обусловлены тем, что большинство пользователей EyeEm предпочитают английский язык из-за его международного статуса и распространенности.

Кроме того, вне поля зрения данного исследования оказалось достаточно большое число тегов, где компонент с семой «город» не находится в начале словосочетания / сложного слова. К сожалению, поиск соответствующих тегов с помощью имеющихся в приложении средств представляется весьма нерациональным.

Если же разбирать наиболее распространенные теги для городских фотографий, то становится очевидным, что максимальной популярностью пользуются, с одной стороны, самые обобщенные теги (*city*, *town*, *urban*, *город*, *Stadt*), а с другой — те, что принадлежат к теме «Вид/пейзаж». Именно к последней категории относятся некоторые из наиболее популярных тегов: *cityscape*, *urban skyline*, *urban geometry*, *townscape*. Тег *city street*, который мы отнесли к категории «Инфраструктура», тоже можно считать «видовым».

Анализ смыслового содержания видовых тегов позволяет сделать вывод о наиболее важных компонентах городского пейзажа: это архитектура (*urban architecture*), видовые композиции (*urban/city/town view*, *city skyline*, *urban perspectives*), организация пространства (*town planning*, *город с высоты*, *urban sprawl*, *urban geometry*), освещение (*urban lights*), жители (*urban fashion*).

Также весьма важными представляются категории «Событие», «Инфраструктура» и «Природа».

Ключевыми подкатегориями темы «Событие» можно считать развлечения (*Stadtfest*, *Stadtgarten-spiel*, *urban spring fever*), поездки (в город, теги: *city break*, *citytrip*, *Stadtreise*, *Städtetrip*), а также «открытие» города для себя (*urban exploration/explorer*, *citytour*, *citywalk*, *Stadtrungang*).

Важнейшие элементы городской инфраструктуры, которые привлекают фотографов, включают в себя улицы/дороги (*city street* — один из самых популярных тегов), городской центр, мэрия/ратуша, площади, порты, а также такие исторические сооружения как стены/укрепления и городские ворота.

Природные объекты также являются неотъемлемым компонентом городского пространства, и в первую очередь соответствующие теги отражают интерес к садам, паркам и лесам, то есть «зеленым зонам», и водоемам, отчасти — к климату (город ветров, город-курорт).

Остальные категории, выделенные нами, содержат меньшее количество тегов, однако и они отражают важные представления о городе. Например, наличие достаточно большого числа тегов в категории «Городская жизнь», а также высокая популярность тега *city life*, говорят о том, что городское пространство подразумевает определенный, характерный для него образ жизни, отличающийся, к примеру, от деревенского или каких-либо других.

Схожим образом обстоит дело с тегом *urban art* и соответствующей категорией — городское искусство, очевидно, воспринимается как особенное, отличающееся от других его видов.

Теги категории «Время» обращают наше внимание на изменение образа города в течение суток, а также на его историческую судьбу.

Наконец, категория «Негатив» демонстрирует город как некое замкнутое пространство, подобное тюрьме (*city escape*), а также как пространство, где присутствует не только прогресс, но и регресс (*city decay*).

Кроме того, некоторые из тегов можно отнести сразу к нескольким категориям:

- Мода — искусство, жизнь, виды.
- Архитектура — виды, жизнь, искусство, инфраструктура.
- Порт, пляж — инфраструктура, природа, жизнь.
- Освещение — инфраструктура, жизнь, время.
- Дороги и площади — инфраструктура, жизнь.
- Ратуши и городские стены — время, инфраструктура, жизнь, искусство.

— Сады и парки — природа, инфраструктура, жизнь.

Категория городских событий в целом может быть связана со всеми остальными группами тегов.

Мы считаем, что объекты или явления, теги с которыми могут быть отнесены одновременно к нескольким категориям, представляют наибольшую значимость для концептуального образа города, так как они затрагивают разные аспекты бытия городского пространства и человека в нем.

Заключение

Фотография — один из самых популярных и удобных способов сегментирования городского

пространства, выявления в нем значимых составляющих. В условиях современного мира составляющие городского пространства зачастую вербализуются в тегах, которыми авторы или непосредственно программное обеспечение отмечают городские снимки.

Анализ таких тегов позволяет выявить ключевые темы, над которыми работают фотографы, и, как следствие, наиболее привлекательные и интересные с точки зрения как авторов снимков, так и зрителей составляющие городского пространства. Считаем, что данную информацию можно и нужно использовать при планировании развития городской среды.

Список литературы

1. Абрамов Е. Г. Подбор ключевых слов для научной статьи // Научная периодика: проблемы и решения. 2011. № 2. С. 36—40.
2. Бусыгина О. А. Структурно-семантический анализ ключевых слов в научной статье (на материале Вестника ЧГУ) // Проблемы порождения и восприятия речи: материалы выездной школы-семинара (7—8 дек. 2012 г.), Череповец / отв. ред. Р. Л. Смулаковская. Череповец: ЧГУ, 2013. С. 5—11.
3. Екимов М. А. Особенности подбора ключевых слов в англоязычных статьях (на примере исторических журналов, входящих в SCOPUS) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2020. Т. 4, № 2. С. 47—55.
4. Камшилова О. Н. Малые формы научного текста: ключевые слова и аннотация (информационный аспект) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 56. С. 107—117.
5. Москвитина Т. Н. Ключевые слова и их функции в научном тексте // Известия ЧГПИ. Филология и искусствоведение (Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарного педагогического университета). 2009. № 11. С. 277—283.
6. Сахарный Л. В., Штерн А. С. Набор ключевых слов как тип текста // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности: межвуз. сб. науч. ст. Пермь: Перм. политехн. ин-т, 1988. С. 34—51.
7. Сиротко-Сибирский С. А. Смысловое содержание текста и его отражение в ключевых словах (на материале русских текстов публицистического стиля): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988. 242 с.
8. Шереметьева С. О., Осьминин П. Г. Методы и модели автоматического извлечения ключевых слов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Лингвистика. 2015. № 1. С. 76—81.
9. Как заполнять основные метатеги для SEO-текстов? FAQ с правилами и примерами. URL: <https://panda.ru/kak-pravilno-pisat-meta-tegi-dlya-stati/>.
10. Заголовки и теги: для чего нужны и как составлять? URL: <https://1ps.ru/blog/texts/2017/tegi-i-zagolovki-tekstov-na-sajte/>.

Сведения об авторах

Питина Светлана Анатольевна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. sap.pitina@rambler.ru

Урванцев Глеб Васильевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. punkhoyleb@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 1 (447). Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 128—132.

CITY IMAGE IN TAGS

S. A. Pitina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. sap.pitina@rambler.ru

G. V. Urvantsev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. punkhoyleb@mail.ru

Peculiarities of city space representation in tags are analyzed in the article on the material of the application for photographers EyeEm. Tags of English, Russian and German segments of the EyeEm application are examined in detail from the point of view of comparative language and cultural studies. Tag analysis is supposed to outline the most interesting topics for photographers and application visitors, to compare the peculiarities of reflecting city space in English, Russian and German segments of the application. Tags are classified in detail taking into account the main constituents of the city space that include sights and landscape, city life, events, art, infrastructure, nature, negative, and time. It is stated in conclusion that tags should be taken into account in city space development planning.

Keywords: *tag, city image, application EyeEm, city space constituents.*

References

1. Abramov E. G. (2011) *Nauchnaia periodika: problemy i reshenija*, no. 2, pp. 36—40 [in Russ.].
2. Busygina O. A. (2013) Strukturno-semanticheskij analiz klyuchevykh slov v nauchnoj statie (na materiale Vestnika ChGU) [Structural and semantic analysis of keywords in a scientific article (on the material of ChSU Bulletin)]. *Problemy porozhdenia i vosprijatija rechi: materialy vuezdnoj shkoly-seminara (7—8 dekabria 2012 g.), Cherepovets* [Problems of speech generating and perceiving: materials of the visiting-school-seminar (7—8 December, 2012) in Cherepovets]. Cherepovets, ChGU. Pp. 5—11 [in Russ.].
3. Ekimov M. A. (2020) *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovanija*, vol. 4, no. 2, pp. 47—55 [in Russ.].
4. Kamshilova O. N. (2013) *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2013, no. 56, pp. 107—117 [in Russ.].
5. Moskvitina T. N. (2009) *Philology and Art History (Bulletin of South Ural State Humanitarian Pedagogical University)*, no. 11, pp. 277—283 [in Russ.].
6. Saharny L. V., Shtern A. S. (1988) Nabor klyuchevykh slov kak tip teksta [A set of keywords as a type of text]. *Leksicheskie aspekty v sisteme professionalno-orientirovannogo obucheniya inoyazychnoj rechevoj deyatel'nosti* [Lexical aspects in the system of professionally oriented teaching of foreign speech activity]. Perm, Perm Polytechnical Institute. Pp. 34—51 [in Russ.].
7. Sirotko-Sibirsky S. A. (1988) Smyslovoe sodержanie teksta i ego otrazhenie v klyuchevykh slovah (na materiale russkikh tekstov publotsisticheskogo stilia) [Semantic content of the text and its reflection in keywords (on the material of Russian publicistic texts)]. Leningrad. 242 p. [in Russ.].
8. Sheremetieva S. O., Osminin P. G. (2015) *Bulletin of South Ural State University*, no. 12, pp. 76—81 [in Russ.].
9. Kak zapolniat' osnovnye metategi dlia SEO tekstov? FAQ s pravilami i primerami [How to fill in the main metatags for SEO texts? FAQ with rules and examples]. Available at: <https://petr-panda.ru/kak-pravilno-pisat-meta-tegi-dlya-stati/>, accessed 11.25.2020 [in Russ.].
10. Zagolovki i tegi: dlia chego nuzhny i kak sostavliat [Headlines and tags: what are they for and how to make?]. Available at: <https://lps.ru/blog/texts/2017/tegi-i-zagolovki-tekstov-na-sajte/>, accessed 11.26.2020 [in Russ.].

ПОЛИТКОРРЕКТНАЯ ЭВФЕМИЗАЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

А. М. Погорелко¹, Т. Н. Герасина²

¹ *Башкирский государственный университет, Уфа, Россия*

² *Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия*

Статья посвящена изучению процессов политической эвфемизации, получающих специфическое концептуальное оформление в рамках идеологии политкорректности. Политкорректность рассматривается с точки зрения ее способности придавать политическим эвфемизмам принципиально новое смысловое качество: помимо увеличения манипулятивного потенциала такие единицы становятся мощным инструментом когнитивного воздействия на коллективное сознание, выполняя функцию оформления новой социокультурной идентичности.

Ключевые слова: *эвфемизмы, политический дискурс, политкорректность.*

Современная лингвистика исходит из постулата о синхронном взаиморазвитии языка и культуры. В практической реализации этого положения скрываются многообещающие возможности анализа коэволюции языковых механизмов и явлений культурного порядка. Интересным примером такой синхронной эволюции является область политического дискурса.

Политический дискурс не просто обязан чутко реагировать на динамику коллективного концептуального климата в обществе. Он еще должен «играть на опережение», чтобы получить стратегический выигрыш от озвучивания пока не имеющих внятного содержательного оформления ожиданий потенциального избирателя, если, конечно, эти ожидания будут правильно угаданы. Это свойство политического дискурса создает ситуацию, когда языковая политическая повестка способна оказать направляющее воздействие на концептуально подготовленную аудиторию, создать модели понимания явления, для которого в коллективном сознании или еще нет общепринятой понятийно-оценочной формы, или такая форма неустойчива. Эти модели способны действовать как когнитивные «центры кристаллизации», задавая определенную интерпретацию, понятийные рамки и ценностную структуру, инициируя таким образом эффекты воздействия языка на общественные процессы.

Одним из примеров динамики взаимообусловленности культурной концептосферы и политического дискурса могут служить эвфемизмы. Эвфемизация как языковое явление теснейшим образом соединено с социокультурной реальностью. Движущие силы семантических сдвигов и смены понятийных

областей эвфемизации порождаются факторами экстралингвистического порядка. По справедливому замечанию Л. П. Крысина, «обращаясь к теме «эвфемизмы», исследователь вынужден привлекать к анализу не только сами эвфемистические выражения, но и тот социально-культурный и языковой фон, на котором возникает нужда в эвфемизмах» [4. С. 28].

Конечно, эволюция эвфемизмов в системе «язык — культура» выходит далеко за рамки политической коммуникации. Но тем интереснее становятся процессы, в результате которых исходная и традиционная функциональность эвфемизации приобретает особую форму в среде политического дискурса и в этом новом трансформированном виде демонстрирует способность к проявлению новых культурных свойств. Как известно, областью культуры, от которой ведет свое происхождение явление эвфемизации, является мифологическая сфера запретов и табу. Именно этот аспект семантики эвфемизмов рассматривается в знаковом для последующего изучения данной проблематики исследовании Б. А. Ларина. Эвфемизмы определяются им как «разрешенные и приличные наименования, по своей природе перифрастичные или образные, скрывающие свой предмет, которые отвлекают от его узнавания, якобы превращают средствами силы словотворчества злые качества, действия в благоприятные, желательные или хотя бы безвредные» [6. С. 101—102].

Табуирующая функция эвфемизма исходно была естественным следствием магического мировосприятия, составляющего концептуальную основу мифологического сознания. В логике магического

мышления язык воспринимался не просто как средство общения, но наделялся мистической силой. Слово было не просто именем вещи, оно воплощало его природу, воспринималось как нематериальное, заключенное языком в знаковую оболочку отражение этой вещи. Люди были убеждены, что, произнося имя вещи или человека, говорящий тем самым устанавливал с называемым некую связь; а где есть связь, там есть и возможность воздействия, в том числе негативного. Называя слово или имя, необязательно в ходе магического ритуала, можно было таким образом вступать с его обозначаемым в какого-то рода мистический контакт. Преображенный мифологическим сознанием мир был населен множеством сущностей, с которыми подобный контакт устанавливать никак не следовало, соответственно, требовалось избегать множества прямых номинаций. «На замену запрещенных слов образуются новые («подставные») наименования, чтобы не разгневать богов, обмануть нечистую силу или страшного зверя, чтобы задобрить их» [6. С. 101]. Табуирующая функция эвфемизации, по-видимому, может претендовать на статус культурной универсалии, поскольку этап мифологического сознания, неизбежно предполагающий развертывание соответствующих алгоритмов магического мышления, характерен для ранних этапов эволюции любой человеческой культуры.

По мере ослабления мифологического сознания сакральные табу естественным образом уступают место табу нормативно-этикетным. Эвфемизмы становятся удобным способом обозначения того, что выходит за пределы охватываемых культурно-этикетными ритуалами областей человеческой жизни. Эвфемизация, таким образом, становится важным регулятором в стратегиях вежливости. Регулятивная функция эвфемизмов настолько выходит на передний план, что, как правило, именно так в работах исследователей формулируется главная коммуникативная цель этих единиц: «Основная цель, которая преследуется говорящими при использовании эвфемизмов в социальных и межличностных отношениях, — стремление избежать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта» [5. С. 394].

Совершенно очевидно, что стратегия непрямого обозначения мысли в политической коммуникации связана с эвфемизацией разговорной и литературной речи и функционально, и генетически. Говоря о сферах социальной жизни, традиционно подверженных эвфемизации, Л. П. Крысин указывает

на то, что «коммуникативные задачи, с которыми приходится иметь дело дипломатам и политикам, невозможно решить, используя лишь прямые номинации, обходясь без обиняков, намеков, недоговоренностей, камуфляжа, то есть без всего того, для выражения чего как бы и предназначены эвфемизмы» [4. С. 35].

Безусловно, объединяющим лингвистическим свойством эвфемизмов в разговорной речи и политической коммуникации выступает их маскирующая семантическая способность. Эвфемизация в обоих случаях преследует цель, далекую от эквивалентной по денотативной точности синонимической замены, представляя собой «подбор говорящим таких обозначений, которые не просто смягчают те или иные кажущиеся грубыми слова и выражения, а *маскируют, вуалируют* суть явления» [5. С. 395]. Однако это вуалирование часто проявляется неодинаково как по способу семантической маскировки, так и по прагматическим параметрам функционирования изобретенных единиц. Так, весьма показательным свойством разговорных эвфемизмов является то обстоятельство, что процесс их порождения вполне способен протекать параллельно с процессом огрубления речи, проникновения в нее сниженной лексики.

В отличие от разговорной области эвфемизации эзопов язык политического дискурса предъясвляет к маскирующей способности не прямых номинаций куда более строгие требования. Разговорные эвфемизмы, как более вежливые, так и жаргонные, в измененную форму часто стремятся встроить намек на подлинную суть явления: *отойти в мир иной* и английское *to pass* вполне прозрачны в своей внутренней форме, *acid* и *кислота* достаточно узнаваемо обозначают ЛСД, по химической природе производную кислоты, и т. д. В то же время политическому эвфемизму намек категорически противопоставлен. Политический эвфемизм часто не столько вуалирует, сколько мимикрирует, стремится встроиться в существенно иную концептуальную модель. Без анализа экстралингвистического контекста истинное содержание многих квазисинонимических единиц политики нередко оказывается практически недешифруемым. Неопределенность политического эвфемизма, как отмечают исследователи, выступает как важнейший инструмент манипулирования [3. С. 15]. В том, что Г. Труман называл полицейской операцией — *police action*, никак не угадываются массивные налеты тяжелых бомбардировщиков на города Северной Кореи, а в технологическом по семантическому

облику выражению «сопутствующий ущерб» — *collateral damage* нет никакого указания на абсолютно целенаправленное уничтожение теми же тяжелыми бомбардировщиками населения вьетнамских деревень.

Политическим эвфемизмам для сохранения как минимум нейтрального оценочного потенциала необходим контекстуальный ореол официальной строгости и легитимация политическим авторитетом власти. Политические эвфемизмы создаются и работают в «тепличных» условиях тщательно подобранного лексического окружения, которое должно, помимо прочего, обеспечивать сохранение нейтрально-положительной оценочности, соответствующей жанру стилистической окраски и нередко отвлекать внимание от самого эвфемизма.

Отмеченные особенности функционирования политических эвфемизмов создают предпосылки для развития у них некоторых специфических свойств, своеобразной способности к иницированию или ускорению социокультурных процессов, моделируемых по схеме, заданной логикой изобретенного эвфемизма. Пожалуй, в наиболее показательном виде такие эффекты проявляются в политических эвфемизмах, создаваемых в русле культурно-идеологической матрицы, получившей название политической корректности.

Политкорректность как культурный процесс обладает концептуальной специфичностью, которая дает основания считать ее во многом новым явлением в эволюции политического дискурса. Политкорректность явно не сводится ни к простому усилению дипломатичности коммуникации, ни к формальному развитию языковой практики создания эвфемизмов. Сущность феномена политкорректности представляет собой причудливую смесь вынужденной реакции культуры на негативные следствия дефектов социальной системы и одновременно политический инструмент, спроектированный как стратегически ориентированная манипулятивная технология. Понятия прав человека и свободы от дискриминации, инкорпорированные в концептуальное ядро политической корректности, являются по совместительству элементами манипулятивной схемы воздействия на массовое сознание. На такой «небескорыстный» статус этих понятий в реальном воплощении идейного содержания политкорректности нередко приходится ссылаться исследователям уже в дефиниции самого этого явления, как например: «Политическая корректность» представляет собой отраженную, в первую очередь в речевом поведении, современную

идеологию западной демократии, основывающуюся на концепции «справедливости» и, как следствие, достижения «равноправия» и «соблюдения прав человека» [2. С. 8]. Автор попутно указывает, что «политическая корректность» рассматривается рядом исследователей, например в США — историком А. Шлесинджером и литературоведом П. Фасселом, в Германии — этнологом Х.-П. Дюрром, как следствие крупных неудач, в частности, американской внутренней политики, а именно процессов расслоения по этническому или расовому признаку, нарастания угрозы социальных конфликтов, влияния феминизма, антирасизма, движений за права меньшинств.

С одной стороны, политкорректность возникает как идеологическое «лекарство» от застарелой социальной болезни расизма, последствия которой часто становятся угрозой для социального единства нации. Чернокожее население, потомки испаноязычных иммигрантов и некоторые другие этнические группы в результате многолетней дискриминации оказались дистанцированными от общегражданской культурной идентичности, во многом демонстративно противопоставляя себя англосаксонскому ядру американского общества. Социально-культурный изоляционизм этих групп приобрел характер сильного этнизирующего процесса, вполне способного привести к оформлению взрывоопасной социальной реактивности на инциденты, затрагивающие представителей этих групп. Случаи массовых протестов, возникающих как реакция на частные примеры неадекватного полицейского насилия по отношению к представителям чернокожего населения, стали регулярным явлением современных США.

С другой стороны, политкорректность, призванная погасить эти процессы, одновременно проявила себя как эффективный инструмент воздействия на коллективное сознание, поскольку открыла для общественного дискурса возможность не называть очень многие вещи своими именами. Кроме того, благодаря тесной увязке с понятиями прав человека политкорректность позволила весьма произвольно трактовать список этих прав соответственно актуальному политическому интересу.

Представляется, что именно в рамках этих новых возможностей политические эвфемизмы обрели способность к специфическому оформлению группового сознания. По аналогии с превращением афроамериканцев и испаноязычных в объединенную идеологией политкорректности значимую политическую силу, без помощи которой Америка

никогда не получила бы чернокожего президента, внутри американского общества последние 30 лет неизменно продолжают наращивать культурную и политическую целостность группы, ущемление прав которой имело несопоставимо меньший размах. Речь идет о представителях нетрадиционных гендерных ориентаций, которые на волне политкорректности получили беспрецедентный общественный и политический статус, абсолютно непропорциональный ни их численности, ни культурной содержательности их идей. В данном случае наряду с сопутствующими социальными факторами очевидным образом проявился необычный эффект обратной связи, возникший от внедрения в культурное пространство когнитивной модели определенного типа эвфемизмов.

В создании этого эффекта можно, по-видимому, выделить два аспекта. Во-первых, как уже было сказано, политический эвфемизм, запущенный в сферу массовой коммуникации, получает определенную легитимацию авторитетом власти и «облагораживающее» оценочно-ассоциативное контекстуальное окружение. Чернокожие американцы, в политкорректном эвфемизме *African-Americans* обрели понятие, которое благодаря этой легитимации эффективно реализовало объединяющую силу нового имени, став знаменем и лозунгом представителей группы. Публично и официально провозглашенное новое имя катализировало в общественном сознании чернокожего населения новую гражданскую интеграцию аналогично тому, как вброшенный в общественное сознание марксизмом новый термин *пролетариат* способствовал оформлению классовой идентичности рабочих в начале XX в.

Но очень быстро вслед за афроамериканцами возникли другие американцы, также получившие номинативное политкорректное «крещение» в дискурсе сначала политической, а потом и массовой коммуникации. *Gay, lesbian, bisexual, transsexual* и другие из жаргонно-разговорной и профессионально-медицинской сферы переместились на почетный статус единиц дискурса власти и СМИ. Возник и приобрел общеупотребительный статус интегрирующий термин *LGBT (lesbian, gay, bisexual and transgender) Americans*. Культурная легитимность нового обозначения усиливается авторитетом Организации Объединенных Наций, войдя в ее нормативные документы, обращения и уставы, в частности в проект Декларации Организации Объединенных Наций по вопросам сексуальной ориентации и гендерной иден-

тичности 2008 г. В очень показательном обращении Генерального Секретаря ООН от 7 марта 2012 г. содержится убежденное намерение главы ООН усматривать в ущемлении прав новой общности покушение на универсальные ценности Объединенных Наций: *To those who are lesbian, gay, bisexual or transgender, let me say: You are not alone. Your struggle for an end to violence and discrimination is a shared struggle. Any attack on you is an attack on the universal values the United Nations and I have sworn to defend and uphold* [9]. Новая общность неизменно получает поддержку и признание во всех без исключения областях общественной жизни, превратившись в социальную и политическую силу, которую никто не может себе позволить задеть неосторожной оценкой. Попытка Д. Трампа ограничить рост политического и социального влияния трансгендерных групп не в последнюю очередь сыграла роль в его поражении на выборах 2020 г. ЛГБТ-сообщество успело набрать вполне достаточный электоральный вес, чтобы не оставить без последствий даже довольно умеренные ограничения полученных при Б. Обаме свобод и привилегий: *Trump has barred transgender people from openly serving in the military, rolled back protections for trans students, flat-funded HIV/AIDS work globally...* [11].

Параллелизм номинативных конструкций *African Americans* и *LGBT Americans* уже на языковом уровне «объединяет в правах» многовековых жертв расовой дискриминации и представителей сексуальных меньшинств. Сильный оценочный эффект эвфемизмов политкорректности обусловлен специфическим концептуальным обрамлением, создающим новой единицы фрейм, имплицитно включающий сопутствующую семантику, связанную с понятиями прав человека и дискриминации. В политическом дискурсе тесное соседство эвфемистических имен новых американцев со словом *discrimination* является жанровой нормой: *...it will be illegal for any of the insurance companies who offer coverage through the Marketplace to discriminate on the basis of sexual orientation or gender identity. We've also taken action to strengthen the civil rights provision in the law, by clarifying that the new law's prohibition on sex discrimination includes discrimination based on sex stereotyping, and on gender identity* [10]. Следует отметить, что особенно быстрый взлет социальной актуальности гендерных меньшинств произошел именно в период президентства Б. Обамы, которому и принадлежит вышеприведенная цитата. Для

Б. Обама значительную часть политического веса обеспечили как раз меньшинства — прежде всего этнические. Ставка на социальную дискриминацию оказалось столь перспективной, что Б. Обама использовал прекрасную возможность получить мощную поддержку и ЛГБТ-сообществ, созданных по модели дискриминируемых этнических меньшинств.

Но, пожалуй, самое большое когнитивное подкрепление эвфемизмы, подобные *LGBT Americans*, получают от сопряжения с понятием прав человека. Наиболее яркое выражение это сопряжение понятий получает в текстах организации Движения по правам человека *Human rights campaign*, в названии которого не находят нужным упомянуть, что речь идет о притязаниях этой, весьма специфичной категории населения. Уже таким образом дается понять, что этот вопрос должен рассматриваться в контексте универсальных прав человека вообще. Декларация движения гласит: *As the largest civil rights organization working to achieve equality for lesbian, gay, bisexual and transgender Americans, the Human Rights Campaign represents a force of more than 1.5 million members and supporters nationwide — all committed to making HRC's vision a reality. Founded in 1980, HRC advocates on behalf of LGBT Americans, mobilizes grassroots actions in diverse communities, invests strategically to elect fair-minded individuals to office and educates the public about LGBT issues* [8].

Когда идеи меньшинства, ранее не претендовавшие на что-то большее, чем просто психоло-

гическая особенность индивидуального поведения, получают смысловую корреляцию с понятием прав человека, они приобретают абсолютно другой концептуальный статус. Теперь это уже не частная особенность, с которой общество может мириться, ограничивая ее проявления силой общекультурных моральных норм, разделяемых большинством ее представителей. Особенность, получившая закрепленный публичным дискурсом статус прав человека, предполагает то, что теперь она находится на одном уровне с этими культурными моральными нормами и сама является моральной нормой. Последнее дает ей право от своего имени провозглашать новые этические ценности и требовать их общественного признания, что, собственно, и подразумевает фраза *educates the public about LGBT issues* из текста приведенной выше декларации. Эвфемизм, реализовав потенциал входящих в его концептуальную модель смыслов социального равенства и прав человека, тем самым наделяет самосознание новой общности авторитетом этического императива.

Эволюция политической эвфемизации в русле актуальных культурных тенденций, в частности политкорректности, позволяет утверждать, что мы имеем дело с новым культурно-языковым явлением, благодаря которому политический эвфемизм становится когнитивной силой, способной конструировать новую социально-культурную реальность.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Совет. энцикл., 1966. 608 с.
2. Базылев В. Н. Языковые императивы политической корректности // Политическая лингвистика. 2007. № 3. С. 8—10.
3. Беляева И. В., Куликова Э. Г. Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22 (160). Филология. Искусствоведение. Вып. 33. С. 15—20.
4. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин. 1994. № 1—2. С. 28—49.
5. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки рус. культуры, 1996. С. 384—408.
6. Ларин Б. А. Об эвфемизмах // История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 101—114.
7. Holder R. W. How not to say what you mean. A dictionary of euphemisms. Oxford University Press, 2002.
8. <http://www.hrc.org/>
9. <https://www.un.org/press/en/2012/sgsm14145.doc.htm>
10. <https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2013/09/17/obamacare-and-lgbt-health-1>
11. <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2020/10/10/trump-has-gutted-lgbtq-rights-biden-presidency-might-undo-damage/3608929001/>.

Сведения об авторах

Погорелко Александр Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Башкирского государственного университета, Уфа. Россия. Pogorelkoam@rambler.ru

Герасина Татьяна Николаевна — старший преподаватель кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, Уфа. Россия. magnolia-avenue@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 1 (447). *Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 133—138.*

POLITICAL EUPHEMIZATION AS CULTURAL AND SOCIAL PHENOMENON

A. M. Pogorelko

Bashkir State University, Ufa, Russia. pogorelkoam@rambler.ru

T. N. Gerasina

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia. magnolia-avenue@rambler.ru

The article deals with the problem of political euphemization regarded through the ideological content and functional influence of political correctness. The latter is considered as a means of creating new semantic capacities of political euphemisms. Thus, such units turn to be more effective tools of mass manipulation by virtue of specific ideological elements enclosed into the discourse of political correctness. On the other hand, politically correct neologisms acquire socially and culturally significant effects of creating ethnic-like integrity of social groups that are formed both in the field of collective perception in social reality. Such kind of new cognitive identity happens to be a specific sign of contemporary political culture, stable in its influence on society and hardly helpful with respect to initial aims of political correctness in general.

Keywords: *political euphemisms, political correctness, political discourse.*

References

1. Akhmanova O. S. (1966) Slovar' lingvisticheskikh terminov [Linguistic terms dictionary]. Moscow, Soviet Encyclopedia. 608 p. [in Russ.].
2. Bazylev V. N. (2007) *Politicheskaya lingvistika*, no. 3, pp. 8—10 [in Russ.].
3. Belyaeva I. V., Kulikova E. G. (2009) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 22 (160), pp. 15—20 [in Russ.].
4. Krysin L. P. (1994) *Rusistika*, no. 1—2, pp. 28—49 [in Russ.].
5. Krysin L. P. (1996) Evfemizmy v sovremennoj russkoj rechi [Euphemisms in modern Russian speech]. *Russkij yazyk konca XX stoletiya* [The Russian language at the end of XX century]. Moscow, Russian culture languages. Pp. 384—408 [in Russ.].
6. Larin B. A. (1977) Ob evfemizmah [About euphemisms]. *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie* [Russian language history and general linguistics]. Moscow. Pp. 101—114 [in Russ.].
7. Holder R. W. (2002) How not to say what you mean. A dictionary of euphemisms. Oxford University Press.
8. <http://www.hrc.org/>
9. <https://www.un.org/press/en/2012/sgsm14145.doc.htm>
10. <https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2013/09/17/obamacare-and-lgbt-health-1>
11. <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2020/10/10/trump-has-gutted-lgbtq-rights-biden-presidency-might-undo-damage/3608929001/>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ Д. ТРАМПОМ ДЕЙКТИЧЕСКОГО МЕСТОИМЕНИЯ ПЕРВОГО ЛИЦА «Я» КАК СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ ДЕБАТОВ США 2016 Г.)

В. Ю. Самарцев

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

Основной целью данной статьи является рассмотрение эффективности дейктического местоимения первого лица «я» в качестве средства саморепрезентации, конструирования политической идентичности и риторического взаимодействия с электоратом. Так, данное средство не признается абсолютно конвенциональным в рамках дебатов, но намеренно и, как показывает результат, успешно использовалось для явного обозначения присутствия кандидата в президенты США Д. Трампа в построении его дискурса во время дебатов 2016 г.

Ключевые слова: личное местоимение «я», политический дискурс, коммуникативные стратегии, саморепрезентация.

Введение

В основу политической деятельности часто входит целенаправленное и преднамеренное использование языка в целях убеждения. Язык рассматривается как центральный элемент политиков в вербальном обмене информацией с потенциальными избирателями для достижения своих политических целей. Особенно заметной важность речевых тактик и стратегий становится в предвыборных кампаниях, в которых от участников «ожидают вербализации своих идеологических позиций» [14] и проявления своих риторических способностей. Очевидно, что диалогические процессы и риторические способности являются важными метадискурсивными компонентами, диктующими выбор тех или иных средств или структур в дискурсе политика [12].

Концепты «власть» и «политик» считаются основными терминами политического дискурса, четкое истолкование которого до сих пор остается дискуссионным. В русле лингвистической теории А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич определяют политический дискурс как совокупность речевых актов в политических дискуссиях [1]. О. С. Иссерс отмечает, что власть в политике держится на власти воздействия, а само управление реализуется через слово [3]. По ее мнению, настоящие политики выделяются использованием особых языковых элементов, среди которых находится интересующая нас определенная семантическая категория языка — персональный дейксис — и его компоненты в рамках политической речи. Следуя определению Е. В. Падучевой, дейктическими элементами мы

считаем такие единицы, которые характеризуют идентичность объекта через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту [5]. О. Есперсен обозначает местоимения как дейктические элементы, являющиеся наиболее яркими примерами языковых единиц, использование и понимание которых детерминируются коммуникативными элементами и координатами говорящего [15]. Р. О. Якобсон указывает, что таким характерным примером является дейктическое местоимение первого лица «я», которое, во-первых, обозначает говорящего и соотносится с ним, во-вторых, указывает на говорящего и связывается с его высказыванием [8].

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что она является частью относительно новой области исследований, которая изучает «интерактивное создание самости» [17] и на актуальных примерах показывает, как современные политики используют гибкость местоимений для конструирования у аудитории взглядов, благоприятствующих их имиджу. Целью данной статьи является исследование использования местоимения первого лица «я» (англ. I) в политическом дискурсе как средства речевого вовлечения и его влияния на коммуникативные действия в дискурсе Дональда Трампа во время трех раундов президентских дебатов 2016 г. с Хиллари Клинтон как одного из самых ярких и актуальных политических событий последнего десятилетия, выделившегося своей неконвенциональностью. Здесь были рассмотрены некоторые релевантные примеры, которые отмечают намерение кандидата

в президенты оценить дискурсивную обстановку и метадискурсивно взаимодействовать с аудиторией. Подобный анализ остается актуальным в политическом дискурсе, так как в нем отражаются вопросы лингвистической позиции, авторитетного тона, а также политической личности.

Основным мотивом для проведения таких исследований было изучение того, как Д. Трамп использует местоимение «я» в своем дискурсе, и определить вид вербальных процессов, в которые оно вовлечено, проанализировать, какая между ними существует связь. Полученная информация также может оказаться полезной в дальнейших исследованиях относительно местоимения «я», обозначающего присутствие говорящего в тексте, проводимых в сопоставительном ключе.

Методология и методы исследования

В теоретическую основу данной статьи положена метадискурсивная модель К. Хайланда, приобретшая широкое распространение в последнее десятилетие. Он отмечает, что метадискурс часто определяется как «дискурс о дискурсе» или «разговор о разговоре», ссылаясь на аспекты самого текста и его внутренней организации [12]. Однако его более перспективная и всеобъемлющая модель рассматривает метадискурс как процесс взаимодействия «между производителями текста и их текстами, а также между производителями текста и пользователями» [13]. Такое взаимодействие является чрезвычайно важным компонентом, поскольку оно предполагает коммуникацию между говорящим — слушателем, писателем — читающим и влияет на использование языковых средств. Важным пунктом взаимодействия автора и текста является необходимость в знании автором интересов, ожиданий и представлений аудитории для создания такого текста, который будет отвечать ее запросам. В русле взаимодействия автора и читателя происходит комментирование, пояснение собственного текста, иногда навязывание точки зрения для беспрепятственной трансляции своих взглядов и становления основным «голосом текста» в совместном диалоге.

Такая коммуникация включает в себя не только риторическое взаимодействие и интерпретацию, но и конструирование политической идентичности, а также использование конкретных средств для эффекта вовлеченности, таких как интересующая нас конструкция «я + глагол» (I + V).

Кроме того, метадискурсивная модель К. Хайланда в полной мере учитывает «прямое взаимодействие

между кандидатом (кандидатами) в президенты и электоратом в непрерывном и вовлекающем диалогическом процессе» [12], учитывая контроль и влияние, которые использование языковых средств оказывает на политическое поведение.

Соответственно, были проанализированы конкретные примеры употребления Д. Трампом дейктического местоимения *I* в сочетании с часто встречающимися глаголами в различных контекстах во время президентских дебатов и обсуждения вопросов, связанных с процессом построения политической идентичности Д. Трампа. Релевантные примеры подбирались в соответствии с тематическими особенностями, которые они представляют, как можно более краткие, но в то же время с включением в них достаточного количества контекстов, чтобы передаваемые сообщения были насыщенными, лаконичными, легко и ясно доходящими до адресатов.

Обсуждение результатов исследования

Hedging, или хеджирование, в лингвистике — это построение высказывания с помощью «смягчающих» слов и конструкций таким образом, который позволяет автору текста сигнализировать об осторожности или вероятности какой-либо вещи, а не о полной уверенности в чем-то. Сочетание местоимения первого лица *I* с глаголом *think*, как хеджирование, или уклонение от прямого ответа, ожидаемо, оказалось самой частой конструкцией *I + V* в отобранных текстах. Как отмечает Б. Фрейзер, процесс хеджирования является одной из наиболее эффективных риторических стратегий в дискурсе [11], с помощью которой актанты «распознают альтернативные мнения и точки зрения и, таким образом, воздерживаются от полной приверженности той или иной пропозиции» [12]. Пример 1 иллюстрирует этот момент. Интенция Д. Трампа состоит в том, чтобы обозначить отсутствие полной приверженности тому факту, что он и его оппонент имеют идентичную точку зрения по вопросам ухода за детьми:

1) *I think Hillary and I agree on that.*

Учитывая относительно высокую частоту употребления этой конструкции в политическом дискурсе и в американском политическом дискурсе в частности [16], неудивительно, что она используется в предложениях или очень коротких текстах одна за другой, последовательно. Конструкция *I think* в следующем примере выдвигает на первый план «правдоподобные рассуждения» Д. Трампа, реализующие субъективно-модальное значение

предложения в рамках категории уверенности [7], которую он приписывает этому сообщению:

2) ***I think what the FBI did and what the Department of Justice did... it's disgraceful.***

Конструкция *I believe* также часто встречается в выборке. Она используется в конкретных контекстах с аналогичными функциями и метафункциями, как и конструкция *I think*, но она также передает создание этоса как авторитета оратора, основанного на убеждениях Д. Трампа и, в частности, на восприятии им мира. В примере 3 Д. Трамп явно проецирует свою позицию и авторитетный тон:

3) ***I believe in building safe zone, I believe in having other people pay for them, as an example the [Arabian] Gulf.***

В дискурсе Д. Трампа во время трех раундов президентских дебатов присутствует значительное количество использований фразы *I mean*. В качестве уточняющей конструкции она используется для включения дополнительных пропозициональных значений или дальнейшего объяснения содержания. Такие функции приводятся в трех следующих отрывках:

4) ***Jobs are essentially nonexistent. I mean, I've been saying in big speeches where I have 20 and 30,000 people.***

5) ***The companies are leaving. I could name, I mean, there are thousands of them.***

6) ***In the audience we have four mothers of — I mean, these are unbelievable people...***

Кроме того, умышленное использование *I mean* направлено на то, чтобы отметить собственное присутствие Д. Трампа в дискурсе и на обеспечение дальнейшего извлечения аудиторией предполагаемых и передаваемых смыслов. Общий контекст может быть различным, как, например, в пункте 4, где *I mean* «поддерживает» предыдущее утверждение, в пункте 5, где оно используется совместно с *I could name*, подчеркивая возможность предоставления более подробной информации, или в пункте 6, где оно подробно описывает отношение кандидата в президенты к конкретным вопросам.

Интересен также факт, что Д. Трамп широко использует *will* в конструкциях I + V. Во всех трех раундах президентских дебатов конструкция сбалансированно распределена. Кроме того, в ходе анализа отмечается, что эта структура в основном состоит из динамических глаголов, как показано в примере 7 с *bring back*:

7) ***I will bring — excuse me. I will bring back jobs.***

Тщательный анализ также показывает, что иногда эти конструкции используются очень близко

к функции бустеров, основная функция которых в дискурсе состоит в том, чтобы придать оттенок модальности и «приписать большую авторитетность высказываниям» [14]. Следующие два отрывка демонстрируют это утверждение.

8) ***I will knock the hell out of ISIS. And I will tell you, I will take care of ISIS.***

9) ***I will do more for African-Americans and Latinos that she can do for ten lifetimes.***

Таким образом, мы видим, что Д. Трамп использует эти структуры не только для трансляции обещаний (я выбью дурь, я позабочусь, я сделаю), но и для того, чтобы обозначить ту или иную степень гарантированности выполнения рассматриваемых действий.

В таких случаях подобное его присутствие в дискурсе выдвигает Д. Трампа на первый план, проецируя его как авторитетного спикера для аудитории.

Точно так же в его дискурсе значимо употребление местоимения «я» в сочетании с длительным/продолженным временем. Все подобные использования, как в примерах 10 и 11, связаны с будущими действиями, передающими твердое планирование или преднамеренность, тем самым обеспечивая более легкий приход к согласию аудитории с позициями Д. Трампа.

10) ***I'll be reducing taxes tremendously.***

11) ***I'm going to cut regulations. I'm going to cut taxes big league.***

Кроме того, обозначение длительного времени с глаголом «наблюдать» (12) обозначает его авторитет и компетентность в обращении с ситуациями, которые предполагают особое внимание и преданность делу. Фраза «я собираюсь назначить» (13) обозначает совокупность будущих намерений и устремлений, через которые он представляет себя как будущую зрелую и эффективную политическую личность, которой электорат может доверять и которую можно поддерживать. Обращение к этосу находится на переднем плане, несмотря на возможные расхождения мнений, которые могут быть у аудитории.

12) ***I'm watching Hillary go over facts and she is going after fact after fact and she's lying again...***

13) ***The justices that I am going to appoint will be pro-life.***

Социальная индикация речи прослеживается на лексическом уровне. Использование участниками общения специальной лексики, как, например, профессионализмов в речи свидетельствует о равном социальном статусе коммуникантов, как минимум ставит их «на одну ступень» [2]. Бизнес

и связанные с ним темы — один из наиболее частых топосов, аргументов, которые Д. Трамп затрагивает в своей речи. В этом контексте есть ряд очень интересных применений *I* в сочетании с динамическими «бизнес»-глаголами, такими как *build*, *pay*, *start* или *run*, как показано в отрывках 14, 15 и 16:

14) *I built it into a company that's worth many, many billions of dollars...*

15) *I pay tremendous numbers of taxes.*

16) *I built a massive company, a great company, I started with a \$1 million loan. And if we could run our country the way I've run my company, we would have a country that would you would be so proud of.*

Если мы обратим внимание на общую логическую структуру этих примеров, то увидим, что деловые топосы используются как сильный аргумент, в котором образ Д. Трампа намеренно выдвигается на первый план, чтобы предложить электорату сближение с его деловой и политической персоной, а также с ним, как будущим президентом. Присутствие местоимения «я» также отражает прошлые успехи Д. Трампа как бизнесмена, способного действовать умело в деловой сфере.

Стоит отметить, что «политическое поведение и лингвистическое поведение находятся в постоянном взаимодействии, в результате чего дискурс политика раскрывает то, кем он является, чего он хочет, чего хочет достичь, или раскрывает другие металингвистические аспекты» [14]. Как отмечено выше, процесс бустинга (форсирования) оказывается релевантной к дискурсу противоположной стороной хеджирования, поскольку он создает устойчивый и эффективный этос с помощью самоупоминания.

В следующих трех примерах использования конструкции *I know* можно отметить преуменьшение присутствия аудитории [12], благодаря чему ограничивается возможность несогласия [4].

17) *I know a lot of wealthy people that have never been audited.*

18) *I know nothing about Russia — I know about Russia, but I know nothing about the inner workings of Russia.*

19) *I know Buffett took hundreds of millions of dollars.*

Таким образом, Д. Трамп самостоятельно продвигает свой позитивный и компетентный образ, усиливая свою политическую идентичность перед политическим оппонентом и аудиторией в целом. Такие метадискурсивные стратегии придают больше убедительности качеству его речи и лингвистическому поведению в целом.

Другая важная конструкции «я + глагол» обозначает явную попытку сгладить коммуникацию, как можно наблюдать в примерах 20 и 21. Анализ подобных примеров показывает попытки Д. Трампа мягче донести до аудитории свою позицию по неудобным вопросам:

20) *...and I agree she wasn't there, but possibly she's consulted.*

21) *Now John Podesta said you have terrible instincts. Bernie Sanders said you have bad judgment. I agree with both.*

Точно так же широко используются противопоставления с помощью конструкции *I disagree*. Аналогично, эта структура указывает на отношение Трампа к рассматриваемым вопросам и выдвигает на первый план его авторитетный голос в противовес альтернативным позициям, которые могут быть у его оппонента или аудитории (22 и 23):

22) *I disagree. Right now, Syria is fighting ISIS.*

23) *Because I disagreed with Ronald Reagan very strongly on trade. I disagreed with him.*

Примеры обозначения «желания» или «стремления» как психологического состояния способствуют правильному построению идентичности Трампа и его саморепрезентации в попытке раскрыть эффективный способ диалога с электоратом.

24) *I want you to be very happy.*

25) *And by the way, my tax cut is the biggest since Ronald Reagan. I'm very proud of it.*

26) *And they endorsed me because I understand the border.*

27) *The other things are false, but honestly I'd love to talk about getting rid of ISIS and I'd love to talk about other things.*

Выводы и заключение

В этом описательном исследовании была предпринята попытка осветить ряд аспектов, связанных с использованием самоупоминания с помощью местоимения первого лица «я» (в совокупности с распространенными глаголами), указывающих и передающих конкретные топосы в рамках метадискурса во время трех раундов президентских дебатов между Д. Трампом и Х. Клинтон.

Политическая личность Дональда Трампа оказалась достаточно привлекательной как для исследований лингвистов, так и для избирателей на выборах 2016 г., поскольку его лингвистическая стратегия наряду со многими другими, нелингвистическими факторами помогла ему сформировать убедительный образ для значительной части нации. Необычный лингвистический стиль Д. Трампа

характеризуется особой прямоотой, упрощенными предложениями и прямолинейностью. Учитывая, что в современных условиях политический дискурс становится все более некооперативным, во многих случаях полным намеренных нарушений принципов коммуникации, меняется и цель политической дискуссии: современные дебаты используются не как средство для обсуждения и получения обратной связи от электората, а способ односторонней трансляции ради убеждения [6] и создания нужного образа. Переход к неконвенциональной саморепрезентации в политике подтверждают и статистические исследования, которые указывают на увеличение количества используемых в дискурсе личных местоимений первого лица в сравнении с прошлым десятилетием [19]. Очевидно, что дейктические функции личных местоимений (прежде всего местоимения первого лица единственного числа, как исполнителя роли речевого действия) в некотором представлении просты, но весьма многогранны и чрезвычайно эффективны в рамках имеющейся тенденции, так как «я» — очевидное и естественное местоимение, используемое для обозначения себя в дискурсе. С помощью этого местоимения, обозначение политика в дискурсе как авторитетной личности соотносится с одной из центральных задач —

отвечать на вопросы аудитории с собственной, индивидуальной точки зрения [10]. Использование местоимения «я» наряду с обычными глаголами в совокупности с характерным лингвистическим стилем Д. Трампа явно и достаточно прямолинейно помогает ему обозначить свое присутствие в дискурсе как авторитетной политической персоны, равно как и способствует достижению особого прагматического эффекта. Можно заключить, что подобный ход оказался действенным для устранения негативной разницы в представлении людей между не имевшим политического опыта бизнесменом и компетентной, опытной политической фигурой Х. Клинтон, как основным соперником в избирательной гонке.

Хотя является очевидным тот факт, что нельзя утверждать, что использование перечисленных методов другими политиками окажутся столь же уместными и эффективными, проанализированные примеры из материалов дебатов 2016 г. в США позволяют нам сделать вывод, что использование местоимения первого лица «я» в политическом дискурсе является сильным и обоснованным средством саморепрезентации и формирования политической идентичности как кандидата, преисполненного решимости выполнить все обещания.

Список литературы

1. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. 63 с.
2. Дрига С. С. Социальный дейксис дискурса массовой коммуникации (на материале ток-шоу): дис. ... канд. филол. наук. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. 136 с.
3. Иссерс О. С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу // Вестник Омского университета. 1996. № 1. С. 71—74.
4. Марюхин А. П. Активные семантические процессы в коммуникации общения: не прямое говорение // Критика и семиотика. 2008. № 12. С. 117—125.
5. Падучева Е. В. Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность // Материалы международной конференции. 2008.
6. Самарцев В. Ю. «Выстрел в ногу»: президентские теледебаты как отражение локальных проблем в современном медиaprостранстве США // Русский язык в глобальном и локальном измерениях: сб. ст. междунар. науч. конф. Сургут: Сургут. гос. пед. ун-т, 2018. С. 304—310.
7. Смирнова В. В. Формирование дискурсивных маркеров проблемной достоверности с исходной семантикой зрительного восприятия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2018. 23 с.
8. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95—113.
9. Bondi M. Emphatics in academic discourse Integrating corpus and discourse tools // Corpora and discourse: The challenges of different settings. 2008.
10. Clayman S., Heritage J. The news interview: Journalists and public figures on the air. Cambridge University Press, 2002.
11. Fraser B. Hedging in political discourse // OKULSKA, U., CAP, P., Perspectives in Politics and Discourse, Capitolo. 2010.
12. Hyland K. Metadiscourse: Exploring writing in interaction. London: Continuum. 2005.

13. Hyland K. Metadiscourse: Mapping interactions in academic writing // *Nordic Journal of English Studies*. 2010. № 2. P. 125—143.
14. Jalilifar A., Alavi-Nia M. We are surprised; wasn't Iran disgraced there? A functional analysis of hedges and boosters in televised Iranian and American presidential debates // *Discourse & Communication*. 2012. No. 2. P. 135—161.
15. Jespersen O. *Language; its nature, development and origin*. H. Holt, 1922.
16. Karnyushina V., Makhin A. Lexical and Grammatical Means of Distancing Strategy Performed in American Political Discourse // *Journal of Language and Education*. 2017. № 1.
17. Malone M. *Worlds of talk: The presentation of self in everyday conversation*. John Wiley & Sons, 2013.
18. Nikčević-Batričević A., Krivokapić M. (ed.). *Mapping the World of Anglo-American Studies at the Turn of the Century*. Cambridge Scholars Publishing, 2015.
19. Reyes A. I. Trump: The cult of personality, anti-intellectualism and the Post-Truth era // *Journal of Language and Politics*. 2020.
20. Transcript of the US Debates // Politico Website. URL: <https://www.politico.com> (дата обращения 08.05.2020).

Сведения об авторе

Самарцев Вадим Юрьевич — преподаватель кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации Сургутского государственного педагогического университета, Сургут, Россия. vdmsmrcv@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 1 (447). *Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 139—145.*

THE APPLICATION OF THE DEICTIC FIRST-PERSON PRONOUN “I” BY D. J. TRUMP AS A MEAN OF BUILDING THE POLITICAL IDENTITY (BASED ON THE MATERIAL OF THE 2016 US ELECTION DEBATES)

V. Yu. Samartsev

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia. vdmsmrcv@gmail.com

This article considers “political discourse” as the linguistically grounded analysis of political language. While there are many other areas that focus on political discourse, for example, “rhetoric”, there is limited concern with language theory and the role of language in the construction of the «political» itself. The chapter sets the role of “representation” as the core concern of much political discourse, which may be considered “descriptively”, in terms of the linguistic tools employed in representing the world in specific ways, or “critically”, where the aim is to display such representation as a form of power manipulation. The main purpose of this article is to analyze the effectiveness of the deictic first-person pronoun “I” as a mean of self-representation, constructing political identity and rhetorical interaction with the electorate. The mentioned tool is not recognized as absolutely conventional in the framework of debates, but was deliberately and, as the result shows, successfully, used to explicitly indicate the presence of a candidate for President of the United States Donald Trump through building his discourse during the 2016 debate.

Keywords: *pronoun “I”, political discourse, communicative strategies, self-representation.*

References

1. Baranov A. N., Kazakevich E. G. (1991) *Parlamentskie debaty: tradicii i novacii* [Parliamentary debates: traditions and innovations]. Moscow, Znaniye. 63 p. [in Russ.].
2. Driga S. S. (2007) *Social'nyj dejksis diskursa massovoj kommunikacii (na materiale tok-shou)* [Social dexis of mass communication discourse (on the talk show material). Thesis]. Tver, Tver State University. 136 p. [in Russ.].
3. Issers O. S. (1996) *Vestnik Omskogo universiteta*, no. 1, pp. 71—74 [in Russ.].
4. Maryukhin A. P. (2008) *Kritika i semiotika*, no. 12, pp. 117—125 [in Russ.].

5. Paducheva E. V. (2008) Rezhim interpretacii kak kontekst, snimayushchij neodnoznachnost' [Interpretation mode as a context that removes ambiguity]. *Materialy mezhdunarodnoj konferencii* [Proceedings of the International Conference]. Moscow [in Russ.].
6. Samartsev V. Yu. (2018) *Russkij yazyk v global'nom i lokal'nom izmereniyah*, pp. 304—310 [in Russ.].
7. Smirnova V. V. Formirovanie diskursivnyh markerov problemnoj dostovernosti s iskhodnoj semantikoj zritel'nogo vospriyatiya [Formation of discursive markers of problematic reliability with initial semantics of visual perception. Abstract of thesis]. Voronezh, 2018. 23 p. [in Russ.].
8. Jacobson R. O. (1972) *Principy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya*, pp. 95—113 [in Russ.].
9. Bondi M. (2008) *Corpora and discourse: The challenges of different settings*, no. 31.
10. Clayman S., Heritage J. (2002) *Cambridge University Press*.
11. Fraser B. (2010) *OKULSKA, U., CAP, P., Perspectives in Politics and Discourse, Capitolo*.
12. Hyland K. (2005) *Metadiscourse: Exploring writing in interaction*. London, Continuum.
13. Hyland K. (2010) *Nordic Journal of English Studies*, vol. 9, no. 2, pp. 125—143.
14. Jalilifar A., Alavi-Nia M. (2012) *Discourse & Communication*, vol. 6, no. 2, p. 135—161.
15. Jespersen O. (1922) *Language; its nature, development, and origin*. H. Holt.
16. Karnyushina V., Makhina A. (2017) *Journal of Language and Education*, vol. 3, no. 1.
17. Malone M. (2013) *Worlds of talk: The presentation of self in everyday conversation*. John Wiley & Sons.
18. Nikčević-Batričević A., Krivokapić M. (ed.). (2015) *Mapping the World of Anglo-American Studies at the Turn of the Century*. Cambridge Scholars Publ.
19. Reyes A. (2020) *Journal of Language and Politics*.
20. Transcript of the US Debates. Politico Website. Available at: <https://www.politico.com>, accessed 08.05.2020.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ЖЕЛАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

А. В. Семкова, Е. М. Агеенко

*Мирнинский политехнический институт (филиал)
Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Мирный, Россия*

Исследуются особенности категоризации прототипической ситуации желания в современном английском языке. Моделируется прототипическая ситуация желания, определяются ее облигаторные и необлигаторные параметры, а также прототипическая конструкция для этой ситуации. Анализируются структурно-семантические особенности непрототипических конструкций, вербализующих необлигаторные параметры прототипической ситуации, замеченные говорящим.

Ключевые слова: *категоризация, прототипическая ситуация, прототипическая конструкция, непрототипическая конструкция, параметр.*

Данная статья посвящена исследованию проблемы категоризации на уровне предложения, а именно категоризации прототипической ситуации желания синтаксическими конструкциями, каждая из которых имеет собственное значение, неидентичное значениям других конструкций, в связи с тем, что категоризирует разные параметры прототипической ситуации.

Выделение естественных категорий позволило осознать то, что язык отражает реальную действительность через призму обобщенного носителя языка. Язык отражает то, как говорящий воспринимает и категоризирует реальность вокруг себя. Носитель языка — посредник между языком и действительностью. Конструкции, которые он/она употребляет в речи, отражают не саму ситуацию, а только его/ее понимание (мысль об) этой ситуации [4; 11]. В связи с этим, чтобы выразить мысль или идею, носитель языка должен подвести ее под определенную категорию, или категоризовать, а именно «принять решение, в соответствии с которым данный предмет или событие будут интерпретироваться как отдельное проявление какой-либо категории» [12. С. 56].

Е. С. Кубрякова считает, что «категоризация — это главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем средство одних явлений в противовес различию других. Важно поэтому попытаться понять, на основании каких критериев человек выносит подобное суждение и разносит увиденное, услышанное или прочувствованное по определенным группировкам» [7. С. 97].

Прототипический подход широко применяется при исследовании явлений категоризации и самих категорий, которые понимаются как упорядоченные структуры, содержащие указания на то, какие элементы данной структуры являются прототипами [13. С. 528]. Прототип, как правило, является одним из членов категории, совмещающим в себе «максимум общих свойств с остальными членами данной категории и минимум свойств с членами других категорий» [17]. Он обладает типичным набором параметров какой-либо категории. Анализируя остальные члены категории, исследователь сравнивает их семантическую структуру с набором параметров прототипа по принципу семейного сходства. Чем больше параметров совпадает с набором параметров прототипа, тем ближе данный член к прототипу¹.

Если применить прототипический подход к исследованию семантически близких конструкций, очевидно, что они восходят к определенной общей идее или мысли о ситуации, к тому, что их объединяет, а именно к прототипической ситуации. По мнению Г. И. Кустовой, «прототипическая ситуация — это когнитивная модель ситуации, с которой связано базовое значение языковой единицы» [8]. Дж. Лакофф называет прототипическую ситуацию «некой идеализированной абстрактной сущностью», «набором совместно реализующихся характеристик, который более существен для нашего опыта» [10. С. 105].

¹ Следует отметить, что в данной работе используем термин «параметр», а не «признак», вслед за П. Лутцайром, чтобы дистанцироваться от терминов структурной парадигмы [16].

Прототипическая ситуация «реализуется в одном или нескольких из своих проявлений в форме той или иной конструкции, так как довольно часто данной ситуации не соответствует никакая иная конструкция» [4. С. 31]. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон смоделировали прототипическую ситуацию каузации, в которой было представлено 12 элементов. Очевидно, что одновременно все они не могут быть категоризованы одной конструкцией. Необходимо отметить, что под конструкцией здесь и далее понимается простая глагольная конструкция, «в которой все формальные единицы лексически субкатегоризованы, например $N_{\text{лицо}} V_{\text{действие}} N_{\text{предмет}}$ » [1. С. 33; 2. С. 542; 3. С. 84; 4. С. 40 и др.]. В рамках когнитивной грамматики конструкция понимается как «объединение когнитивной модели (содержательная сторона) с соответствующей лингвистической формой (формальная сторона)» [9; 15; 18].

Прототипическая конструкция отражает содержание прототипической ситуации лучше других конструкций, считается «самой частотной и понятной говорящим и представляет информацию эксплицитно и самым экономным способом» [5; 6], то есть «реализует все свойства в наиболее полном и чистом виде и без примеси иных свойств» [4. С. 58].

Очень часто говорящий использует непрототипические конструкции. Они, как правило, категоризуют прототипическую ситуацию хуже или заимствуют параметры из других прототипических ситуаций. Непрототипические конструкции — полноправные члены категории, которые категоризуют те или иные необлигаторные параметры прототипической ситуации, другими словами, представляют прототипическую ситуацию с примесью иных параметров. Теория прототипов в синтаксисе позволяет объединить семантически нетождественные конструкции, и даже самые нетривиальные случаи в одну категорию, потому что они все категоризуют те или иные параметры прототипической ситуации. Это и позволяет подвести их под общую категорию.

Прототипическая ситуация моделируется в результате исследования категории «желание», словарных дефиниций лексем, обозначающих желание в толковых англоязычных словарях, а также лексико-семантической группы предикатов желания в современном английском языке, поскольку в рамках вербоцентрической концепции глагольный предикат признан семантическим ядром предложения.

Прототипическая ситуация желания представлена в сознании обобщенного носителя языка следующими параметрами:

• *Облигаторные:*

- 1) «одушевленный субъект», выступающий только в роли субъекта желания;
- 2) «состояние желания, связанное с интенцией»;
- 3) «объект желания», подразумевающий под собой и различные ситуации, и абстрактные понятия, и одушевленных существ;
- 4) «нацеленность на будущее».

Необлигаторные:

- 1) «свойство субъекта, реализующееся в его предпочтениях»;
- 2) «сожаление»;
- 3) «необходимость, потребность»;
- 4) «влечение»;
- 5) «высокая степень желания»;
- 6) «страсть»;
- 7) «обладание чем-то или кем-то»;
- 8) «надежда»;
- 9) «состояние желания, зависящее от действий других людей»;
- 10) «требование»;
- 11) «волеизъявление»;
- 12) «желание получить что-либо из-за ограничения».

Необходимо отметить, что необлигаторные параметры образуют фон ситуации, они лишь подразумеваются и не репрезентируются прототипической конструкцией. При этом, когда один из необлигаторных параметров вербализуется говорящим, он выходит из фона ситуации и становится облигаторным, а конструкция, соответственно, меняет смысл.

Итак, параметры, обозначенные нами как необлигаторные, не обнаруживаются в прототипической конструкции, в ней репрезентированы только облигаторные параметры, потому что вряд ли существует такая прототипическая конструкция, которая способна одновременно реализовывать все параметры.

Первый облигаторный параметр «одушевленный субъект» вербализован одушевленным существительным или личным местоимением, обозначающим живое существо. Второй параметр — «состояние желания» — репрезентирован стилистически нейтральным глаголом *to want*, который является ядром лексико-семантической группы глаголов желания в современном английском языке. Параметр «объект желания» представлен инфинитивом, а параметр «нацеленность на будущее» содержится в семантике

организующего глагола *to want*, поскольку желание предполагает интенцию.

Прототипическая конструкция для прототипической ситуации желания может быть представлена следующим образом: $N_{animate} V_{(want)}$ Infinitive.

Эта конструкция является прототипической, поскольку является самой частотной, категоризует все облигаторные параметры прототипической ситуации наиболее полно и без примеси иных свойств и была определена как базисная для глаголов желания в рамках теории семантического синтаксиса [4. С. 118].

Приведем примеры прототипической конструкции:

1) *I want to buy a new car* [19].

2) *I just wanted to know if everything was all right* [Там же].

В примере 1 говорится о желании говорящего приобрести новую машину, предложение 2 репрезентирует желание говорящего узнать, все ли в порядке.

Смена организующего глагола свидетельствует о несколько ином способе категоризации прототипической ситуации. Говорящий замечает дополнительные параметры ситуации и использует доступные ему языковые средства, а именно предикаты с дополнительными семами в значении (синонимы глагола *to want*) для их категоризации.

Таким образом, конструкции, организованные глаголами *to desire*, *to yearn*, *to covet*, *to be eager to*, помимо просто желания категоризуют дополнительные или необлигаторные параметры прототипической ситуации желания. Например, *to yearn* и *to desire* обладают значением «очень сильно, страстно хотеть чего-либо». Разница в их значениях заключается в том, что глагол *to yearn* употребляется, когда вероятность получить желаемое очень мала, а желание очень сильное, а глагол *to desire* — когда желание реально выполнимо. Несмотря на это, оба глагола реализуют параметры «влечение» и «страсть». Глагол *to covet* обозначает самую высокую степень желания, которое обязательно направлено на обладание тем, что принадлежит другому человеку, репрезентируя, таким образом, необлигаторный параметр прототипической ситуации «обладание кем-то или чем-то». Конструкции с предикатом *to be eager to* категоризуют параметр «желание заполучить что-либо из-за ограничения».

Проанализируем следующие примеры:

3) *She desires to remain neutral in the dispute* [Там же].

4) *He yearned to join his friends in the garden* [Там же].

5) *The king's brother coveted the throne* [22].

6) *We are eager to learn the news* [19].

В предложении 3 идет речь о том, что субъект очень не хочет принимать чью-либо сторону, в примере 4 описывается сильное желание субъекта присоединиться к своим друзьям, в предложении 5 говорится о том, что брат короля жаждал престола, а в предложении 6 — о сильном желании субъекта узнать новости. Данные предложения иллюстрируют, что субъект испытывает огромное, страстное желание иметь или сделать что-либо. Таким образом, параметры «страсть», «влечение», «обладание кем-либо или чем-либо» и «желание заполучить что-либо из-за ограничения» находятся в фокусе внимания говорящего. Данные параметры реализованы дополнительными семами в значении организующих предикатов.

Сильное желание может быть репрезентировано не только семантикой организующего предиката, но и сирконстантом, который в предложении представлен наречием-модификатором. Это свидетельствует о том, что желание сопряжено с эмоциональным переживанием субъекта. Например:

7) *But we particularly want to attract players who don't compete at club level.* [14].

8) *I first made the Cup team in 1981 and I desperately want to be in next year's* [Ibid.].

9) *I really want to be successful* [Ibid.].

10) *I badly want to run well again over 10,000 m* [Ibid.].

В предложении 7 говорится о сильном желании субъекта привлечь игроков, которые не соревнуются на клубном уровне, в примере 8 говорящий жаждет попасть в команду, в примере 9 объект очень хочет быть успешным, а в предложении 10 говорящий очень хочет снова пробежать более десяти тысяч метров. В примерах 7—10 конструкции, организованные глаголом *to want*, категоризуют высокую степень желания. Следовательно, необлигаторный параметр «высокая степень желания» становится облигаторным. Очевидно, что модификаторы реализуют необлигаторные параметры ситуации, изменяя значение всего предложения.

Параметр «высокая степень желания» может быть представлен в конструкции и семантикой организующего предиката, и сирконстантом, в частности наречием-модификатором. В таких случаях сирконстант является облигаторным членом конструкции и входит в валентностно-актантную схему предложения, поскольку он влияет на значение

всего предложения, как и организующий предикат с соответствующими семами в своем значении.

Когда глаголы *to want*, *to wish*, *to need*, *to will to desire* и предикат *would like* употребляются в конструкциях с Complex Object, происходит смена актанта, инфинитив сменяется сложным дополнением. Параметр желания сохраняется, но ослабевает, усматривается его конкретизация. Субъект ждет конкретных действий от какого-то лица.

Рассмотрим следующие примеры:

11) Does *he want me to take him to the airport?* [20].

12) *He wished Emily were with him* [21].

13) *I desire you will stay where you are* [14].

14) *We need you to look after the children for us* [20].

15) *He willed me to come* [19].

16) *And you'd like me to help you find them?* [Там же].

В предложении 11 говорящим задается вопрос, хочет ли объект, чтобы субъект подвез его в аэропорт, в примере 12 говорится о том, что субъекту очень хотелось бы, чтобы Эмили была с ним, в предложении 13 изъявлено желание, чтобы объект оставался там, где находится сейчас. В предложении 14 описана необходимость помощи субъекту с детьми, в примере 15 субъект выражает желание, чтобы объект пришел, в предложении 16 говорящим задается вопрос, не хотел бы объект, чтобы субъект ему помог. Необлигаторный параметр «состояние желания, зависящее от действий других людей» является общим для всех рассматриваемых нами выше примеров. К нему также добавляются и дополнительные параметры, такие как: «надежда», «рвение» и «требование», «необходимость», «потребность», «волеизъявление» и «робкое желание», которые становятся облигаторными в зависимости от того, какой параметр замечен говорящим и, соответственно, какой глагол или предикат выбирается им для категоризации этой ситуации.

Отсюда ясно, что все непрототипические конструкции с Complex Object категоризируют ситуацию, в которой обнаруживается намерение субъекта получить желаемое от объекта. При этом данная ситуация в чистом виде представлена только конструкциями, которые организованы глаголом *to want*. Категоризуя данную ситуацию, субъект замечает и необлигаторные параметры, что сказывается на общей организации предложения. В качестве организующего предиката говорящий интуитивно выбирает не глагол *to want*, а синонимичный ему глагол.

Глаголы *to want* и *to need* могут сочетаться как с инфинитивом, так и с герундием. Глаголы *to want*

и *to need* употребляются с герундием только в том случае, когда подлежащее выражено неодушевленным существительным либо обозначает животное. Таким образом, в данной конструкции происходит смена двух актантов: одушевленный субъект сменяется неодушевленным субъектом, а инфинитив — герундием. Изменение формы конструкции свидетельствует о категоризации другой ситуации, в которой необходимость и потребность выходят на передний план. Сравним следующие примеры:

17) *Her purple dress wants cleaning* [19].

18) *The house needed painting* [21].

В предложении 17 говорится, что платье необходимо постирать, а в предложении 18 сообщается о том, что было необходимо покрасить дом. Данные конструкции семантически близки, поскольку категоризируют параметр «необходимость». Отличие, на наш взгляд, заключается в том, что, если конструкция организована глаголом *to want*, то речь идет, скорее, о рекомендации, а не о необходимости в чистом виде.

В конструкциях, организованных глаголом *to prefer*, происходит замена инфинитива герундием:

19) *I prefer having breakfast at 6.30 a. m.* [19].

20) *He prefers watching football to playing it* [20].

В предложении 19 говорящий сообщает о том, что он предпочитает завтракать рано утром, в примере 20 говорится о том, что субъект любит не играть в футбол, а смотреть его. Таким образом, мы видим, что в предложениях 19—20 вербализован параметр «свойство субъекта, реализующееся в его предпочтениях», репрезентированный семами глагола *to prefer*. Субъект предпочитает делать что-либо вообще, а не случайно. Мы можем сделать вывод, что то, как говорящий понял и категоризовал ситуацию, влияет на выбор не только одного из глаголов лексико-семантической группы желания, но также и на выбор актантов.

Глагол *to wish* может употребляться в составе конструкции *I wish*, которая обычно переводится как «мне жаль, что...». Предложения с глаголом *to wish* вербализуют пожелания с оттенком сожаления о том, что желаемое не соответствует реальности, оно не сбылось или не сбудется.

Например,

21) *I wish I had bought a ticket for the concert* [19];

22) *I wish that I could afford a new car* [21].

В примере 21 говорящему жаль, что у него нет возможности купить билет на концерт, а в предложении 22 речь идет о том, что субъект сожалеет о том, что не может купить себе новую машину.

В данных примерах параметры «сожаление» и «желание» реализуются одновременно, субъект сразу и желает чего-то, и сожалеет о том, что он не может этого иметь или достичь. Происходит смена актанта — придаточное предложение с глаголом в сослагательном наклонении вместо инфинитива и вербализуется необлигаторный параметр «сожаление», он выходит из фона ситуации, становится облигаторным.

Итак, необлигаторные параметры прототипической ситуации желания категоризируются следующими конструкциями:

- 1) $N_{animate} V_{(desire, yearn, covet, to\ be\ eager\ to)} Infinitive;$
- 2) $N_{animate} want N_{animate} Infinitive;$
- 3) $N_{animate} V_{(want, wish, desire, need, will, would\ like)} N_{animate} Infinitive;$
- 4) $N_{inanimate} V_{(want, need)} Ving;$

- 5) $N_{animate} V_{(prefer)} Ving;$
- 6) $N_{animate} Adverbial\ Modifier V_{(want)} Infinitive;$
- 7) $N_{animate} V_{(desire, crave, yearn, covet)} N_{inanimate};$
- 8) $N_{animate} V_{(wish)} N_{inanimate}.$

В ходе анализа выяснилось, что данные конструкции отличаются друг от друга не только структурно, но и семантически. Смена организующего глагола, актантов, употребление сирконстантов, способных влиять на семантическую организацию предложения, сигнализируют о некоем ином восприятии говорящим ситуации желания, а следовательно, и об ином значении конструкций. Это позволяет утверждать, что значение конструкции не зависит только от значения глагола, а складывается из всех ее компонентов (предиката, актантов и даже сирконстантов) в равной степени.

Список литературы

1. Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения). М.: Изд-во МГУ, 1971. 294 с.
2. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004. 862 с.
3. Кацнельсон С. Д. Типология и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
4. Ковалева Л. М. Английская грамматика: предложение и слово. Иркутск: ИГЛУ, 2008. 397 с.
5. Ковалева Л. М. О первичных и вторичных структурах в синтаксисе // Лингвистика и методика в высшей школе (X): сб. науч. тр. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза. 1981. Вып. 170. С. 41—51.
6. Ковалева Л. М. Проблемы структурно-семантического анализа простой глагольной конструкции в современном английском языке. Иркутск: ИГЛУ, 1987. 221 с.
7. Кубрякова Е. С. Семантика когнитивного в лингвистике (о принципах, контейнерах и формах их объективации в языке) // Известия АН. 1999. Т. 58. № 5—6. С. 3—99.
8. Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 85—109.
9. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славян. культуры, 2004. 792 с.
10. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М.: ЛКИ, 2008. 256 с.
11. Фурс Л. А. Концептуальные аспекты синтаксиса // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. М.; Тамбов: ТГУ им. Державина, 2009. Вып. IV. С. 278—301.
12. Чейф У. Л. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 432 с.
13. Akmajian A. Linguistics: An introduction to language and communication. 2nd ed. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1984. 547 p.
14. British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения 03.04.2020).
15. Goldberg A. E. Constructions: a new theoretical approach to language // Trends in cognitive Science, 2003. Vol. 7, № 5. P. 219—224.
16. Lutzeier P. Lexical fields. Surrey, UK: University of Surrey, Elsevier Ltd, 2006. [1 электрон. отл. диск (CD-ROM)]
17. Rosch E. H. Natural categories // Cognitive psychology. 1973. Vol. 4. P. 328—350.
18. Tomasello M. The Return of Constructions // J. of Child Language. 1998. 25, № 2. P. 431—442.

Лексикографические источники

19. Контекстный русско-англо-русский словарь. URL: <https://en.kartaslov.ru/> (дата обращения 03.04.2020).
20. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 1572 p.

21. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman: Pearson ESL, 1995. 1668 p.
22. Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 03.04.2020).

Сведения об авторах

Семкова Анастасия Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Мирнинского политехнического института (филиала) Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Мирный, Россия. semkova1@rambler.ru

Агеенко Елизавета Максимовна — выпускница бакалавриата английской филологии Мирнинского политехнического института (филиала) Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Мирный, Россия. ag.veta@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 1 (447). *Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 146—152.*

CATEGORIZATION OF THE PROTOTYPICAL SITUATION OF DESIRE (EXEMPLIFIED BY MODERN ENGLISH MATERIAL)

A. V. Semkova

Mirny Polytechnic Institute (branch) of North-Eastern Federal University, Mirny, Russia. semkova1@rambler.ru

E. M. Ageenko

Mirny Polytechnic Institute (branch) of North-Eastern Federal University, Mirny, Russia. ag.veta@list.ru

This article is dedicated to the peculiarities of categorization of the prototypical situation “desire” as exemplified by the English language usage. In the process of categorization, a speaker may notice something not typical for the situation, because in reality there are millions of different situations. Speakers choose different language means: words and constructions that are provided by the language. Therefore, the semantic and structural peculiarities of the constructions depend on how the speaker understands and categorizes the situation. To reveal the peculiarities of categorization the situation of desire in modern English, the prototypical situation of desire is modeled, the obligatory and non-obligatory dimensions of the prototypical situation are determined. The prototypical construction for the categorization of the prototypical situation of desire is found out. The list of non-prototypical constructions that categorize the prototypical situation worse, is given. Non-prototypical constructions are analyzed to observe their structural and semantic features.

Keywords: *categorization, prototypical situation, prototypical construction, non-prototypical construction, dimension.*

References

1. Alisova T. B. (1971) *Ocherki sintaksisa sovremennogo ital'yanskogo yazyka (semanticheskaya i grammaticheskaya struktura prostogo predlozheniya)* [Essays on the syntax of the modern Italian language (semantic and grammatical structure of a simple sentence)]. Moscow. 294 p. [in Russ.].
2. Hak V. G. (2004) *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of the French language]. Moscow. 862 p. [in Russ.].
3. Katsnel'son S.D. (1972) *Tipologiya i rechevoye myshleniye* [Typology of language and speech thinking]. Leningrad, Nauka. 216 p. [in Russ.].
4. Kovalyova L. M. (2008) *Angliyskaya grammatika: predlozheniye i slovo* [English grammar: sentence and word]. Irkutsk. 397 p. [in Russ.].
5. Kovalyova L. M. (1981) *Lingvistika i metodika v vysshey shkole*, no. 7, pp. 41—51 [in Russ.].
6. Kovalyova L. M. (1987) *Problemy strukturno-semanticheskogo analiza prostoy glagol'noy konstruktsii v sovremennom angliyskom yazyke* [The problems of structural-semantic analysis of a simple verb structure in the modern English]. Irkutsk. 221 p. [in Russ.].
7. Kubryakova E. S. (1999) *Izvestia AN*, no. 5—6, pp. 3—99 [in Russ.].

8. Kustova G. I. (2000) *Voprosy jazykoznanija*, no. 4, pp. 85—109 [in Russ.].
9. Lakoff Dzh. (2004) *Zhenshchiny, ogon' i opasnyye veshchi. Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind.]. Moscow, Languages of Slavic culture. 792 p. [in Russ.].
10. Lakoff Dzh. (2008) *Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow. 256 p. [in Russ.].
11. Furs L. A. (2009) *Kognitivnyye issledovaniya yazyka. Kontseptualizatsiya mira v yazyke: monografiya*. Iss. 4. Pp. 278—301 [in Russ.].
12. Cheyf U. L. (1975) *Znachenije i struktura yazyka* [Meaning and the structure of language]. Moscow, Progress. 432 p. [in Russ.].
13. Akmajian A., Demers R. A., Harnish R. M. (1984) *Linguistics: An introduction to language and communication*. 2nd ed. Cambridge, Mass.: MIT Press. 547 p.
14. British National Corpus. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc/>, accessed 03.04.2020.
15. Goldberg A. E. (2003) *Trends in cognitive Science*, no. 5, pp. 219—224.
16. Lutzeier P. (2006) *Lexical fields*. Surrey, UK: University of Surrey, Elsevier Ltd.
17. Rosch E. H. (1973) *Cognitive psychology*, no. 4, pp. 328—350.
18. Tomasello M. (1998) *J. of Child Language*, 25, no. 2, pp. 431—442.

Dictionaries

19. Contextual Russian-English-Russian dictionary. Available at: <https://en.kartaslov.ru/>, accessed 03.04.2020.
20. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 1572 p.
21. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman, Pearson ESL, 1995. 1668 p.
22. Merriam Webster Dictionary. Available at: <https://www.merriam-webster.com/>, accessed 03.04.2020.

ТЕРМИНЫ ЦВЕТА В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА К. Г. ПАУСТОВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ «СЕВЕРНОЙ ПОВЕСТИ»)

Т. В. Сивова

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь

Реконструируется один из фрагментов колористической картины мира К. Г. Паустовского. Выявляется количественный и качественный состав терминов цвета, используемых писателем для визуализации пространства и времени произведения, раскрывается их функциональный потенциал, описываются особенности авторской цветовой манеры письма.

Ключевые слова: *языковая картина мира, концепт, лингвистика цвета, термин цвета, язык писателя, идиостиль.*

«Северная повесть» (1938) — крупнейшее произведение «северного цикла» К. Г. Паустовского, в котором автор на фоне широкой темпоральной (восстание декабристов 1825 г., Октябрьская революция 1917 г., современная ему действительность) и пространственной (Россия, Швеция) перспективы воплощает идею «стойкой преемственности прекрасных духовных традиций поколений русских людей» [1. С. 162]. Несмотря на широкое читательское и зрительское (экранизирована в 1960 г., реж. Е. Н. Андриканис) признание, повесть редко становилась предметом научного исследования. Отметим здесь датируемый 1984 г. и ставший классическим труд Л. П. Кременцова [3], а также вышедшую в 2015 г. написанную в ключе литературной антропологии и посвященную описанию «севернорусской картины мира, воссозданной в произведениях на тему Севера» монографию Э. Я. Фесенко [14. С. 5]. Один из разделов монографии — «Чувство истории» К. Г. Паустовского — посвящен «Северной повести», в которой, по заключению Т. Г. Петровой, писатель через героев «восстанавливал “связь времен” с современным ему читателем, который должен был воспринимать исторические события не как “далекое прошлое”, а испытывать драгоценное “чувство истории”» [7. С. 58]. Помимо упомянутых масштабных работ, заслуживает внимания и статья Ю. А. Степановой, в которой автор с позиций литературоведения раскрывает специфику образов культуры в «Северной повести» [13].

На фоне невысокой степени исследовательского интереса к произведению особенно актуальным становится привлечение его в качестве материала для осуществляемого нами в русле лингвистики цвета (А. П. Василевич, В. Г. Кульпина, Р. М. Фрумкина, В. К. Харченко, К. Waszakowa и др.) исследова-

ния, целью которого является реконструкция колористической картины мира К. Г. Паустовского. Выявление на примере повести специфики авторской колористической перцепции и визуализации пространства и времени наравне с результатами других наших исследований [8—11 и др.] послужит комплексной реконструкции цветовой картины мира писателя, что представляется значимым в свете задачи создания полной версии концептосферы цветообозначений русского языка [5. С. 3]. В рамках данной статьи видится целесообразным описание колористического спектра повести: установление его количественного и качественного состава, выявление доминант, раскрытие функционального потенциала терминов цвета (в терминологии В. Г. Кульпиной [4]), описание специфики авторской цветовой манеры письма.

Колористический спектр «Северной повести» может быть представлен в модели поля, ядро которого формируют имена цвета, принадлежащие блокам цвета (в терминологии Р. М. Фрумкиной [15]); околоядерная зона представлена лексемами, не входящими в блоки цвета, но зафиксированными в лексикографии, а также авторскими цветономинациями; ближняя периферия формируется группой лексем с корнем *-цвет-* и лексикой изобразительного искусства с семей «цвет»; дальняя периферия включает лексем, содержащие общую интегральную сему с цветовым признаком имплицитно, лексем со значением интенсивности окраски, утраты цвета, а также образные цветообозначения и лексем с цвето-световым значением. В основе зонирования поля лежит как количественный критерий (количество словоупотреблений), так и качественный (соотношение цветовой/информативной и образной составляющей).

Ядро цветового поля представлено цветообозначениями, принадлежащими к следующим блокам цвета:

- Блок «красные»: *багровый* 4¹, *красный*² 16, *кровавый* 3, *алый* 1, *розовый* 6. В контекстах: *на крейсере полыхнули четыре широких багровых огня, и тяжелый гул понесся в морские дали* [16. Т. 2. С. 213]; *народ на Аландских островах был крепкий, краснощекий, болел редко* [Там же. С. 218]; *На пятидесятом ударе Тихонов упал. ...К спине прилипли комья кровавого снега* [Там же. С. 192]; *Алое знамя восстания реет над великой страной* [Там же. С. 223]; *Кровь капала в снег, и в снегу протаяло от нее несколько розовых ноздреватых воронок* [Там же. С. 200].

- Квазиблок «оранжевые»: *оранжевый* 2, *рыжий* 6. В контекстах: *комната была озарена оранжевым блеском солнца и огня, пылавшего в камине* [Там же. С. 181]; *Унтер-офицер и рыжеусый солдат рванули Тихонова за дуло ружья* [Там же. С. 191].

- Блок «желтые»: *золотой* 6, *янтарный* 1, *желтый* 13, а также «промежуточные»³ имена цвета *оранжевый* 2, *рыжий* 6. В контекстах: *Дворец просвечивал сквозь темноту деревьев, как одинокий золотой лист светится ранней осенью сквозь гущу еще свежей и темной листвы* [Там же. С. 250]; *зашли в дом, показавшийся Бестужеву построенным из старого янтаря*⁴ — *так желты были его бревенчатые стены* [Там же. С. 182]; *Чай пили долго, по-деревенски, высасывая из блюдец желтый кипяток* [Там же. С. 238]; *дом был разноцветный: стены синие, облезлые, оконные наличники и двери — оранжевые* [Там же. С. 222]; *Маленький, с рыжей мокрой бородкой и набрякшим лицом, он [Полувитя] был похож на земского доктора* [Там же. С. 216].

- Блок «зеленые»: *зеленый* 12 и «промежуточное» имя цвета *цвет морской волны* 1. В контекстах: *шуршал и трескался около бортов лед, и зеленоватая зернистая вода вспухала за кор-*

мой буграми [Там же. С. 232]; *шелковое платье цвета морской волны поблескивало и шуршало, и Тихонов подумал, что женщине, должно быть, холодно* [Там же. С. 250].

- Блок «синие»: *синий* 12 и «промежуточные» имена цвета *сизый* 1, *цвет морской волны* 1. В контекстах: *На лбу его синел кровоподтек* [Там же. С. 184]; *«Неужто весна?» — подумал Тихонов и зашагал по сизой жиже из воды и тающего снега* [Там же. С. 190].

- Блок «фиолетовые»: *лиловый* 2. В контексте: *Женщина в лиловом платье быстро заморгала глазами* [Там же. С. 209].

- Блок «серые»: *пепельный* 1, *серый* 17, *черный* 30, «промежуточные» имена цвета *серебристый* 3, *сизый* 1. В контекстах: *виднеются только три огня: белый огонь маяка в Кронштадте, пепельный огонь Юпитера и тихий золотой блеск на куполе Исаакиевского собора* [Там же. С. 247]; *Его [вино] особенно приятно пить в такую серенькую погоду* [Там же. С. 263]; *крейсер чернел на пасмурном небе громадой надстроек, труб* [Там же. С. 212]; *около свай шевелила хвостами стая серебряных длинных рыб* [Там же. С. 250].

- Блок «белые»: *белый* 27, а также *серебристый* 3. В контекстах: *Заросли высокой крапивы все время шевелились, и из них выглядывали белоголовые дети* [Там же. С. 235]; *сотни снежных хлопьев падали сверху, серебрясь в косых лучах солнечного света* [Там же. С. 181].

- Квазиблок «кремовые» (*сливочный, цвет слоновой кости, телесный, кремовый, опаловый, палевый, бежевый, цвет кофе с молоком*) не представлен в «Северной повести». Важно отметить, что К. Г. Паустовский избегает пастельных тонов и во многих других произведениях как раннего, так и зрелого периода творчества: «Блισταющие облака» (1929), «Кара-Бугаз» (1932), «Колхида» (1934), «Романтики» (1935), «Черное море» (1936), «Тарас Шевченко» (1939), «Разливы рек» (1954), «Золотая роза» (1955), «Дым отечества» (1963), что можно трактовать как одну из черт его цветописи. Ср.: использование термина цвета *бежевый* носит спорадический характер — в тексте гексалогии «Повесть о жизни» (1946—1963) отмечен единственный случай его функционирования в визуализации пространства творчества: *она [Аврора] летела по небу среди бежевых облаков и сыпала из рога на землю алые цветы* [16. Т. 5. С. 98], в тексте очерка «Итальянские записки» (1962) он фиксируется дважды в описании пространства природы: *собачки разных цветов — черная, за ней —*

¹ Здесь и далее цифра рядом с термином цвета означает количество словоупотреблений в тексте.

² Контексты, актуализирующие значение «относящийся к революционной деятельности, революционный», «связанный с советским строем, с Красной Армией», не принимаются во внимание в рамках данного исследования.

³ В терминологии Р. М. Фрумкиной [15. С. 54].

⁴ Янтарь как носитель прототипического колористического признака: *янтарный 'золотисто-желтый, цвета янтаря'* [17. С. 1533].

рыжая, потом — белая и позади — бежевая [16. Т. 7. С. 214]. Термин цвета *цвет слоновой кости* зафиксирован единожды в тексте «Повести»: *в синей воде лежали плоские камни цвета слоновой кости* [16. Т. 5. С. 269]. В рассказе «Лихорадка» (1925) значение «желтовато-бежевый», «цвета слоновой кости» передается опосредованно: *получает часы и несколько дурацких слов, написанных на слоновой бумаге* [16. Т. 6. С. 23]. *Опаловый* отмечен лишь в очерке «Подводные ветры» (1930): *розоватые, опаловые и голубые гроздья жемчуга отправляют в испепеленные страны Востока* [16. Т. 7. С. 92].

• Блок «коричневые»: *коричневый* 1. В контексте: *солнце падало в комнату, и в коричневой глубине дерева тлели золотые волокна* [16. Т. 2. С. 242].

Таким образом, ядро цветового спектра «Северной повести» составляют имена цвета: *черный* 30; *белый* 27; *серый* 17; *красный* 16; *желтый* 13; *зеленый*, *синий* 12; *золотой*, *розовый*, *рыжий* 6; *багровый* 4; *красный*, *серебристый* 3; *лиловый*, *оранжевый* 2; *алый*, *коричневый*, *пепельный*, *сизый*, *цвет морской волны*, *янтарный* 1.

Цветовыми доминантами являются *черный*, *белый*, *серый/красный*. Данная последовательность, с одной стороны, демонстрирует константность авторского цветового восприятия: 1) оппозиция *черный* — *белый*, фиксируемая в «Повести»: *черный, белый, красный*; романах «Дым отечества»: *черный, белый, красный* и «Романтики»: *черный, белый, желтый/синий*; повестях «Золотая роза»: *черный, белый, желтый/зеленый*; «Тарас Шевченко»: *черный, белый, синий* и «Черное море»: *черный, белый, красный*; 2) сильная позиция термина цвета *красный*, как в «Повести»: *черный, белый, красный*; романах «Блестящие облака»: *черный, синий, белый/красный* и «Дым отечества»: *черный, белый, красный*; повестях «Колхида»: *белый, красный, черный/синий*; «Разливы рек» *черный, синий, красный*; «Черное море»: *черный, белый, красный*. С другой стороны, ее уникальность, проявляющаяся в сильной позиции термина цвета *серый*, зафиксированном ранее в качестве доминанты цвета лишь в повести «Кара-Бугаз»: *черный, желтый, серый/белый* [8], где его доминирование обусловлено активным функционированием в пространстве природы — в визуализации воздушного пространства (*серое небо, серый туман, тучи серого праха, серый зной*), ландшафта (*серые горы, серый камень*), растительного мира (*серая полынь, цветы с серой шершавой листвой*), водного пространства (*серая вода залива,*

жидкая серая глина), животного мира (*сотни серых бабочек*); в меньшей мере пространства человека — в создании соматического (*офицер с выпуклыми серыми глазами, серые глаза, серая борода*) и вестигиального кода произведения (*серая плотная куртка*); спорадически — в визуализации пространства города (*дома из серого кирпича, дощатый серый дом, серые дома*). Использование К. Г. Паустовским цепочек цвета [12], построенных на основе термина цвета *серый*, усиливает эмоциональное воздействие текста: *К полудню над тусклой водой началось далекое нагромождение Баку — серых гор, серого неба, серых домов, покрытых заплатами яркого, но тоже серого солнечного цвета* [16. Т. 1. С. 450].

В «Северной повести» *серый* значим в первую очередь в пространстве человека и «вещного» мира — в визуализации вестигиального кода (*серые ряды солдат, серые шинели, серый тонкий костюм, била вальком серое белье, серое пятно [на перчатке]*), соматического (*серые стриженные головы солдат*), артефактов (*серая кожа барабанов, серое одеяло*), в сравнимой степени в пространстве природы — в описаниях воздушного пространства (*серенькое небо, серенькая погода, серая дымка, серые вихри [снега]*) и водного (*серая Балтика, серое море, серые волны*), спорадически визуализирует пространство города (*серый дом*). Примечателен схожий способ использования термина цвета *серый* в составе цепочки цвета, что дает основание говорить об авторском изобразительно-выразительном колористическом приеме: [Анна видела] *землю, засыпанную белым снегом, серые стриженные головы солдат, их серые шинели и озябшие красные руки, державшие черные бескозырки* [16. Т. 2. С. 204].

При сопоставлении доминант цвета «Северной повести» (*черный, белый, серый/красный*) с цветовой иерархией, репрезентирующей стандарт русского колористического языкового сознания (*белый, красный, зеленый, желтый*) [2. С. 144], отмечаем отражение в них в равной степени как национальных колористических приоритетов (*белый, красный*), так и индивидуально-авторских (*черный, серый*).

Уникальность цветового спектра «Северной повести» заключается в актуализации терминов цвета, традиционно не получающих широкой реализации в произведениях писателя. Так, *цвет морской волны* на текстовом пространстве собрания сочинений в 9 т. зафиксирован лишь трижды — в «Северной повести»: *шелковое платье цвета морской волны поблескивало и шурило* [16. Т. 2. С. 250], «Колхиде» (также в вестигиальном коде): *сверкало и переливалось [в лужах] всеми оттенками*

морской волны шелковое платье Невской [16. Т. 1. С. 590] — и «Золотой розе»: *Аквамарин считается по своему имени камнем, передающим цвет морской волны* [16. Т. 3. С. 228]. *Пепельный* 'сероватый, похожий цветом на пепел' [17. С. 791] проявляет устойчивую корреляцию с астрономом *Юпитер* как в тексте «Северной повести»: *пепельный огонь Юпитера* и *блеск на куполе Исаакиевского собора* [16. Т. 2. С. 247], так и в романе «Дым отечества»: *Но прекраснее всех были пепельный Юпитер и три звезды, стоявшие рядом* [Там же. С. 319], рассказе «Поводырь»: *среди просек и пустошей дотлевал пепельным огнем Юпитер* [16. Т. 6. С. 224].

Цветовое пространство «Северной повести» специфично функционированием упомянутых выше цепочек цвета, некоторых последовательностей терминов цвета, функциональный потенциал которых направлен на создание объемной колористической зарисовки в рамках минимального текстового пространства [12]. Так, в повести зафиксированы 2-, 3- и 5-компонентные цепочки цвета. Наиболее распространены 2-компонентные, в создании которых высокую продуктивность демонстрируют термины цвета *черный* и *синий*:

— *черный* 6 (*багровый* — *черный*; *желтый* — *черный*; *черный* — *красный*; *черный* — *серебряный*; *черный* — *синий*; *черный* — *синий*). Например: *Он [капитан] сочно жевал, и черная его борода ерзала по синеватой хрустящей салфетке, заткнутой за воротник* [16. Т. 2. С. 210];

— *синий* 6 (*багровый* — *синий*; *синий* — *белый*; *синий* — *зеленый*; *синий* — *красный*; *черный* — *синий*; *черный* — *синий*): *За ним [окном] ветер нес черный дым из труб, и в синеватом воздухе все громче били барабаны* [Там же. С. 190].

Далее по ранжиру:

— *красный* 4 (*желтый* — *красный*; *красный* — *розовый*; *синий* — *красный*; *черный* — *красный*): *Матрена, в черном шелковом платье, испуганная и раскрасневшаяся, вела его [старика] под руку* [Там же. С. 267];

— *белый* 3 (*белый* — *белый*; *белый* — *серый*; *синий* — *белый*): *Тихонов смотрел на белый маленький экран и видел, как почка на глазах росла, набухала, покрылась клейким соком, лопнула и из нее <...> расцвел белый цветок* [Там же. С. 245];

— *багровый* 2 (*багровый* — *черный*; *багровый* — *синий*): *В его [камина] багровых отблесках ночь за окнами казалась особенно синей* [Там же. С. 182];

— *желтый* 2 (*желтый* — *черный*; *желтый* — *красный*): *ваши генералы, — сказал Бестужеву шкипер в желтых сапогах с черными блестя-*

щими отворотами, — сделали большую ошибку [Там же. С. 187];

— *серый* 2 (*белый* — *серый*; *серый* — *серый*): *за стеклами дверей висели в небе белые облака и стояли сады, покрытые серой дымкой* [Там же. С. 207];

— *зеленый* 1 (*синий* — *зеленый*): *одна из них [звезда] — самая яркая, сияющая нестерпимым синим огнем, — стояла очень далеко, в южной, зеленоватой части неба* [Там же. С. 182];

— *коричневый* 1 (*коричневый* — *золотой*): *в коричневой глубине дерева тлели золотые волокна* [Там же. С. 242];

— *розовый* 1 (*красный* — *розовый*): [Настя] *застыдилась, раскраснелась и, накрывая на стол, шуришила вокруг Щедрина розовой юбкой* [Там же. С. 238];

— *серебряный* 1 (*черный* — *серебряный*): *глаза его [кота] сразу почернели: около свай шевелила хвостами стая серебряных длинных рыб* [Там же. С. 250].

Зафиксированные в повести цепочки — 3-компонентные (*белый* — *пепельный* — *золотой*): *три огня: белый огонь маяка в Кронштадте, пепельный огонь Юпитера и тихий золотой блеск на куполе Исаакиевского собора* [Там же. С. 247] и 5-компонентные (*белый* — *серый* — *серый* — *красный* — *черный*): [видела] *землю, засыпанную белым снегом, серые стриженные головы солдат, их серые шинели и озябишие красные руки, державшие черные бескозырки* [Там же. С. 204] — создают индивидуально-авторские цветовые комбинации и иллюстрируют одну из черт цветописи К. Г. Паустовского — тенденцию к передаче многоцветности.

Таким образом, термины цвета, принадлежащие ядру цветового поля «Северной повести», обладая мощным изобразительно-выразительным потенциалом, создают проявляющее авторские колористические приоритеты уникальное колористическое пространство произведения. Цветовой спектр повести последовательно расширяется цветовыми лексемами, репрезентирующими другие зоны поля.

Околоядерная зона¹ цветового поля произведения включает:

— группу цветолексем, не входящих в блоки цвета, но зафиксированных в лексикографии: *винный, восковой, гнедой, румянец, седой, слюдяной* и др. На фоне традиционной сочетаемости данных цветолексем, напр.: *восковой* 'бледно-желтый,

¹ Начиная с околоядерной зоны возможно проявление диффузности границ зон.

мертвенно-бледный' (обычно о цвете кожи) [17. С. 151]: *солдат медленно высвободил из-под одеяла холодную, восковую руку* [16. Т. 2. С. 196]; *гнедой 'красновато-рыжий с черным хвостом и гривой'* [17. С. 211]: *Швыряя снегом в козырек саней, примчались гнедые кони Киселева* [16. Т. 2. С. 199], фиксируем случаи ее расширения: *В черной мгле смутно виднелась седая неподвижная громада корабля* [Там же. С. 203]. Функциональность лексем данной группы расширяется до уточняющей собственно цветовой значение функции, в чем усматриваем стремление писателя к точной передаче цвета. Ср.: *Оно [пламя свечи] было окружено ореолом и зажигало вокруг себя волокна. Они светились багровым¹ винным² огнем* [Там же. С. 243]; *Оно [озеро] было действительно белое — слюдяное и бледное* [Там же. С. 238];

— стилистически маркированные цветолексеммы, регулярно фиксируемые в других произведениях писателя: *кручи запеклись рудой³ кровью* [16. Т. 3. С. 281]; *первые червонные⁴ лучи солнца* [16. Т. 1. С. 158]; *впечатление скопища чернявых⁵ людей* [16. Т. 4. С. 305] и др., — в «Северной повести» не используются, на основании чего констатируем стилистическую однородность цветового кода произведения;

— авторские цветономинации: *Он [Щедрин] оглянулся: дворец казался вылепленным из легкого снега* [16. Т. 2. С. 234]; *Палуба была как будто залита темной тушью* [Там же. С. 214], в основе создания которых прослеживается цвето-световое взаимодействие: *Ленинград сверкал над Невой, как драгоценный камень* [Там же. С. 267]; *Вода блестяла, как фольга* [Там же. С. 229].

Ближняя периферия цветового поля формируется:

— группой лексем с корнем *-цвет-* (*цвет, цветной, многоцветный, разноцветный*), передающих преимущественно значение «с окраской разных цветов»: *многоцветные воды тускло поблескивали* [Там же. С. 244]; *клубки разноцветных ниток лежали в шкатулке, как ежи* [Там же. С. 230], реже —

¹ *Багровый* — густо-красный, цвета крови, пурпурный, темно-красный с синеватым отливом [17. С. 54].

² *Винный* — темно-красный, цвета такого вина [Там же. С. 131].

³ *Рудой* (нар.-разг.) — красный, рыжий [Там же. С. 1132].

⁴ *Червонный* (устар. и трад.-поэт.) — красный, алый [Там же. С. 1471].

⁵ *Чернявый* (разг.-сниж.) — темноволосяй и смуглый, черный, темный [Там же. С. 1475].

значение «окрашенный в какой-либо яркий цвет»: *кроме цветных карандашей, у него [Алеша] ничего не было* [Там же. С. 240];

— лексикой изобразительного искусства семой «цвет» (*акварель, краска, пастель*), актуализирующей собственно терминологическое значение: [мать] *показала Щедрину портрет молодого военного, сделанный акварелью⁶* [Там же. С. 207] и выполняющей изобразительно-выразительную функцию цветообозначения: *Величественные здания, окружавшие Мари, казались нарисованными акварелью* [Там же. С. 257].

Дальняя периферия цветового поля произведения включает:

— лексеммы, содержащие общую интегральную сему с цветовым признаком имплицитно: *блондинка, воспаленный, загорелый, мутный, напудрить, обветренный, пестрый, полосатый, смуглый, черпаховый* и др. В контекстах: [Тихонов] *долго мигал воспаленными от ветра глазами* [Там же. С. 178]; *приехала и сестра Тихонова Катя — высокая смуглая девушка* [Там же. С. 246];

— лексеммы со значением интенсивности окраски: *бледный, ни кровинки, прозрачный, слабый, тлеть, тусклый, неяркий — густой, крикливый, крошечный, налитый кровью, непроглядный, пожар, яркий, ясный* и др. В контекстах: *Он [Траубе] повернул к Киселеву бледное пухлое лицо* [Там же. С. 200]; *Акерман обрывал бледные цветы фуксий, стоявших на столике* [Там же. С. 231]; *густота [ночей] была так велика, что дневной свет не мог пересилить ее и отступал* [Там же. С. 233];

— лексеммы со значением «утратить (первоначальный) цвет», характер восприятия которых В. Г. Кульпина комментирует с позиций лингвистической аксиологии следующим образом: «утрата цвета, цветности рассматриваются человеком как утрата, по крайней мере частичная, утилитарной или художественной ценности какого-либо предмета» [6. С. 154]. Ср.: *вылинять* 'потерять первоначальный яркий цвет' [17. С. 174]; *заношенный 'загрязненный, истрепанный продолжительной ноской'* [Там же. С. 335], *облезлый 'поношенный, потертый'* [Там же. С. 671]. В контекстах: *Алеша Тихонов побледнел и одернул вылинявшую ситцевую рубашку. <...> Одежи у него нет подходящей* [16. Т. 2. С. 239]; *Деньги все сгнили, краска слезла* [Там же. С. 244];

— образные цветообозначения, в которых собственно цветовая составляющая уступает место

⁶ *Акварель* — художественные краски, разводимые водой [Там же. С. 32].

образной: *На всем лежал хмурый налет, будто море закрыла огромная зловеющая тень, солнце ушло навсегда в другие, счастливые страны и посылает Балтике свой потухающий свет* [16. Т. 2. С. 210];

— лексемы с цвето-световым значением: *блистать, вспыхнуть, гореть, закат, заря, игра, искриться, пылать, пламенеть, переливаться, расцветный, сверкать, хрустальный* и др. В контекстах: *невидимые форты загремели, выбрасывая вспышки огня* [Там же. С. 267]; *Офицер вспыхнул, выпрямился и столкнул Киселева левой рукой* [Там же. С. 180]; *Сады начали разгораться, сбрасывая расцветную дымку* [Там же. С. 252]. Данная область поля иллюстрирует закономерную взаимосвязь цвета и света, отражение которой становится одной из черт идиостиловой системы произведений писателя: *Мир оказался наполненным удивительными красками, светом, звуками* [Там же. С. 259] — и последовательно реализуется в корреляции цветовой и световой лексики, в наделении цветом световых явлений: *когда над заливом подымалось белое солнце, офицеры, солдаты и жители Мариегамна жмурились от блеска кораблей, заросших инеем* [Там же. С. 173].

Помимо описанных черт цветописи в «Северной повести» нашли отражение и другие значимые особенности цветовой манеры письма К. Г. Паустовского, среди которых:

— тенденция к колористической интенсификации, проявляющаяся как в расширении границ лексической сочетаемости: *Тускло блестел черный лед* [Там же. С. 234] (ср. с «цветовыми» реакциями на стимул *лед: белый 3, серый 1* [18. С. 289]), так и в маркировке цветом предметов/явлений, которым не присуща цветовая характеристика: *Золотой жар разноцветных свечей наполнял его [зал]* [16. Т. 2. С. 208]; *она [Мари] не знала, чей гений, чья тонкая рука создали <...> этот простор, наполненный зеленоватой ночной прохладой и величавой архитектурной мыслью* [Там же. С. 257];

— передача динамики цвета: *дым из камбузов <...> делался багровым, как дым ночного сражения, и постепенно превращался в черную мглу* [Там же. С. 173];

— разрушение гендерного стереотипа: испытывая чувство сильного смущения, моральной ответственности, в повести краснеют лишь мужские персонажи (Бестужев, Лобов, Тихонов, Щедрин): *Вы француженка? — спросил Тихонов и покраснел* [Там же. С. 251]; *Неужели я должна объяснять это? — сказала Анна с такой горечью, что Лобов*

покраснел в темноте [Там же. С. 203]; *Бестужев покраснел* [Там же. С. 192];

— использование изобразительно-выразительных средств языка: *чем это дерево хуже драгоценного камня? Игра есть, блеску — сколько хочешь, цвет лучше, чем у граната* [Там же. С. 242]; *Залив блестел по ночам, как черное стекло, и отражал звезды* [Там же. С. 172].

Функционируя в тексте «Северной повести», термины цвета принимают участие в конструировании всех значимых для К. Г. Паустовского пространств — пространства человека (*желтые сапоги, рыжие сапоги, розовая юбка, лиловое платье, зеленая варежка, красный платок; красные руки, желтые губы, зеленоватые глаза, покрытые розовым пухом щеки, кровавая слюна* и др.) и «вещного» мира (*желтая Библия, позеленевший самовар, синий стакан* и др.), пространства природы (*зеленые звезды, оранжевый блеск солнца; желтые лишай, зеленел мох; розовый отблеск воды; серебряные рыбы* и др.), в меньшей мере — пространства дома/города (*стены [дома] синие, [двери] оранжевые, золотое мерцание города* и др.), а также творчества (*синеватые парусные корабли [печные изразцы]*) и морской навигации (*багровые огни [крейсер]*).

Вместе с тем доминанты цвета закономерно играют главенствующую роль в визуализации пространств произведения. Так, термин цвета *черный* превалирует в природном пространстве — в описаниях водного пространства (*по черной Неве, черная вода, залив блестел, как черное стекло, блестел черный лед*), животного мира (*черный кот, глаза его [кота] почернели*), воздушного пространства (*черная мгла, черный дым*), растительного мира (*черные кущи островов, черное дерево*). Функциональный потенциал *черного* в равной степени проявляется и в визуализации пространства человека — в вестивальных описаниях преимущественно мужских персонажей, содержащих указание на их социальную принадлежность (*на офицере был черный мундир, черная шинель, черные бескозырки*), реже — женских (*черное шелковое платье, черное старенькое платье*), а также в соматических описаниях, также гендерно обусловленных (*чернобородый капитан, чернобородый человек, черная опухшая щека*). Спорадически *черный* актуализируется в пространстве творчества: *на [портрете] был изображен офицер в черном мундире* [Там же. С. 261]. Единичны случаи его использования в описаниях пространства дома (*дубовая черная дверь*) и морской навигации (*крейсер чернел на пасмур-*

ном небе). В визуализации временной координаты *черный*¹ участия не принимает.

Термин цвета *белый* значим в визуализации пространства природы — в описаниях воздушного пространства (*белое солнце, белые облака, полосы белой пыли [снег]*), растительного мира (*стволы берез белели, слабые белые цветы, белый цветок*) и водного пространства (*белое озеро*), равнозначим в визуализации пространства человека — в создании соматического кода (*белые волосы, беловолосая девушка-дурнушка, белоголовые дети, белобрысый старик, белые зубы*), при передаче эмоциональных состояний (*побелевшие от ярости глаза*), в меньшей мере актуализируется в создании пространства города (*в белых залах, белое здание, белые фонари на площадях*). *Белый* активен в колористической визуализации времени (*стояла белая ночь, в рассеянном блеске белой ночи*): *Вы представляете: белые ночи в магнолиевых лесах!* [Там же. С. 256].

Помимо пространственной координаты, колористической оценкой закономерно сопровождается темпоральная. Так, цветовой диапазон, используемый для визуализации времени, включает термины цвета *белый, желтый, зеленый, розовый, синий*, а также *седой, бледный*, которые принимают участие в описании темпоральных координат «Время суток», «Время года», «Возраст». Цветовые описания времени суток превалируют в «Северной повести»: утро — *желтоватый свет* [зари] *падал*

¹ Контексты *настали черные дни; черные времена*, актуализирующие значение «связанный с трудностями, невзгодами», не принимаются во внимание в рамках исследования.

на землю, отражаясь от стен и окон [Там же. С. 250], также опосредованно: *розовый отблеск воды предвещал близкий восход солнца* [Там же]; вечер — *Темнело. Зеленая заря горела за оконным переплетом* [Там же. С. 220], опосредованно: *Туман и сумерки смешались над городом в синюю мглу* [Там же. С. 232]; ночь — *читать в рассеянном блеске белой ночи было нельзя* [Там же. С. 249].

В меньшей мере представлены колористические описания времени года: *туманы пропитали желтые листья, и под тяжестью холодной влаги листья отрывались от веток* [Там же. С. 231]. На фоне традиционного использования для указания на возраст лексемы *седой*: *его [доктора] седые волосы торчали на голове в беспорядке* [Там же. С. 218] в корреляции с номинацией представителя фауны используется лексема *бледный*: *Бледные, только что родившиеся бабочки летали вокруг, греясь на солнце* [Там же. С. 225].

Таким образом, актуализируя широкий функционально и аксиологически нагруженный колористический спектр в визуализации как пространств произведения, так и его времени, К. Г. Паустовский, используя спектр индивидуально-авторских приемов цветописи, создает уникальный цветовой хронотоп повести, выявляющий присущие автору особенности восприятия и передачи цвета. Реконструкция цветового хронотопа повести вносит вклад, с одной стороны, в изучение языковой личности писателя, с другой — в создание концептосферы цветообозначения русского языка, что представляется значимым в свете когнитивной парадигмы современного языкознания.

Список литературы

1. Высторобец А. И. Евгений Андриканис. М.: Искусство, 1981. 248 с.
2. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1999. 180 с.
3. Кременцов Л. П. Проблема творческой эволюции писателя (К. Г. Паустовский): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1984. 360 с.
4. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках. М.: Моск. лицей, 2001. 470 с.
5. Кульпина В. Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер. М.: МАКС Пресс, 2019. 288 с.
6. Кульпина В. Г. Цветовой спектр в лингвистических и аксиологических аспектах // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. Вып. 55 / отв. ред. В. В. Красных. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 151—168.
7. Петрова Т. Г. Фесенко Э. Я. Притяжение Севера. Архангельск: САФУ, 2015. 426 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: рефератив. журн., 2016. № 4. С. 57—62.
8. Сивова Т. В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К. Г. Паустовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2018. 29 с.

9. Сивова Т. В. Колористическое пространство повести К. Г. Паустовского «Черное море» // *Езиков свят (Orbis Linguarum)*. 2019. Т. 17, кн. 2. С. 17—25.

10. Сивова Т. В. Колористическое пространство повести К. Г. Паустовского «Тарас Шевченко» // *Dialog der Sprachen — Dialog der Kulturen. Die Ukraine aus globaler Sicht: X Internationale virtuelle Konferenz der Ukrainistik*. Munchen, 2020. S. 187—198.

11. Сивова Т. В. Колористическое пространство романа К. Г. Паустовского «Дым отечества» // *Studia Wschodniosłowiańskie*. 2018. Т. 18. С. 213—234.

12. Сивова Т. В. Цепочки цвета как фрагменты колористической палитры прозы Паустовского (на материале автобиографической повести «Повесть о жизни») // К. Г. Паустовский. Материалы и сообщения: сб. ст. М.: Моск. лит. музей-центр К. Г. Паустовского, 2007. Вып. 3. С. 546—552.

13. Степанова Ю. А. Образы культуры и их функции в «Северной повести» К. Г. Паустовского // *Человек в мире культуры: материалы Всерос. науч. конф. молодых ученых*. Екатеринбург, 2008. С. 136—141.

14. Фесенко Э. Я. Притяжение Севера. Архангельск: Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2015. 429 с.

15. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. М.: Наука, 1984. 176 с.

Материал исследования

16. Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Художеств. лит., 1981—1986. Т. 1: Романы и повести. 1981. 623 с. Т. 2: Роман и повести. 1981. 615 с. Т. 3: Повести. 1982. 687 с. Т. 4: Повесть о жизни. Кн. 1—3. 1982. 734 с. Т. 5: Повесть о жизни. Кн. 4—6. 1982. 591 с. Т. 6: Рассказы. 1983. 623 с. Т. 7: Сказки. Очерки. Литературные портреты. 1983. 575 с. Т. 8: Пьесы. Теория капитана Гернета. Документальная повесть. Статьи и выступления. 1984. 447 с. Т. 9: Письма, 1915—1968. 1986. 542 с.

Лексикографические источники

17. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

18. Караулов Ю. Н. [и др.]. Русский ассоциативный словарь. Т. I: От стимула к реакции. М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с.

Сведения об авторе

Сивова Татьяна Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Гродно, Беларусь. sitavi@tut.by

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 1 (447). *Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 153—161.*

COLOR TERMS IN K. PAUSTOVSKY'S LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD REPRESENTATION (ON THE MATERIAL OF "THE NORTHERN STORY")

T. V. Sivova

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus. sitavi@tut.by

In the article a significant slice of the writer's coloristic picture of the world was reconstructed, which seems topical both in the light of the study of writer's linguistic picture of the world and creation of the full version of Russian color terms conceptual sphere. The color spectrum of the story was revealed, only the core of which includes 21 color terms, which is consistently expanded by lexemes with color and light meaning, illustrating the richness of color attribute transmitting means and the specifics of the author's perception and color rendering. The color dominants of the novel were identified, the scope of their primary use and functional potential was described, which is manifested in color visualization of the nature and man space, as well as time. The important features of Paustovsky's color style of writing, among them is the tendency to coloristic intensification, to multicolor rendering, the gender stereotype destruction were described. The significance of the story's color time and space, creating a unique color chronotope, allowing to understand the specifics of the author's coloristic picture of the world, was stated.

Keywords: *linguistic picture of the world, concept, linguistics of color, color term, writer's language, individual style of writing.*

References

1. Vystorobec A. I. (1981) Evgenij Andrikanis [Eugene Andricanis]. Moscow, Iskusstvo Publ. 248 p. [in Russ.].
2. Karaulov Ju. N. (1999) Aktivnaja grammatika i asociativno-verbal'naja set' [Active Grammar and Associative Verbal Network]. Moscow, Russkii yazyk Publ. 180 p. [in Russ.].
3. Kremencov L. P. Problema tvorcheskoj jevoljucii pisatelja (K. G. Paustovskij) [The problem of the writer's creative evolution (K. G. Paustovsky). Thesis]. Moscow, 1984 [in Russ.].
4. Kul'pina V. G. Lingvistika cveta. Terminy cveta v pol'skom i ruskom jazykah [Linguistics of color. Color terms in Polish and Russian languages]. Moscow, Moskovskij Licej Publ., 2001. 470 p. [in Russ.].
5. Kul'pina V. G. Lingvisticheskaja cvetologija: ot istorii k sovremennosti cvetovyh konceptosfer [Linguistics of colour: from history to contemporary stage of colouristic conceptual spheres]. Moscow, MAKSPress Publ., 2019. 288 p. [in Russ.].
6. Kul'pina V. G. (2017) *Jazyk, soznanie, komunikacija*, vol. 55, pp. 151—168 [in Russ.].
7. Petrova T. G. (2016) *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Literaturovedenie*, no. 4, pp. 57—62 [in Russ.].
8. Sivova T. V. (2018) *Vzaimosvjaz' cveta, sveta i hronotopa v jazyke proizvedenij K. G. Paustovskogo* [Interrelation of color, light and chronotope in the language of K. G. Paustovsky's works of fiction. Abstract of thesis]. Mins., 29 p. [in Russ.].
9. Sivova T. V. (2018) *Ezikov svjat (Orbis Linguarum)*, vol. 17 (2), pp. 17—25 [in Russ.].
10. Sivova T. V. (2020) Koloristicheskoe prostranstvo povesti K. G. Paustovskogo "Taras Shevchenko" [The coloristic space of the story "Taras Shevchenko" by K. Paustovsky]. *Dialog der Sprachen — Dialog der Kulturen. Die Ukraine aus globaler Sicht*. Munchen. Pp. 187—198 [in Russ.].
11. Sivova T. V. (2018) *Studia Wschodnioslowiańskie*, vol. 18, pp. 213—234 [in Russ.].
12. Sivova T. V. (2017) Cepochki cveta kak fragmenty koloristicheskaj palitry prozy Paustovskogo (na materiale avtobiograficheskoj povesti "Povest' o zhizni") [Chains of color as fragments of Paustovsky's prose coloristic palette (based on the material of the autobiographical story "The Tale of life")]. *K. G. Paustovskij. Materialy i soobshhenija* [K. G. Paustovsky. Materials and reports], vol. 3. Moscow, Moscow Literary Museum-center of K. G. Paustovsky Publ. Pp. 546—552 [in Russ.].
13. Stepanova Ju. A. (2008) Obrazy kul'tury i ih funkcii v "Severnoj povesti" K. G. Paustovskogo [Images of culture and their functions in "The Northern story" by K. G. Paustovsky]. *Chelovek v mire kul'tury* [Man in the world of culture]. Yekaterinburg. Pp. 136—141 [in Russ.].
14. Fesenko Je. Ja. (2015) Pritjazhenie Severa [Attraction of the North]. Arkhangelsk, Northern (Arctic) Federal University Publ. 429 p. [in Russ.].
15. Frumkina P. M. (1984) *Cvet, smysl, shodstvo* [Color, Meaning, Similarity]. Moscow, Nauka Publ. 176 p. [in Russ.].

Research material

16. Paustovskij K. G. *Sobranie sochinenij v 9 t.* [Collected works in 9 vol.]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1981—1986. Vol. 1, 623 p.; vol. 2, 615 p.; vol. 3, 687 p.; vol. 4, 734 p.; vol. 5, 591 p.; vol. 6, 623 p.; vol. 7, 575 p.; vol. 8, 447 p.; vol. 9, 542 p. [in Russ.].

Dictionaries

17. Kuznetsov S. A. (ed.) (2000) *Bolshoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Big definition dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ. 1536 p. [in Russ.].
18. Karaulov Ju.N. (ed.). (2002) *Russkij asociativnyj slovar'* [Russian associative dictionary]. Moscow, AST-Astrel' Publ. 784 p. [in Russ.].

ОФИЦИАЛЬНЫЙ АНТРОПОНИМИКОН ВОЕННОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Б. С. Хушвахтов

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. Уфа, Россия

Рассматривается официальный антропонимикон военного дискурса, в частности анализируются антропонимические модели, официального именования личности в военном дискурсе английского этносоциума. В результате анализа выделены антропонимические модели, используемые в формулах официального именования личности в военном дискурсе англоязычного этносоциума; выявлены структурные особенности официальных онимов в военном дискурсе в английской лингвокультуре.

Ключевые слова: официальные онимы, военные дискурс, антропонимическая модель, воинские звания, этносоциум.

Имена собственные многие годы являются объектом научных изысканий ученых, рассматривающих такие вопросы, как сущность и возникновение имен собственных, их связь с окружающей действительностью, с традициями этносоциума и его историй. Изучением антропонимов, именований человека: личных имен, фамилий, отчеств, прозвищ, псевдонимов — занимается антропонимика, которая, с одной стороны, является наукой лингвистической, с другой — носит интердисциплинарный характер, так как затрагивает и другие сферы научного познания, такие как социология, психолингвистика, юриспруденция, история, литературоведение, культурология и др. Междисциплинарность антропонимии обусловлена в первую очередь свойствами ее объекта: именованиями личности, их онтологией, многообразием функций, особым статусом в лексико-семантической системе языка, исторической изменчивостью [7. С. 3]. Онимия, как и любая лексика, живо реагирует на все явления, происходящие в окружающей человеческой среде, в результате чего имена оказываются невольными регистраторами явлений природы и событий, имевших место в общественной жизни [10. С. 36].

Многообразие подходов к анализу ономастической лексики свидетельствует о сложности предмета исследования. Интерес ученых в современной ономастике вызывают интегрированные исследования на стыке языка, общества, культуры [4. С. 4]. Ономастическая лексика чутко реагирует на все процессы, происходящие в обществе, вследствие чего онимы становятся свидетелями как явлений природы, так и событий общественной жизни [10. С. 36]. Кроме того, интерес к антропонимическим

проблемам можно объяснить антропоцентрической направленностью анализируемого материала, в частности официального и неофициального именований лица. Следует отметить, что официальные имена являются статическими единицами, входящими в систему языка, в то время как неофициальные имена представляют собой номинативное обозначение лица во всем многообразии своего проявления в живой речи [4. С. 75]. Поскольку внутреннюю форму знака создает признак именуемого объекта, а каждый объект может обладать несколькими признаками, то в речи возможна актуализация любого из признаков; таким образом одно и то же лицо может приобретать в отличие от официальных именований множество обозначений. Важным компонентом языковой компетенции носителя языка является знание об адекватности использования соответствующих форм имен собственных в зависимости от речевой ситуации общения, сферы коммуникации (официальная, неофициальная, деловая, дружеская и т. д.) и отношений, в которых находятся коммуниканты [12. С. 124].

Антропонимы как класс ономастических номинативов обладают высокой информативностью, так как включают в себя многообразие культурных, религиозных, социальных, экономических и политических факторов. В речевой коммуникации имена собственные выполняют разные функции. Официальные онимы в связи с их конкретно денотативной соотнесенностью выполняют в первую очередь номинативную функцию. Неофициальные наряду с номинативной — характеризующую. А. В. Суперанская выделяет такие функции имен собственных в речи, как: «коммуникативную, апеллятивную, экспрессивную и дейктическую»

[10. С. 272—273]. В. А. Никонов выделяет следующие функции собственных имен: номинативную, дескриптивную и идеологическую. В первом случае речь идет о характере наименования объекта, во втором — о его описании, в третьем — о выражении идеи, связанной с именем [6. С. 245].

Антропонимы каждой исторической эпохи отражают социальный фон, окружающий носителя имени и идентифицируют его как члена конкретного этносоциума. Каждое культурное сообщество, в свою очередь, формирует свои законы именования и имяпользования, а также определенные формы имен собственных, объясняемые структурой языка. Анализируя антропонимические модели различных этносоциумов, А. В. Суперанская отмечает, что в каждой общественной группе функционирует антропонимическая система, позволяющая однозначно номинировать каждого члена социума. Известный отечественный ономастолог выявила три типа антропонимических систем: «одноименную, двуименную и трехименную». К одноименной системе, по мнению А. В. Суперанской, относится польская система XII—XIII вв., когда лицо именовалось одним именем, а добавочные патронимические или оттопонимические определения носили вспомогательный характер; примером двуименной системы является современная польская формула именования лица; в качестве примера трехименной системы ученый называет современную русскую, состоящую из имени, отчества и фамилии, или латинскую: *praenomen, nomen, cognomen* [11. С. 57—58].

А. Н. Антышев считает не совсем правомерным данное деление, поскольку форма не всегда отражает содержание. В частности, в немецкоязычном ареале каждый человек является носителем антропонима, состоящего самое меньшее из одного личного имени (*Vorname*) и одинарного фамильного онима, но в случае «трехименной» формулы «два личных онима + фамильный оним» наблюдается содержательное несовпадение с «трехименной» формулой русскоязычного этносоциума «имя + фамилия + отчество» [4. С. 44]. Современная французская антропонимическая модель состоит из формулы «личное имя + личное имя + фамилия». В истории французского антропонимикона в католической традиции существовала связь с именами святых (*saint patrons*, крестильным именем), но в современном французском ономастиконе эта традиция практически не используется. Более того, несмотря на консерватизм французов по отношению к собственному языку, в последние десятиле-

тия наблюдается тенденция влияния других языков и культур на французский ономастикон: мужские онимы попадают под влияние английского языка (в большей степени от американского варианта, чем британского), а женские имена — латинизируются [3. С. 57—58]. Антропонимические модели Испании представлены следующими формулами: 1) двучленная модель «личное имя (*nombre de pila*) + фамильный оним (*nombre de apellido*)»; 2) трехчленная модель «личное имя 1 + личное имя 2 + фамильный оним»; 3) многочленная модель «личное имя 1 + личное имя 2 + фамильный оним 1 + фамильный оним 2, то есть одно или несколько личных имен и два фамильных [9. С. 138—139]. Антропонимическая модель жителей Британских островов представлена формулой «индивидуальный оним *n* + наследственное имя», где *n* = 1, 2, 3, чаще всего *n* = 1 или 2. В современном официальном антропонимиконе Великобритании сохранилась традиция давать ребенку трехкомпонентную официальную формулу именования: «личное имя /анг. *Christian name, first name, given name, personal name, prename, forename* + среднее имя /анг. *middle name* + фамилия /анг. *surname, family name, last name* [5. С. 54]. Следует отметить, что полносоставная формула именования лица используется, как правило, только в предусмотренных законодательно официальных случаях идентификации личности, например в свидетельствах о рождении и смерти, записях актов гражданского состояния, удостоверениях личности и загранпаспортах, в анкетах при трудоустройстве на работу, при регистрации в гостинице, в документах об образовании, в водительских правах и т. д. [1. С. 164].

В рамках данного исследования мы хотели бы рассмотреть структурные особенности официальных онимов в военном дискурсе в английской лингвокультуре. Эмпирическим материалом исследования послужили более 1000 официальных имен собственных военной сферы, отобранных нами из англоязычных журналов и газет: *Army AL&T* (January — March 2019), *Defens News & Army Times* (January 2017—2019), *The Magazine of the Association of the United States Army* (2015—2019), *SOLDIER — Magazine of the British Army* (January — December 2018).

Важным институтом любого этносоциума являются Вооруженные силы с четко выстроенной системой воинских званий, на основе которых выстраивается иерархия и субординация в каждом военном формировании. Рассмотрим систему воинских званий в Вооруженных силах США.

и Великобритании, поскольку воинские звания являются неотделимым элементом официальной структуры антропонима в военном дискурсе.

По функциональному назначению Вооруженные силы США делятся на Военно-воздушные силы (ВВС), Военно-морские силы (ВМС) и Сухопутные войска (СВ) [8. С. 104]. В свою очередь Вооруженные силы Великобритании состоят из сухопутных войск (СВ), Военно-морских (флот и морская пехота) и Военно-воздушных сил (ВВС)¹. Воинские звания занимают важное место в официальных обращениях к военнослужащему любого государства. Рассмотрим воинские звания в Вооруженных силах США и Великобритании в сопоставлении (см. таблицу на с. 165).

Представленная в таблице система званий формирует основу структуры армии США и Великобритании и определяет роль офицера и степень ответственности.

Генерал армии (*General of the Army*) — это высшее военное звание в США. Его аналогом в России являются маршал (*Marshal*) и фельдмаршал (*Field-marshal*). Как правило, присваивается во время войны. Персональный почетный титул, присваиваемый лично военачальнику, а не как регулярный прописанный в уставе чин (*rank*) с особыми знаками различия.

Коммодор (*Commodore*) — звание, принадлежащее офицерскому составу, на ступеньку старше капитана (*Captain*), но младше контр-адмирала (*Rear Admiral* — в некоторых странах звание контр-адмирала имеет две ступени: контр-адмирал младшего ранга и контр-адмирал старшего ранга).

Энсин (*Ensign*) — звание, принадлежащее офицерскому составу, на ступеньку выше старшего уоррент-офицера (*Chief Warrant Officer*) является аналогичным званию прапорщика в России.

Воинские звания армии США имеют достаточной большой сержантский состав (шесть званий): сержант-майор (*Sergeant Major*), мастер-сержант (*Master Sergeant*), первый сержант (*First Sergeant*), сержант первого класса (*Sergeant 1st Class*), штаб-сержант (*Staff Sergeant*), сержант (*Sergeant*).

Для американской армии характерны двойные звания. Одно из них является постоянным, другое — временным. Например, если на должность командира роты будет назначен младший лейтенант (*Second Lieutenant*), ему присваивают временное звание капитана (*Captain*). По правилам в срок выслуги ему присваивают очередное звание,

до тех пор, когда постоянное звание не совпадет с временным.

В Великобритании существуют различия в системе воинских званий, что связано с культурными, идеологическими особенностями, а также с историческим развитием. К офицерским званиям Вооруженных сил Великобритании относятся фельдмаршал (*Field-marshal*) и адмирал (*Admiral of the fleet*). Данные звания являются самыми высокими должностями в армии Великобритании. Генеральское звание, находящееся между полковником и генерал-майором, — бригадный генерал (*Brigadier* или *Brigadier General*). Равный по значению чин в военной морской пехоте — коммодор. В некоторых государствах этому званию соответствовал или соответствует чин бригадира. В современной Российской армии нет звания бригадный генерал. Есть командир бригады, который, как можно догадаться по названию, возглавляет бригаду — одно из подразделений армии. Еще одно звание, которое относится к офицерскому составу, — это подполковник (*Lieutenant Colonel*).

Также существует офицерское звание кадет (*Officer Cadet*), относящееся к офицерскому составу, которое получают курсанты во время обучения в военной академии.

Иерархию сержантов в Вооруженных силах Великобритании можно представить следующим образом: прапорщик первого разряда (*Warrant Officer Class One*) — является главным помощником командира своего подразделения; он также отдает приказы и следит за дисциплиной солдат; главный старшина (*Master Chief Petty Officer*) — считается самым высоким неофицерским званием в армии Великобритании. Указанные выше звания, как правило, являются составным компонентом официальной структуры антропонима в военной сфере.

В результате анализа эмпирического материала нами были выделены следующие антропонимические модели, используемые в формулах официального именовании личности в военном дискурсе англоязычного этносоциума как в письменной, так и в устной речи:

I. Воинское звание (полная или краткая форма) + комбинации официального антропонима.

II. Воинское звание (полная или краткая форма) + комбинации официального антропонима + указатель социального статуса.

III. Воинское звание (полная или краткая форма) + комбинации официального антропонима + указатель наследного имени (Jr.; II; III; и т. п.).

¹ <https://www.gov.uk/>

**Воинские звания в Вооруженных силах США и Великобритании
(офицерский состав)**

США		Великобритания	
		<i>Army (армия)</i>	<i>Navy (Военно-морской флот)</i>
<i>Army (армия)</i> <i>Air Force (ВВС)</i> <i>Marine Corps (морская пехота)</i>	<i>Navy (Военно-морской флот)</i>	<i>Army (армия)</i>	<i>Navy (Военно-морской флот)</i>
General of the Army (Air Force) (генерал армии (ВВС))	Fleet Admiral (адмирал флота)	Fieldmarshal (фельдмаршал)	Admiral of the fleet (адмирал Военно-морского флота)
General (генерал)	Admiral (адмирал)	General (генерал)	Admiral (адмирал)
Lieutenant General (генерал-лейтенант)	Vice Admiral (вице-адмирал)	Lieutenant General (генерал-лейтенант)	Vice Admiral (вице-адмирал)
Major General (генерал-майор)	Major General (генерал-майор)	Major General (генерал-майор)	Rear Admiral (контр-адмирал)
Brigadier (бригадный — командир)	Commodor (коммодор)	Brigadier (бригадный (командир))	Commodor (коммодор)
Colonel (полковник)	Captain (капитан)	Colonel (полковник)	Captain (Junior Grade) (капитан второго ранга)
Lieutenant Colonel (подполковник)	Commander (коммандер)	Lieutenant Colonel (подполковник)	Captain (Senior Grade) (капитан первого ранга)
Major (майор)	Lieutenant Commander (лейтенант-коммандер)	Major (майор)	Commander (коммандер)
Captain (капитан)	Lieutenant (лейтенант)	Captain (капитан)	Lieutenant Commander (лейтенант-коммандер)
Firs-Lieutenant (старший лейтенант)	Lieutenant (Junior Grade) (младший лейтенант флота)	Lieutenant (лейтенант)	Lieutenant (лейтенант)
Second-Lieutenant (младший лейтенант)	Ensign (энсин (прапорщик))	Second-Lieutenant (младший лейтенант)	Lieutenant (Junior Grade) (младший лейтенант флота)
Chief-Warrant Officer (старший уоррент-офицер)	Chief-Warrant Officer (старший уоррент-офицер)	Officer Cadet (кадет — звание прапорщика в период его обучения на офицера (младшего лейтенанта))	Ensign (энсин (прапорщик))
Warrant-Officer (прапорщик)	Warrant-Officer (прапорщик)		Gunnery (Sergeant (досл.: боевой сержант))

IV. Воинское звание (полная или краткая форма) + разные комбинации официального онима + указатель наследного имени + прозвище.

V. Воинское звание (полная или краткая форма) + разные комбинации официального антропонима + военная должность.

VI. Воинское звание (полная или краткая форма) + разные комбинации официального антропонима + прозвище.

Рассмотрим подробнее каждую из представленных выше антропонимических моделей.

**I. Воинское звание
(полная или краткая форма)
+ комбинации официального антропонима**

I.1. Воинское звание + личное имя + средний оним + фамильный оним: *Lieutenant General John Bell Hood* (*Lieutenant General* — воинское звание; *John* — личное имя; *Bell* — средний оним; *Hood* — фамильный оним), *Lieutenant Governor Karyn Polito*.

I.2. Воинское звание (краткая форма) + личное имя + инициал среднего онима + фамильный оним: *Gen. Harold K. Johnson, Maj. Jeffery T. Burroughs*.

I.3. Воинское звание (полная форма) + личное имя + фамильный оним: *Admiral Mike Mullen, Master Sergeant Gregg Allen*.

I.4. Воинское звание (полная или краткая форма) + личное имя + инициал фамильного онима: *Lieutenant General Reynold N., Maj. Gen. William S.*

I.5. Воинское звание (краткая форма) + личное имя + инициалы среднего онима + фамильный оним: *Lt. Col. Andre J. Johnson, Maj. Joel M. Machak*.

I.6. Воинское звание (краткая форма) + вежливого форма обращение (*Sir*) + личное имя + фамильный оним: *Maj. Gen. Sir Edward Pakenham, Lt. Gen. Sir Thomas Picton*.

I.7. Воинское звание (полная или краткая форма) + инициалы личного и среднего онима + фамильный оним: *Command Sgt. Maj. J. D. Clements, Master Sergeant O. O. Dawkins*.

**II. Воинское звание
(полная или краткая форма)
+ разные комбинации официального антропонима + указатель социального статуса**

II.1. Воинское звание (краткая форма) + личное имя + инициалы среднего онима + фамильный оним + указатель социального статуса: *Gen. Frederick J. Kroesen, U. S. Army retired, Gen. Gordon R. Sullivan, U. S. Army retired (U. S. Army retired — отставник армии США)*.

**III. Воинское звание
(полная или краткая форма)
+ разные комбинации
официального антропонима
+ аббревиатура — указатель наследного
имени**

III.1. Воинское звание (краткая форма) + личное имя + инициал среднего онима + фамильный оним с указателем наследного имени: *Gen. Creighton W. Abrams Jr, Gen. Charles H. Jacoby Jr, Gen. George S. Patton Jr*. Согласно английской традиции к имени ребенка, носящего имя своего отца, приписывали еще и аббревиатуру Jr II, III: *Maj. Gen. P. E. Funk II, Gen. J. H. Binford Peay III*.

III.2. Воинское звание (полная или краткая форма) + инициалы личного и среднего онима + фамильный оним с указателем наследного имени: *Command Sgt. Maj. T. S. Fitzgerald Jr., Command Sgt. Maj. R. G. Lehtonen II*.

**IV. Воинское звание
(полная или краткая форма)
+ разные комбинации официального онима
+ указатель наследного имени + прозвище**

IV.1. Воинское звание (краткая форма) + инициал личное имени + средний оним + указатель наследного имени + прозвище: *Gen. H. Norman Schwarzkopf Jr "Great Wheel"* (Great Wheel / Огромное колесо).

**V. Воинское звание
(полная или краткая форма)
+ разные комбинации
официального антропонима
+ военная должность**

V.1. Воинское звание (краткая форма) + личное имя + инициал среднего онима + фамильный оним + военная должность: *Gen. Mark A. Milley commander of U. S. Army Forces Command, Gen. Vincent K. Brooks, commanding general, U. S. Army Pacific*.

**VI. Воинское звание
(полная или краткая форма)
+ разные комбинации официального антропонима + прозвище**

VI.1. Воинское звание (краткая форма) + личное имя + инициал среднего онима + прозвище: *Lt. Gen. John H. "Jack" (Jack/Джек); Lt. Gen. Arthur S. "Ace" (Ace/Туз)*.

VI.2. Воинское звание + личное имя + средний оним + прозвище + фамильный оним: *Maj. Gen. Harold Roe "Pinky" Bull (Pinky/Розоватый)*.

VI.3. Воинское звание (краткая форма) + личное имя + инициал среднего имени + прозвище + фамильный оним: *Lt. Gen. Alexander M. "Sandy" Patch* (Sandy/Песчаный); *Maj. Gen. William G. "Fuzzy" Webster* (Fuzzy/Пушистик).

Проведенный нами анализ показал, что военная сфера как отдельное сообщество имеет свои собственные законы наименования и использования личных имен. Официальные антропонимы военного дискурса обладают устойчивостью в реальной коммуникации, в формах обращения соблюдается строгая система рангов.

В результате структурного анализа официального антропонимикона военных нами было выделено шесть антропонимических моделей, используемых в формулах официального именования личности в военном дискурсе англоязычного этносоциума. Каждая из них состоит из подгрупп, отражающих традиции номенклатуры военных

сфер США и Великобритании. Следует отметить, что система званий формирует основу структуры армии любого государства; военные звания, в свою очередь, являются в военной сфере важным составным компонентом официальной структуры антропонима. Официальные антропонимы военного дискурса учитывают национальную официальную структуру английского антропонимикона в целом, отличаются самостоятельностью, строгим соблюдением иерархического порядка субординации в частности.

Антропонимические модели, используемые в формулах официального именования личности в военном дискурсе англоязычного этносоциума, отражают и передают образ жизни и менталитет, характерные для данного общества, а также помогают понять историю и традиции англоязычных стран в целом.

Список литературы

1. Антышев А. Н. Имена. Немецкие антропонимы. Уфа: БГАУ, 2001. 239 с.
2. Бойко Л. Б. О структуре антропонима и его функционировании в русском и английском языках // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 2. С. 14—22.
3. Бойчук И. В., Лавриненко А. О. Французские личные имена и способы и закономерности их адаптации в русском языке // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 57—61.
4. Буркова Т. А. Функционально-стилистическое варьирование онимов в немецком антропонимиконе. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. 224 с.
5. Ковалева М. С. Английские антропонимы и их лексикографическое представление: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2015. 187 с.
6. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Гл. редакция вост. литературы изд-ва «Наука», 1974. 278 с.
7. Рылов Ю. А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика: курс лекций по межкультур. коммуникации. М.: АСТ: Восток — Запад, 2006. 311 с.
8. Сидорин А. Н., Прищепов В. М., Акуленко В. П. Вооруженные силы США в XXI веке: воен.-теор. труд. М.: Куликово поле: Воен. кн., 2013. 800 с.
9. Скрозникова В. А. Испанцы и испаноязычные народы // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 138—143.
10. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., Наука, 1973. 366 с.
11. Суперанская А. В. Структура имени собственного // Фонология и морфология. М.: Наука, 1969. 207 с.
12. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. 291 с.

Сведения об авторе

Хушвахтов Билолидин Саймудинович — аспирант второго года обучения Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, Уфа, Россия. bilol.hushvahtov@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 1 (447). Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 162—168.

OFFICIAL ANTHROPONYMICON OF THE MILITARY DISCOURSE (EXEMPLIFIED BY THE ENGLISH LANGUAGE)

B. S. Khushvaktov

Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia. bilol.hushvahtov@mail.ru

The article discusses the official anthroponymic of English military discourse. Interpretations of the concepts «official anthroponym», «unofficial anthroponym» in modern onomastic studies are determined. Differential signs of official and unofficial forms of naming of a face are revealed. The work analyzes the anthroponymic models used in the official naming formulas of the personality in the military discourse of the English ethnosocium. Anthroponymic models existing in modern English are described. The system of military ranks in the armed forces of the United States and Great Britain is considered, since military ranks are an inseparable element of the official structure of the anthroponym in military discourse. As a result of the analysis of empirical material, anthroponymic models are identified that are used in the official naming formulas of the personality in the military discourse of the English-speaking ethnosocium; structural features of official onyms in military discourse in English linguistic culture are revealed.

Keywords: *official onyms, military discourse, anthroponymic model, military rank, etnosocial.*

References

1. Antyshev A. N. (2001) Names. German anthroponyms. Ufa. 239 p. [in Russ.].
2. Boyko L. B. (2015) *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant*, iss. 2, pp. 14—22 [in Russ.].
3. Boychuk I. V., Lavrinenko A. O. (2017) *VSU Bulletin. Series: linguistics and intercultural communication*, no. 1, pp. 57—61 [in Russ.].
4. Burkova T. A. (20105) Functional and stylistic variation of onyms in the German anthroponymicon. Ufa, BSPU Publishing House. 224 p. [in Russ.].
5. Kovaleva M. S. (2015) English anthroponyms and their lexicographic representation. Samara. 187 p. [in Russ.].
6. Nikonov V. A. (1974) Name and society. Moscow, Nauka. 278 p. [in Russ.].
7. Rylov Yu. A. (2006) Proper Names in European languages. Roman and Russian anthroponymics. Cours of lectures on intercultural communication. Moscow, AST, East-West. 311 p. [in Russ.].
8. Sidorin A. N., Prishchepov V. M., Akulenko V. P. (2013) The US Armed forces in the XXI century. Military-theoretical work. Moscow, Kulikovo pole, Military book. 800 p. [in Russ.].
9. Skroznikova V. A. (1989) Spaniards and Spanish-speaking peoples. *Systems of personal names among the peoples of the world*. Moscow, Nauka. Pp. 138—143 [in Russ.].
10. Superanskaya A. V. (1973) General theory of the proper name. Moscow, Nauka. 366 p. [in Russ.].
11. Superanskaya A. V. (1969) Structure of the proper name. *Phonology and morphology*. Moscow, Nauka. 207 p. [in Russ.].
12. Formanovskaya N. I. (1998) Communicative and pragmatic aspects of communication units. Moscow, Institute of Russian language named after A. S. Pushkin. 291 p. [in Russ.].